КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Комора въ Потокахъ.

СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА САМОУБІЙСТВО И ОТГОЛОСОКЪ ИХЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ЮЖНОЙ-РУСИ.

Самоубійство, какъ сознательно-намѣренное прекращеніе собственной жизни, есть актъ настолько противный законамъ природы, что онъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ мірѣ животныхъ и составляетъ печальную привилегію одного человѣка — и то лишь на высшихъ ступеняхъ его умственнаго развитія. Народы первобытные, какъ истинные дѣти природы, не знаютъ, что такое самоубійство. У грековъ въ древнѣйшую эпоху ихъ историческаго существованія самоубійства случались крайне рѣдко; послѣ пелопонезской войны развилась между ними болѣзненная склонность къ самоубійству и затѣмъ достигла наибольшей степени напряженности въ то время, когда Греція подпала подъ власть Рима. У римлянъ во времена республики не замѣчалось склонности къ самоубійству; она появилась только въ эпоху имперіи и, подъ вліяніемъ отчасти стоической философіи, распространилась по всему пространству государства. Можно сказать, что уже въ I в. до Р. X. и въ I и II вв. по Р. X. весь древній міръ придерживался пессимистическаго міровоззрѣнія, и потому пресыщеніе жизнью и самоубійство въ это переходное время составляли довольно частыя явленія: въ Греціи и въ Римѣ, въ Египтѣ и на Востокѣ люди были несчастливы, недовольны, утомлены жизнью и часто рѣшались добровольно прекратить свое существованіе.

Съ распространеніемъ христіанства исчезаетъ склонность къ самоубійству, и въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, это явленіе не вѣдомо. Бывали рѣдкіе, отдѣль-

ные случаи самоубійства, но ихъ всегда можно было объяснить частными причинами; склонность къ самоубійству не составляла въ то время, какъ теперь, общественнаго бѣдствія.

Начиная съ вѣка Возрожденія и Реформаціи, случаи самоубійства учащаются; въ XVIII в. въ западной Европѣ можно уже подмѣтить болѣзненную склонность къ самоубійству, а въ нашъ вѣкъ эта склонность является повсемѣстною и весьма распространенною. Съ каждымъ годомъ число случаевъ самоубійства увеличивается прогрессивно [1]). Нѣкоторые статистики полагаютъ, что теперь въ цивилизованныхъ государствахъ Европы около 50,000 человѣкъ ежегодно налагаютъ на себя руки. Добровольно лишаютъ себя жизни мужчины и женщины, старые и молодые (а у насъ въ Россіи даже и малолѣтніе), богатые и бѣдные, здоровые и больные.

Это постоянное увеличеніе случаевъ самоубійства во всѣхъ государствахъ Европы, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа душевныхъ больныхъ, указываетъ на ненормальное положеніе европейскихъ обществъ и составляетъ самый печальный и наиболѣе знаменательный признакъ нашего времени.

Возникаетъ вопросъ: какія же причины обусловливаютъ тотъ фактъ, что въ извѣстныя историческія эпохи весьма многіе не только перестаютъ бояться смерти, какъ это свойственно людямъ, но даже сами охотно и добровольно призываютъ къ себѣ эту страшную гостью?

Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ не дала еще пока наука, да едвали онъ и возможенъ при ны-

---

[1]) Для доказательства этого положенія, заимствуемъ изъ книги вѣнскаго профессора д-ра Мазарыка „Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881.“, которой мы пользуемся и въ другихъ мѣстахъ настоящаго очерка, слѣдующую статистическую таблицу.

Число случаевъ самоубійства было:

	въ 1866 г.	*въ 1876 г.*		*въ 1866 г.*	*въ 1876 г.*
Во Франціи	5119	5804.	Въ Даніи	443	506
Въ Цислейтаніи	1265	2438.	Въ Швеціи	309	409
Въ Италіи	588	1024.	Въ Англіи	1329	1770
Въ Саксоніи	704	981.	Въ Ирландіи	67	111
Въ Баваріи	410	522.			

нѣшнемъ состояніи изученія даннаго явленія. Эпидемія самоубійствъ не составляетъ историческаго явленія, совершившагося лишь въ прошломъ: это—живой, непрерывно совершающійся и съ каждымъ днемъ зловѣще возрастающій фактъ; поэтому одного историческаго метода для его изученія слишкомъ недостаточно. Если судить лишь по историческимъ даннымъ, касающимся чередованія эпидемій самоубійства въ прошлой жизни европейскихъ обществъ, то можно, пожалуй, прійти къ поразительнымъ и крайне неутѣшительнымъ выводамъ. Самоубійство, какъ мы видѣли, составляетъ печальную привилегію лишь культурныхъ народовъ, и степень его распространенности прямо пропорціональна широтѣ и высотѣ ихъ умственнаго развитія: въ исторіи Греціи эпоха самоубійствъ открывается тотчасъ послѣ Перикла и совпадаетъ съ вѣкомъ Сократа, Платота и Аристотеля; въ исторіи Рима она совпадаетъ съ золотымъ вѣкомъ его литературы; въ исторіи западной Европы—съ эпохой Возрожденія, и достигаетъ небывалаго напряженія въ наши дни. Этотъ выводъ какъ-будто находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, отмѣчаемомъ современной статистикой, что тѣ страны, въ коихъ образованіе сдѣлало наибольшіе успѣхи, какъ, напр., Франція, занимаютъ первое мѣсто въ статистическихъ таблицахъ о числѣ случаевъ самоубійствъ, и наоборотъ: тамъ, гдѣ научное образованіе не проникло еще глубоко въ народную массу, какъ наприм. въ Испаніи, Португаліи, тамъ самоубійства случаются рѣже. Еще болѣе поразителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ нашего отечества, гдѣ эпидемія самоубійствъ свирѣпствуетъ съ такою силою исключительно въ интеллигентныхъ общественныхъ кругахъ и почти не извѣстна среди массы простого, особенно сельскаго народа Враги просвѣщенія могутъ, пожалуй, повторить извѣстное восклицаніе Фамусова: „ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина!“ Но можно ли серьезно утверждать, будто распространенность самоубійствъ находится въ прямой зависимости отъ большей или меньшей степени умственнаго развитія извѣстнаго общества? Можно ли думать, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, съ помощью гуманизирующаго и облагораживающаго вліянія

науки, пріучается болѣе цѣнить чужую жизнь, онъ менѣе дорожитъ собственною? Конечно, нѣтъ. Наука и просвѣщеніе такъ же мало повинны въ стремленіи людей къ самоуничтоженію, какъ не повинны они, напримѣръ, въ политическихъ революціяхъ, въ чемъ ихъ также иногда обвиняли. А тѣ историческіе факты, которые могутъ быть приведены якобы въ подтвержденіе этихъ обвиненій, находятъ весьма простое объясненіе въ томъ естественномъ явленіи, что умственно развитой человѣкъ несравненно болѣе страдаетъ отъ различнаго рода несовершенствъ окружающей его жизни и потому труднѣе мирится съ ними, нежели человѣкъ неразвитой.]

Столь же одностороннимъ представляется намъ и тотъ выводъ, къ какому пришелъ проф. вѣнскаго университета, д-ръ Мазарыкъ, посвятившій вопросу о самоубійствѣ цѣлую книгу. Въ своемъ изслѣдованіи онъ устанавливаетъ прежде всего два факта: во первыхъ, что статистическія данныя не позволяютъ будтобы объяснять теперешней склонности къ самоубійству ни вліяніемъ природы, ни тѣлесной организаціей современныхъ поколѣній, ни условіемъ ихъ общественнаго, политическаго и экономическаго быта; во вторыхъ, что [въ теченіе всей европейской исторіи болѣзненная склонность къ самоубійству развивалась именно въ тѣ времена, когда сила народной религіи ослабѣвала и распространялось невѣріе. Исходя изъ этихъ фактовъ, вѣнскій ученый склоненъ объяснять современную эпидемію самоубійства печальнымъ религіознымъ положеніемъ образованныхъ европейскихъ народовъ, все болѣе ухудшающимся, по его мнѣнію,] по мѣрѣ распространенія въ массахъ просвѣщенія.

Односторонность этого объясненія слишкомъ очевидна. Ему противорѣчитъ прежде всего тотъ общеизвѣстный фактъ, что между самоубійцами встрѣчаются нерѣдко люди религіозные. Еще болѣе спорнымъ представляется намъ утвержденіе вѣнскаго ученаго, будто степень распространенности самоубійствъ не находится ни въ какой зависимости отъ условій общественной и экономической жизни даннаго народа. Положеніе это можетъ быть правильно лишь въ примѣненіи къ такимъ случаямъ са-

моубійства, которые вызываются исключительно патологическими причинами: безнадежно-болѣзненнымъ состояніемъ, умопомѣшательствомъ и т. под.; въ остальныхъ же случаяхъ соціально-экономическія причины несомнѣнно играютъ видную роль. По статистическимъ даннымъ, наибольшее число самоубійствъ во Франціи, наприм., падаетъ на долю отставныхъ рабочихъ, которые по старости и слабосилію становятся неспособными къ труду. Точно также сомнительно и другое утвержденіе д-ра Мазарыка, будто нынѣшняя распространенность самоубійствъ не можетъ быть объясняема (хотя отчасти) вліяніемъ тѣлесной организаціи современныхъ поколѣній. Съ этимъ едвали могутъ согласиться врачи, которымъ при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ самоубійцъ приходится часто наблюдать въ нихъ различнаго рода мозговыя аномаліи, наприм.: сростаніе оболочекъ мозга со сводомъ черепа и другія признаки, свидѣтельствующіе о преждевременной остановкѣ мозгового развитія. Эти аномаліи встрѣчаются у самоубійцъ такъ часто, что едвали можно объяснить ихъ дѣломъ случая; онѣ наводятъ на предположенія о явленіяхъ физическаго вырожденія, совершающагося не безъ вліянія соціально-экономическихъ причинъ. При данныхъ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ, благодаря плохому питанію, худосочію родителей, пьянству, сырымъ и дурно вентилируемымъ помѣщеніямъ, плохому уходу за дѣтьми и многому-множеству другихъ причинъ, которыя всѣ въ концѣ концевъ опять таки сводятся къ главной язвѣ—нищетѣ и невѣжеству, человѣкъ уродуется съ колыбели такъ, что физически не можетъ сдѣлаться нормальнымъ членомъ общества. Въ одномъ случаѣ изъ него выходитъ преступникъ, въ другомъ онъ остается идіотомъ, кретиномъ, въ третьемъ—является жалкимъ существомъ, органически неспособнымъ приноровиться къ сложнымъ требованіямъ современной жизни, къ трудной борьбѣ за существованіе.

Упоминая обо всемъ этомъ, мы не имѣемъ, конечно, въ виду принимать на себя рѣшеніе вопроса о причинахъ распространенности самоубійствъ въ современныхъ обществахъ. Мы хотѣли только сказать, что явленіе это настолько сложно, что

его никакъ нельзя сводить къ исключительному дѣйствію одного какого-либо фактора, и что вопросъ о причинахъ самоубійства можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ путемъ весьма тщательныхъ статистическихъ наблюденій и изученій, при совокупномъ участіи представителей различныхъ отраслей науки и знанія. Иначе, моралистъ рѣшитъ его такъ, медикъ иначе, богословъ еще иначе, юристъ, философъ, историкъ—каждый по своему; и каждый съ своей точки зрѣнія будетъ правъ до извѣстной степени, потому что причины этого печальнаго явленія такъ разнообразны и сложны, что нѣтъ такого несовершенства въ современной жизни, которое не играло бы между ними какой нибудь роли.

Въ настоящемъ случаѣ наша задача сводится лишь къ тому, чтобы напомнить, какъ смотрѣли на самоубійство въ прежнія времена и какія мѣры были принимаемы для предупрежденія этого явленія.

У древнихъ народовъ самоубійство не считалось предосудительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ, смотря по тому, какими побужденіями руководился самоубійца, его считали даже похвальнымъ дѣйствіемъ; такъ, наприм., смотрѣли на религіозное самоубійство индійцы и на политическое—римляне. Вообще же можно сказать, что въ древнемъ мірѣ преобладало безразличное отношеніе къ этому явленію. По римскому праву, за покушеніе на самоубійство наказывались только солдаты, но и эта мѣра вызывалась, какъ кажется, исключительно военными, а не этическими соображеніями, подобно тому какъ въ настоящее время наказуемо членовредительство, совершаемое съ цѣлью уклоненія отъ военной службы.

Христіанство впервые внесло въ міръ понятіе о самоубійствѣ, какъ о грѣховномъ дѣйствіи. Провозгласивъ догматъ о промыслѣ Божьемъ и исходя изъ совершенно новаго взгляда на человѣческую жизнь, какъ на подвигъ, возложенный на каждаго изъ насъ Богомъ съ извѣстными высшими цѣлями, христіанство логически не могло признать за человѣкомъ права на самовольное уклоненіе отъ этого подвига и произвольное

прекращеніе жизни, какъ дара Божія, и потому отнеслось къ самоубійству съ безусловнымъ осужденіемъ. Это сказалось еще во времена апостольскія, когда въ юной церкви возникло недоумѣніе, какъ относиться къ тѣмъ, которые, стремясь къ аскетическимъ подвигамъ и невѣрно толкуя нѣкоторыя мѣста евангелія, подвергали себя оскопленію. Въ такъ называемыхъ апостольскихъ правилахъ относительно такихъ лицъ было постановлено: „Самъ себе скопившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія" [1]). Такимъ образомъ скопчество предано было осужденію именно, какъ частный видъ самоубійства. Собственно же самоубійство, надо полагать, долго еще оставалось явленіемъ небывалымъ среди послѣдователей новой вѣры, и потому ни у начальныхъ христіанскихъ писателей, ни въ постановленіяхъ первыхъ вселенскихъ соборовъ о немъ нѣтъ упоминаній. Впервые о немъ говорится въ каноническихъ отвѣтахъ александрійскаго епископа Тимоѳея, одного изъ отцевъ церкви конца IV вѣка. На вопросъ: „аще кто, будучи внѣ себя, подниметъ на себя руки, или повергнетъ себя съ высоты: за таковаго должно ли молиться или нѣтъ?"— св. Тимоѳей даетъ такой отвѣтъ: „О таковомъ священнослужитель долженъ разсудить, подлинно ли будучи внѣ ума содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнуть, да будетъ приношеніе и молитва за него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быть, что содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческой, или по иному какому случаю отъ малодушія: и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывать, да не подпадетъ осужденію" [2]).

Прошло, однако, еще триста лѣтъ прежде, чѣмъ это частное мнѣніе александрійскаго епископа, или, быть можетъ, мѣстное установленіе египетской церкви, сдѣлалось общимъ прави-

---

[1]) 22 апост. правило.

[2]) Книга Правилъ св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, въ преложеніи съ еллинскаго нарѣчія на славено-россійское. Москва, 1874 г., стр. 424.

ломъ всего христіанскаго міра. Каноническіе отвѣты Тимоѳея лишь на шестомъ вселенскомъ соборѣ (въ 691 г.) были приняты въ церковный законъ, и съ тѣхъ поръ правило о томъ, что не должно молиться объ умышленныхъ самоубійцахъ, получило каноническую силу, признаваемую церковью и въ настоящее время.

Такъ какъ въ греческой церкви покойниковъ обыкновенно хоронили на церковныхъ погостахъ, то запрещеніе приносить за душу самоубійцъ церковныя молитвы повело впослѣдствіи къ установленію обычая хоронить самоубійцъ не на общемъ кладбищѣ, а отдѣльно. Въ такомъ видѣ обычай этотъ перешелъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и къ намъ, на Русь. Въ одномъ древнерусскомъ каноническомъ памятникѣ, къ сожалѣнію, не датированномъ, но, судя по содержанію и языку, принадлежащемъ глубокой древности и имѣющемъ много общаго съ извѣстными „въпрошаніями Кирика", въ числѣ вопросовъ и отвѣтовъ о разныхъ случаяхъ пастырской практики, есть и такой вопросъ: „аще человѣкъ утонетъ, или удавится, или поколется самъ, таковыхъ проводити ли?" Отвѣтъ: „Ино въ землю положити опричь Божія церкви, а не пѣти по нихъ, ни проводити: понеже самовольно есть, а не Богу жертва" [1]). Еще болѣе опредѣлительное предписаніе относительно погребенія самоубійцъ находимъ въ грамотѣ московскаго митрополита Фотія псковскому духовенству (1417 г.): „аще (кто) по грѣху умреть и напрасно, а не отъ своихъ рукъ, или нужно утонеть, тѣхъ по закону погрести и пѣти надъ ними и поминати ихъ въ святыхъ службахъ; а который отъ своихъ рукъ погубиться, удавиться или ножемъ избодется, или въ воду себе ввержеть: ино, по святымъ правиломъ, тѣхъ не велѣно у церквей хоронити, ни надъ ними пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ, въ яму вложивъ, закопати; створить же о душахъ ихъ Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ; заньже святіи отцы именують тѣхъ самовольною жертвою, даема не Богу" [2]).

---

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, стр. 861.

[2]) Ibidem, стр. 579.

Такимъ образомъ, по каноническимъ воззрѣніямъ древней греческой церкви, усвоеннымъ русскою церковью, хотя умышленное самоубійство осуждается, какъ „самовольная жертва, даема не Богу", но загробная участь самоубійцъ отнюдь не предрѣшается въ томъ безнадежномъ смыслѣ, какъ она представляется по народнымъ воззрѣніямъ. Замѣчательно по глубинѣ мысли и христіанскому духу это выраженіе митроп. Фотія: „створить же о душахъ ихъ (самоубійцъ) Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ". Дѣйствительно, въ основномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, т. е. въ священномъ писаніи, нѣтъ прямыхъ указаній о томъ, какая судьба постигнетъ самоубійцъ въ загробной жизни; поэтому церковь какъ-бы устраняетъ себя отъ суда надъ ними, предоставляя ихъ будущую судьбу всецѣло суду Божію. Эта именно мысль и лежитъ въ основѣ церковнаго запрещенія хоронить умышленныхъ самоубійцъ по христіанскимъ обрядамъ и совершать по нимъ поминовенія. Исходя изъ этого христіанскаго взгляда на самоубійство, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихь либо позорныхъ для памяти самоубійцы дѣйствіяхъ надъ его трупомъ, погребеніи его рукою палача и другихъ грубыхъ издѣвательствахъ, равно какъ нѣтъ основанія для теоріи уголовной наказуемости за самоубійство; и точно, ни о чемъ подобномъ не было у насъ и помину ни въ церковныхъ правилахъ, ни въ государственномъ законодательствѣ—до временъ Петра Великаго.

Не то было въ западной Европѣ. Тамъ христіанское понятіе о грѣховности умышленнаго самоубійства встрѣтило весьма благопріятную почву для развитія въ народныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, вездѣ и всегда болѣе или менѣе неблагопріятныхъ для самоубійцъ, и затѣмъ, усвоенное средневѣковымъ государственнымъ правомъ, выродилось въ теорію уголовной наказуемости за самоубійство, которая въ свою очередь привела къ установленію цѣлой системы карательныхъ мѣръ, направленныхъ къ опозоренію памяти умышлено лишившихъ себя жизни и къ устрашенію тѣхъ, кто вздумалъ бы слѣдовать ихъ примѣру. Это было въ духѣ того жестокаго времени, когда не дѣлалось строгаго различія между поступками, грѣховными съ точки зрѣнія христіанской морали,

и уголовно-наказуемыми преступленіями, и когда мечъ, висѣлица и костеръ признавались наиболѣе дѣйствительными средствами для вкорененія истинныхъ догматовъ вѣры, правилъ нравственности и благоповеденія. Во многихъ средневѣковыхъ кодексахъ самоубійство возведено было на степень тяжкаго уголовнаго преступленія, одно лишь покушеніе на которое наказывалось смертью, какъ покушеніе на убійство; оконченное же самоубійство влекло за собою: конфискацію имущества самоубійцы, уничтоженіе силы его духовнаго завѣщанія и позорное погребеніе рукою палача. Обряды этого погребенія, сходные по характеру безцѣльной жестокости и первобытной грубости, въ различныхъ странахъ имѣли свои мѣстныя отличія: у нѣмцевъ практиковалось такъ называемое „ослиное“ погребеніе, сопровождавшееся позорными церемоніями, совершаемыми надъ трупомъ самоубійцы; у французовъ—влаченіе на плетенкѣ (traine sur la claie), состоявшее въ томъ, что трупъ самоубійцы былъ влачимъ лицемъ къ землѣ по улицамъ, привязанный къ повозкѣ, и затѣмъ бросаемъ въ живодернѣ; у англичанъ самоубійцъ зарывали на перекресткахъ и пробивали трупъ коломъ [1]). Къ стыду человѣчества, эти безсмысленныя жестокости практиковались до конца XVIII ст., а по мѣстамъ и того долѣе. Въ Англіи законъ о конфискаціи имущества самоубійцы и зарытіи его трупа на перекресткѣ съ пробитіемъ коломъ отмѣненъ лишь въ 1824 г. при королѣ Георгѣ IV, причемъ хотя и было предписано впредь хоронить самоубійцъ на общихъ кладбищахъ, но безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9-ти часовъ вечера до полуночи. Въ другихъ странахъ, наприм. въ Саксоніи и въ штатѣ Масачусетсъ, съ отмѣною прежнихъ позорныхъ обрядовъ погребенія, до недавняго еще времени существовали предписанія объ отсылкѣ труповъ самоубійцъ въ анатомическіе театры.

Со времени Петра Великаго средневѣковыя воззрѣнія на самоубійство были перенесены и въ русское законодательство.

---

[1]) Кистяковскій А. Ѳ., Учебникъ общаго уголовнаго права, стр. 877. „Кіевск. ст.“ 1890 г., январь, стр. 64.

Въ извѣстныхъ Воинскихъ артикулахъ (1716 г.), цѣликомъ составленныхъ по образцамъ иноземнаго права, покушеніе на самоубійство было обложено тѣмъ же самымъ наказаніемъ, какъ и покушеніе на убійство; тамъ же впервые былъ предписанъ и невѣдомый до того времени въ Великороссіи обрядъ позорнаго погребенія самоубійцъ: „Ежели кто самъ себе убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“ (ст. 164). Можно полагать, что узаконеніе это не было лишь результатомъ подражательности Петра иноземнымъ порядкамъ, но было вызвано обстоятельствами тогдашней борьбы его съ раскольниками, которые, спасаясь отъ правительственныхъ преслѣдованій, нерѣдко цѣлыми толпами лишали себя жизни. Противъ такого крайняго способа самозащиты Петръ боролся и другими средствами: по его приказу неоднократно были издаваемы свят. Синодомъ особые увѣщательные листки, направленные противъ самоубійцъ и самосожигателей [1]). Какъ бы то ни было, но только средневѣковый взглядъ на самоубійство, впервые перенесенный къ намъ Петромъ В., и до сихъ поръ удержанъ русскимъ законодательствомъ, не смотря на то, что взглядъ этотъ давно уже отвергнутъ новѣйшею наукою уголовнаго права и не встрѣчается болѣе ни въ одномъ изъ современныхъ кодексовъ. И по нынѣ дѣйствующимъ русскимъ законамъ умышленное самоубійство почитается преступленіемъ, влекущимъ за собою: а) отнятіе силы у духовнаго завѣщанія и всякаго другого предсмертнаго распоряженія самоубійцы и б) лишеніе христіанскаго погребенія, если самоубійца принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій; покушеніе же на самоубійство наказывается церковнымъ покаяніемъ [2]). Не отмѣненъ до сихъ поръ и тотъ позорный способъ погребенія, какой установленъ былъ „артикулами“ Петра Великаго: въ 923 ст. XIII т. св. зак. (изд. 1857 г.) предписывается: „тѣло умышленнаго самоубійцы над-

---

[1]) Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ, Викторова, №№ 1659 и 1677.

[2]) Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1472 и 1473.

лежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать."—Нечего и упоминать, что подобныхъ предписаній давно уже нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ. Новѣйшая наука уголовнаго права безусловно отвергла состоятельность какихъ бы то ни было карательныхъ мѣръ въ отношеніи къ самоубійцамъ и установила теорію, по которой самоубійство признается юридически-безразличнымъ дѣйствіемъ какъ потому, что человѣкъ въ отношеніи къ самому себѣ находится только въ нравственныхъ, а не юридическихъ отношеніяхъ, такъ и потому, что самоубійство совершается или въ завѣдомомъ разстройствѣ душевныхъ способностей, или во временномъ ненормальномъ состояніи.

Законодательныя мѣры о самоубійствѣ, установленныя Петромъ Великимъ, были новостью только для Великой Россіи; что же касается Малороссіи и другихъ русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства и издавна открытыхъ западно-европейскимъ культурнымъ вліяніямъ, то сюда съ незапамятныхъ временъ проникли и пустили глубокія корни въ народномъ быту средневѣковые предразсудки относительно самоубійцъ. Кажется, что для усвоенія этихъ предразсудковъ существовала въ южной Руси благопріятная почва въ исконномъ народномъ предубѣжденіи противъ самоубійцъ, — предубѣжденіи, которое, можетъ быть, скорѣе было ослаблено, нежели усилено подъ вліяніемъ христіанства. Въ древнемъ „уставѣ", приписываемомъ Владиміру Мономаху, находимъ такое предписаніе: „иже повѣситься на древѣ,... да не пребудетъ тѣло его на древѣ, въ гробѣ погребуть и въ тъ день" [1]). Трудно съ достовѣрностью опредѣлить, относится ли это предписаніе къ самоубійцамъ, или, быть можетъ, къ преступникамъ, казненнымъ чрезъ повѣшеніе. Если вѣрно первое толкованіе, то на основаніи этого законоположенія можно вывести заключеніе, что въ древней, дохристіанской Руси существовалъ обычай, вовсе лишавшій самоубійцъ погре-

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣт., т. XVI, стр. 301.

бенія, и что обычай этотъ не скоро исчезъ послѣ введенія христіанства. Со времени подчиненія югозападной Руси Литвѣ и затѣмъ соединенія съ Польшей, въ которой издавна существовали нѣмецкія колоніи, открывается періодъ безпрепятственнаго притока въ южную Русь иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ культурныхъ понятій, обычаевъ, повѣрій и предразсудковъ. Въ частности, что касается средневѣковыхъ воззрѣній относительно юридической наказуемости самоубійцъ, то для нихъ открытъ былъ широкій путь въ народную среду чрезъ посредство магдебургскаго права, дѣйствовавшаго во многихъ южнорусскихъ городахъ уже въ XV ст. Съ того времени постановленія нѣмецкаго права о самоубійцахъ несомнѣнно имѣли у насъ и практическое примѣненіе. Правда, въ той громадной массѣ историко-юридическихъ матеріаловъ, какая по настоящее время открыта и обнародована, намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣтить ни одного указанія на то, какъ поступали съ самоубійцами въ XVI—XVII вв.; но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что случаи самовольнаго лишенія жизни были въ то время, какъ и теперь среди сельскаго малорусскаго народа, чрезвычайно рѣдки. За то изъ XVIII ст. извѣстенъ одинъ весьма характерный случай такого рода, происшедшій на Волыни. Въ январѣ 1782 г. магистратъ м. Олыки собрался по слѣдующему чрезвычайному поводу: войтъ мѣстечка Иванъ Рысецкій неожиданно для всѣхъ окончилъ дни свои „ганебною смертью", именно найденъ былъ повѣсившимся на своемъ хуторѣ. Обсудивъ обстоятельства этого „несчастнаго случая", магистратъ, не взирая на то выдающееся общественное положеніе, какое занималъ покойный, издалъ такой декретъ относительно бывшаго своего президента: „во исполненіе предписанія магдебургскаго права, постановленнаго для подобныхъ случаевъ, и въ устрашеніе другимъ „десператамъ", трупъ самоубійцы Рысецкаго, привязавъ къ конскому хвосту, влачить по улицамъ для „презентаціи" всему мѣстечку, а случай этотъ для памяти „въ потомные часы „записать въ книги",—что и было приведено въ испол-

неніе [1]); ни о конфискаціи имущества самоубійцы, ни о томъ, гдѣ и какъ долженъ быть похороненъ его трупъ, въ декретѣ не говорится ни слова. Любопытно также, что ни въ одной изъ найболѣе употребительныхъ въ то время польскихъ передѣлокъ магдебургскаго права, исполнявшихъ роль руководящихъ законныхъ книгъ, мы не нашли ни одного слова въ подтвержденіе той глухой ссылки на магдебургское право, какая сдѣлана въ декретѣ олыцкаго магистрата; ни у Щербича, ни у Гроицкаго о самоубійствѣ нѣтъ даже упоминанія. Фактъ этотъ какъ бы подтверждаетъ мнѣніе профессора В. Б. Антоновича, высказанное имъ въ изслѣдованіи объ исторіи южнорусскихъ городовъ, что магистратскіе суды при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ большею частью лишь для формы, наобумъ дѣлали ссылки на магдебургское право, руководствуясь на дѣлѣ преданіями мѣстнаго обычнаго права. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что въ составъ дѣйствовавшаго въ Польшѣ и Малороссіи магдебургскаго права входило, въ числѣ другихъ кодексовъ, и такъ называемое *Право цесарское*, т. е. передѣлка или вольная передача на польскомъ языкѣ извѣстнаго Constitutio criminalis Carolina, изданнаго Карломъ V; а въ этомъ послѣднемъ кодексѣ несомнѣнно заключалось предписаніе подвергать умышленныхъ самоубійцъ такъ называемому „ослиному“ погребенію.

Послѣ всего сказаннаго становится отчасти понятнымъ тотъ фактъ, что въ малорусскомъ народѣ по настоящее время упорно удерживается крайне суровый взглядъ на самоубійство и сознаніе необходимости нѣкоторыхъ исключительныхъ обрядовъ погребенія самоубійцъ. Самый отчаянный преступникъ не пользуется у насъ такой дурной посмертной славой, какъ человѣкъ, имѣвшій несчастіе умереть отъ своихъ рукъ. Для самоубійцы, по народному понятію, нѣтъ мѣста на общемъ кладбищѣ: его зароютъ на распутьи, безъ молитвы и креста, „якъ падло“; если же, по настоянію властей, онъ будетъ похороненъ на кладбищѣ, то народъ, при первомъ случаѣ засухи, эпидеміи или

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, стр. 460.

другого общественнаго бѣдствія, отроетъ его могилу и надругается надъ его прахомъ. Дома, въ которыхъ произошло самоубійство, надолго, а въ иныхъ случаяхъ и навсегда остаются „пустками“; во всякомъ случаѣ въ нихъ поселяются снова не иначе, какъ предварительно освятивъ ихъ. Душа самоубійцы почитается погибшей навѣки и приравнивается къ „нечистымъ“ духамъ. На Волыни и въ Подольи существуетъ вѣрованіе, что всякій самоубійца по смерти становится упыремъ. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ: по ночамъ онъ выходитъ изъ могилы и причиняетъ имъ вредъ. Всѣ бѣдствія народныя—моръ, засуха, эпидеміи—приписываются вліянію упырей-самоубійцъ. Чтобы воспрепятствовать упырямъ дѣлать зло, народъ нерѣдко раскапываетъ ихъ могилы и пробиваетъ трупы осиновымъ коломъ; по мѣстамъ вбиваютъ еще въ голову, по-за ушами, два зубца изъ бороны. Въ особенности суевѣрный ужасъ питаетъ народъ къ „вѣшальникамъ“. Въ Подольи ихъ закапываютъ на границѣ полей, вложивъ имъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны и пробивъ грудь осиновымъ коломъ [1]).

Опредѣлить, сколько въ этихъ повѣрьяхъ своего, самобытно-народнаго, и сколько заимствованнаго — очень трудно; кажется, однако, что чужого здѣсь едвали не больше, чѣмъ своего. Повѣрье, что самоубійцы по смерти становятся упырями, свойственно не однимъ малороссамъ. Въ Англіи также считаютъ самоубійцъ вампирами и думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучатъ людей. Тамъ же до недавняго времени существовалъ совершенно сходный съ малорусскимъ обычай хоронить самоубійцъ на перекресткахъ дорогъ и пробивать трупы коломъ. Какъ было раньше упомянуто, обычай этотъ отмѣненъ лишь въ 1824 г., но оказался настолько живучимъ въ быту народномъ, что не далѣе какъ въ 1882 г. понадобилось изданіе повторительнаго запрещенія хоронить самоубійцъ на перекресткахъ и пробивать ихъ коломъ. Въ Шотландіи и въ настоящее время са-

---

[1]) Kopernicki, Zbior Wiadomosci, т. XI, стр. 196. Чубинскій, Труды этногр. экспедиціи, т. I, стр. 209.

моубійцъ хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глухихъ пещерахъ, чтобъ отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, такъ какъ духъ самоубійцы можетъ вредить имъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія изысканія по сравнительной этнографіи увеличатъ число подобныхъ аналогій въ области народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

О. Левицкій.

[1]) Проф. Сумцова: „Культ. переживанія", Кіевск. Стар. 1890 г.. январь.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

24 мая, съ 8 часовъ утра, начался пріѣздъ во дворецъ, чтобъ откланяться Императрицѣ по случаю назначеннаго ею въ этотъ день отъѣзда изъ Севастополя. Собралась вся свита, явился контръ-адмиралъ графъ Войновичъ и съ нимъ штабъ и оберъ-офицеры черноморскаго флота.

Графъ Фалькенштейнъ не прибылъ во дворецъ, а отправился въ Балаклаву для обозрѣнія тамошнихъ мѣстностей.

Въ половинѣ 9-го часа Императрица вышла въ „*Камеру Собранія*" и начала жаловать къ рукѣ: графа Войновича, капитановъ бригадирскаго ранга: Алексіано и Ушакова, капитановъ 1-го ранга Тизделя, Таро и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота. Они всѣ приносили благодареніе за пожалованіе ихъ брилліантовыми и золотыми подарками и деньгами. Нижнимъ чинамъ флота и Севастопольскаго адмиралтейства Императрица пожаловала по одному рублю на человѣка.

При пушечныхъ выстрѣлахъ съ флота и съ береговыхъ батарей императорскій поѣздъ тронулся изъ Севастополя въ 9 ч. утра по дорогѣ къ станціи Скели, разстояніемъ отъ Севастополя въ 42 верстахъ. Перемѣна лошадей была въ мѣстечкѣ Каморы, проѣхавъ 16 верстъ.—Отсюда начиналась знаменитая своею красотою Байдарская долина, въ которой была станція Скели, принадлежавшая князю Потемкину.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 11.

По выѣздѣ изъ м. Каморы, къ императорскому поѣзду присоединился гр. Фалькенштейнъ, котораго Императрица пригласила въ свою шестимѣстную карету.

Въ Байдарской долинѣ записано въ современномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: „каждый шагъ являлъ зрѣнію различные виды, составленные изъ живыхъ картинъ, въ пріятномъ смѣшеніи высокихъ горъ, обиталищъ, плодоносныхъ деревъ и неподражаемыхъ неровностей мѣстоположеній“.

Такоеже оффиціальное описаніе прелестей Байдарской долины принадлежитъ перу камеръ-фурьера Андрея Волкодава.

По дорогѣ къ Скели Императрицѣ былъ приготовленъ Потемкинымъ необыкновеннный сюрпризъ, особеннаго рода.

Когда проѣзжали по близости Балаклавы, на встрѣчу вышли священникъ греческій съ крестомъ и жители греки, мужчины и женщины, съ хлѣбомъ и солью. Императрица приложилась ко кресту, поблагодарила всѣхъ,—но едва тронули императорскій экипажъ, какъ принуждены были остановиться—на *дорогѣ стояла вооруженная рота амазонокъ*.

Странно, что ни графъ Фалькенштейнъ, ни графъ Сегюръ не оставили въ своихъ запискахъ воспоминаній объ этихъ амазонкахъ, а между тѣмъ объ нихъ упоминаетъ принцъ Делинь въ своихъ письмахъ къ Маркизѣ К...[1]).

„Я видѣлъ, пишетъ принцъ Делинь, лица баталіона албанокъ изъ небольшой македонской колоніи, поселившейся въ Балаклавѣ: на срѣтеніе наше вышли, чтобъ сдѣлать намъ честь, а не изъ любопытства, 200 прекрасныхъ женщинъ или дѣвицъ, вооруженныхъ ружьями, штыками и пиками, съ амазонскими грудямя и съ длинными и красиво перевязанными волосами“.

Амазонская рота дѣйствительно являлась передъ Екатериною въ этотъ проѣздъ возлѣ Балаклавы, и командиръ этой роты г-жа *Шидянская*, представлявшая свою роту Императрицѣ, была еще жива въ 1848 году,—для доказательства приводимъ выписку изъ подлиннаго архивнаго дѣла:

---

[1]) См. книгу Письма и мысли маршала принца де Линь, изданныхъ въ свѣтъ баронессою Стаель-Голстейнъ. Перев. съ франц. Москва. 1809. Ст. 140.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1848 года, бывшій намѣстникъ кавказскій кн. М. С. Воронцовъ сообщилъ министру императорскаго двора, кн. Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, что, командуя еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II ротою амазонокъ и имѣвъ счастіе представить роту Ея Величеству, была осыпана Ея милостями, что достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она, хотя съ того времени и не безпокоила царствовавшихъ Августѣйшихъ Монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но находясь въ крайней бѣдности, проситъ объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ Его Императорскаго Величества единовременнаго пособія. Кн. Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія Государя Императора, просилъ кн. Волконскаго подвергнуть всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе Его Величества.

Кн. Волконскій 15 ноября 1848 г. увѣдомилъ кн. Воронцова, что Шидянской всемилостивѣйше пожаловано 300 р. сер., и просилъ собрать и прислать свѣдѣнія, когда, изъ какого званія и гдѣ именно составлена была при покойной Императрицѣ Екатеринѣ амазонская рота, которою командовала *Шидянская*.

Въ декабрѣ 1848 г., кн. Воронцовъ доставилъ кн. Волконскому полученныя имъ отъ Шидянской свѣдѣнія, а также портретъ ея и рисунокъ, изображающій вооруженную амазонку.— Свѣдѣнія, доставленныя Шидянской, были слѣдующія: Амазонская рота была составлена по ордеру свѣтл. кн. Потемкина-Таврическаго, послѣдовавшему на имя командира балаклавскаго полка, премьеръ-маіора Чапони, изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ, въ числѣ 100 особъ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1787 г., ко времени пріѣзда Императрицы Екатерины II въ Крымъ. Капитанъ Сарандовъ былъ въ сказанномъ полку старшимъ офицеромъ; это послужило поводомъ избрать его жену Елену Иванову Сарандову, впослѣдствіи Шидянскую, командиромъ амазонской роты. Нарядъ амазонокъ со-

стоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такихъ же бархатныхъ курточекъ или спенсеровъ зеленаго цвѣта, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; галовной уборъ состоялъ изъ бѣлыхъ тюрбановъ съ золотыми блестками и съ страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху. Встрѣтить Императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыковки, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановой, была построена въ концѣ аллеи, установленной апельсинными, лимонными, и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усѣянной лаврами. Прежде пріѣхалъ австрійскій императоръ Іосифъ II верхомъ осмотрѣть балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости.

Увидѣвъ амазонокъ, онъ подъѣхалъ къ командиру роты, г-жѣ Сарандовой, и поцѣловалъ ее въ губы, что произвело волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами: „Смирно!“ Чего испугались?—Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ“. Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подъѣхавшій. Осмотрѣвъ бухту и крѣпость, вѣнценосный путешественникъ возвратился къ Императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыковкѣ съ Ея Величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ Ея каретѣ. У Кадыковки Императрица была встрѣчена протоіереемъ балаклавскаго полка о. Ананіемъ, ожидавшимъ Ея Величество въ нарочно приготовленной палаткѣ съ Евангеліемъ, крестомъ, хлѣбомъ и солью. Не выходя изъ кареты, Государыня подозвала Елену Иванову къ себѣ, подала руку, поцѣловала въ губы и, потрепавъ по плечу, изволила сказать: „Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна“.

Изъ Кадыковки Императрица изволила отправиться въ Бахчисарай, куда послѣдовала и Елена Иванова Сарандова, желая еще разъ взглянуть на великую монархиню, и имѣла счастіе еще разъ представляться Ея Величеству. Государыня узнала капитана амазонокъ, допустила къ рукѣ и потрепала по плечу. Изъ Симферополя, куда отправилась Императрица, былъ

присланъ г-жѣ Сарандовой (Шидянской) всемилостивѣйшій подарокъ—бриллiантовый перстень, цѣною въ 1,800 р. асс., а на всю роту Государыня изволила пожаловать единовременно 10,000 руб. асс.[1]).

Послѣ встрѣчи и смотра *амазонской роты*, въ часъ по полудни, Императрица прибыла въ урочище *Скели*, принадлежавшее кн. Потемкину. Впередъ, заранѣе, прискакала на татарскихъ лошадяхъ придворная прислуга съ дорожнымъ императорскимъ обозомъ,—и знаменитая „шестимѣстная“ путевая карета подъѣхала къ большой татарской палаткѣ, у входа въ которую встрѣтилъ высокую гостью хозяинъ мѣстечка Скели князь Григорій Александровичъ. Послѣ обѣда и угощенія гостей, которыхъ было со свитою 30 человѣкъ, Императрица сдѣлала съ гр. Фалькенштейномъ прогулку къ рѣчкѣ *Біюкъ-Отзенъ* и любовалась водопадомъ. — Въ 3 часу, поѣздъ отправился чрезъ Байдарскую долину, м. Каморы и Мекензіевъ хуторъ обратно въ Бахчисарай. Гористая дорога, а въ особенности ненастная погода, дождикъ, вѣтеръ и грязь—замедляли переѣздъ, и только въ 11 часовъ, проѣхавъ 58 верстъ, пріѣхали на ночлегъ въ бахчисарайскій дворецъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы сказали выше, уѣзжалъ впередъ осматривать Балаклаву.

„Изъ Севастополя я поѣхалъ впередъ, чтобъ видѣть Балаклаву (писалъ Іосифъ II къ своему фельдмаршалу), чтобъ видѣть знаменитую гавань. Она не велика, но безопасна, и въ ней завелась кое-какая торговля. Входъ въ гавань неудобный, узкій наполненный подводными камнями, въ чемъ я съ своей шлюбки могъ лично удостовѣриться. Впрочемъ, такъ какъ большая часть жителей бѣжали, то здѣсь встрѣчались однѣ развалины и опустѣлыя дома.

Чтобы доставить намъ случай видѣть ангорскаго козла съ козою, да нѣкое подобіе англійскаго сада, который кн. Потемкинъ разбилъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ на одномъ изъ при-

---

[1]) Изъ дѣла архива министра императорскаго двора за № 143.—Напечатано мною въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 г.

надлежащихъ ему участковъ, князь заставилъ насъ ѣхать горными дорогами, которыя отъ дождей сдѣлались еще хуже, такъ что двору и экипажу досталось страшно, и Императрица вернулась въ Бахчисарай только въ часъ по полуночи. Такъ какъ эта поѣздка ее очень утомила, то рѣшено на сегодня оставаться здѣсь, вслѣдствіе чего наше путешествіе удлиняется на одинъ лишній день.

По пути мы видѣли отрядъ, человѣкъ въ тысячу, составленный изъ далматинцевъ, грековъ и выселенцевъ изъ Мореи, которые въ послѣднюю войну перешли на сторону русскихъ и поселились здѣсь на побережьѣ. При нашемъ проѣздѣ ихъ заставили произвести примѣрную аттаку на далматскую стать, какъ выразился князь Потемкинъ, которому угодно сравнивать ее съ аттаками нашихъ кроатовъ. Они выхватили сабли, кинулись бѣгомъ въ лѣсъ и въ величайшемъ безпорядкѣ, съ страшнымъ крикомъ вскарабкались на гору, скорѣе походя на какихъ то облавщиковъ, чѣмъ на настоящихъ солдатъ".

25 Мая Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „День отдохновенія. Похвала албанцамъ и долинѣ Байдарской; ихъ до 600 выходитъ съ ружьемъ".

Дѣйствительно путешественники нуждались въ отдыхѣ, особенно послѣ утомленія отъ горной поѣздки и переѣзда изъ Севастополя. Въ этотъ день Императрица не совершила никакихъ прогулокъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Къ обѣду, въ столовой нижней залѣ ханскаго дворца, были приглашены сверхъ свиты: генералъ-аншефъ М. В. Каховской, генералъ-маіоръ Волковъ и баронъ фонъ-Ферзенъ, Таврическій Правитель Каховской, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры отъ полковъ, находившихся въ Бахчисараѣ.

Императрица, гр. Фалькенштейнъ и свита—всѣ рады были отдохнуть—но веселые спутники ихъ, гр. Сегюръ и принцъ де-Линь провели этотъ день съ нѣкоторыми приключеніями. Вотъ что разсказываетъ Сегюръ въ своихъ запискахъ:

„На обратномъ пути въ Бахчисарай, мы не встрѣтили ничего занимательнаго, кромѣ высокой горы Бакля-Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало

самовластіе, то лишь въ нѣдрахъ земли люди находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь де-Линь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь, и говоритъ: „Знаете ли чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ римскій и знаменитая Самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговоровъ двухъ великихъ монарховъ.

Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи греческихъ республикъ.

— Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я,—нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и во дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и, если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ англичане въ Америкѣ.

Де-Линь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что, когда мы жили въ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе.

Любопытство де-Линя, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ познакомиться съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ, кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекало любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: „—Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами. По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь татарку безъ покрывала; я на это рѣшился; хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?“

Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не

подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ разсмотрѣть. Но увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати крикнулъ: „Признаюсь, Магометъ недурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!“

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было не важно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ замѣтили, что Императрица грустна и молчалива, императоръ былъ погруженъ въ думы, Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ де-Линь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять Императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала:

— Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы—посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ разсказали эту исторію и не назвали бы дѣйствующихъ лицъ, то я бы никакъ не подумала на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны.

Намъ нечего было возражать на это; де-Линь замолкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось Императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагинъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ татарокъ, но черненыя брови и лицо, лоснящееся отъ румянъ, дѣлали ее похожею на куклу, не смотря на прекрасные глаза.

Императрица, въ этотъ послѣдній день пребыванія своего въ Бахчисараѣ, была очень весела, и возвратясь послѣ „Собранія" въ свой кабинетъ, написала Потемкину слѣдующее стихотвореніе:

Князю Потемкину.

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ;
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Какъ уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисарая
Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь ли мѣсто рая?
Хвала тебѣ, мой другъ! Занявши здѣшній край
Ты бдѣніемъ своимъ все вящше укрѣпляй [1]).

26 мая, въ 9 ч. утра, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ выѣхала изъ Бахчисарая; при отъѣздѣ изъ поставленныхъ передъ дворцомъ на горѣ полковыхъ пушекъ производилась пальба, а когда Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ города, то всѣ войска, расположенныя на горѣ съ правой стороны, отдавали честь съ преклоненіемъ знаменъ при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

На рѣчкѣ „Бодрыхъ" черезъ 12 верстъ была подстава и затѣмъ, проѣхавъ еще 19 верстъ, прибыли въ 1 часу въ обла-

[1]) См. „Русск. Стар.", 1875 г., кн. I, 698.

стной городъ Симферополь. Здѣсь у дворца встрѣтили Императрицу прискакавшіе впередъ кн. Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Тавриды съ гражданскими чиновниками областнаго правленія. Въ переднихъ покояхъ дворца встрѣтили дамы и семейства мѣстныхъ чиновниковъ, которыхъ Императрица передъ обѣдомъ всѣхъ жаловала къ рукѣ, такъ же какъ и всѣхъ чиновниковъ и штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхотнаго Сѣвскаго полка.

Послѣ обѣда, за которымъ присутствовало 46 человѣкъ, Императрица съ графомъ Фелькенштейномъ въ извѣстной шестимѣстной каретѣ продолжали путь въ *Карасубазаръ*, и остановились на короткое время при дер. Біеми въ 27 верстахъ отъ Симферополя; затѣмъ прибыла въ Карасубазаръ въ 6-мъ часу по полудни.

Съ приближеніемъ къ Карасубазару Императорскаго поѣзда началась пушечная пальба; по дорогѣ съ правой стороны выстроенъ былъ находившійся тутъ въ лагерѣ Кинбурнскій драгунскій полкъ, баталіоны мушкатерскіе, артиллерійскій, гренадерскій Кіевскій и пѣхотный Сѣвскій полки. Музыка и барабаны гремѣли при проѣздѣ кареты Императрицы.

Отдохнувъ короткое время въ своихъ покояхъ, Императрица вышла въ „Собраніе“, и здѣсь графиня Браницкая представила мѣстныхъ дамъ. Императрица жаловала ихъ къ рукѣ, также и всѣхъ военныхъ.

Въ Карасубазарѣ не было древнихъ зданій или памятниковъ, которые могли бы интересовать иностранныхъ спутниковъ Императрицы; Сегюръ пишетъ такъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Карасубазарѣ:

„Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ, мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ татарскіе дома, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, такъ же какъ Симферополь, принадлежалъ

калга-султану [1]). Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасубазара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой—до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла Августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность кн. Потемкина дополнила этотъ недостатокъ.

Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощью развелъ на берегу Карасу обширный англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда: напротивъ, русскій Ринальдъ совершилъ диво для своей Армиды".

Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель Императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ 300,000 ракетъ.

Путевыя впечатлѣнія Императора Іосифа II замѣчательны постоянствомъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на все съ военной точки зрѣнія: и въ Карасубазарѣ его особенно интересовали войска, оружія, мѣстность въ отношеніи военнаго значенія и проч.

„По дорогѣ сюда, пишетъ онъ къ своему фельдмаршалу, мы проѣзжали черезъ Симферополь, прозывавшійся въ старину Акмечеть; здѣсь предположено учредить новый губернскій городъ. Устроены даже кое-какія зданія въ родѣ домовъ и довольно красивыхъ залъ, и даже небольшой англійскій садикъ.

Оттуда мы проѣхали къ Карасубазаръ, древній татарскій городъ, гдѣ въ старину собирались мурзы, для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ. Населеніе теперь состоитъ изъ та-

---

[1]) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханск й.

таръ, турокъ, армянъ и жидовъ. Всѣ они выѣхали къ намъ на встрѣчу верхами, и подобно пчелиному рою, окружили нашу карету и провожали насъ до дома кн. Потемкина, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира корпуса, которымъ онъ командовалъ во время занятія Крыма. Это прекрасное зданіе, въ видѣ кіоска въ весьма живописной долинѣ; его огибаетъ, извиваясь, ручей чистой воды. Такъ какъ въ этой мѣстности растутъ большія деревья и кусты, то князь воспользовался ими и разбилъ англійскій садъ, съ купальнями, кіосками и каскадами. Весь участокъ въ длину около 400 и приблизительно отъ 400 до 500 шаговъ въ ширину.

Тутъ же около выстроены казармы на русскій манеръ для трехъ полковъ пѣхоты. При нашемъ проѣздѣ мы, впрочемъ, не видали ни одного изъ этихъ полковъ, а видѣли только, какъ парадировалъ драгунскій полкъ изъ десяти эскадроновъ, человѣкъ по осмидесяти въ каждомъ. Отдаленіе, на которомъ они находились отъ насъ, не дозволило намъ подробнѣе разглядѣть ихъ: я успѣлъ только замѣтить, что они были выстроены въ два ряда; лошади здѣсь не получаютъ фуража и должны прокармливаться тощими, засохшими и выжженными пастбищами.

Имѣется артиллерійскій паркъ, въ 50 орудій. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, по правдѣ сказать, роскошный; особенно удался послѣдній снопъ изъ ракетъ: такой роскоши и полета мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Чтобы доставить Императрицѣ это зрѣлище, пришлось заставить промаршировать сюда, за двѣ тысячи верстъ, часть бомбардирской роты Преображенскаго полка. Теперь исполнивъ свое дѣло, они отправляются обратно въ Петербургъ. Если собразить, что Вѣна сюда ближе, чѣмъ Петербургъ, то можно себѣ представить, какова эта прогулка. За фейерверкомъ послѣдовала иллюминація не только всего англійскаго парка, но и всѣхъ окружающихъ высотъ, гдѣ въ двухъ мѣстахъ горѣлъ шифръ Императрицы. Все это—работа солдатъ: они наливали и зажигали стаканчики и даже надѣлали 100,000 плошекъ. Представьте себѣ, что сало для плошекъ привезено изъ окрестностей Москвы, и тогда вамъ будетъ понятно, что въ этой странѣ, не

останавливаются ни передъ какими трудностями и издержками и что здѣсь все возможно".

Въ оффиціальномъ современномъ журналѣ путешествія Императрицы, камеръ-фурьеръ Волкодавъ также записалъ подробно все, что происходило въ Карасубазарѣ 26-го мая.

„Въ 9 часовъ вечера Ея Императорское Величество съ графомъ Фалькенштейномъ изволили присутствовать въ залѣ при продолженіи разговора и, между тѣмъ, благоговолили быть въ провожаніи находящихся въ свитѣ особъ въ расположенномъ близь дома саду и нѣсколько времени гулять въ имѣющейся предъ тѣмъ же домомъ рощѣ; по возвращеніи Ея Величества и графа Фалькенштейна въ покои, зажженъ былъ неподалеку покоевъ пріуготовленный фейерверкъ съ производженіемъ прежде и послѣ фейерверка пушечной пальбы изъ поставленныхъ предъ домомъ на вершинѣ горы артиллерійскихъ пушекъ; по сожженіи фейерверка, горы, окружающія долину, гдѣ домъ съ садомъ и рощью, множественнымъ числомъ плошекъ были иллюминованы; причемъ показывало болѣе пріятность вида изображенное изъ зажженныхъ Фалькенштейномъ изъ залы, а какъ для смотрѣнія онаго собралось множественное число обитающихъ въ Карасубазарѣ татаръ, которые, стѣснившишь, занимали горы и прежде, когда горѣли фейерверочныя колеса и щитъ, сколько сему любовались, столько напослѣдокъ были устрашены пущенными въ великихъ тысячахъ кучами ракетъ, отъ чего въ самое кратчайшее время не точію на горахъ, даже и въ низу оныхъ невидимо было татарскихъ зрителей".

27 мая Императрица утромъ гуляла въ саду, а послѣ обѣда, къ которому сверхъ свиты были приглашены: генералъ-аншефъ И. И. Меллеръ, правитель Каховскій, генералъ-маіоръ Денисовъ, статсъ-дама гр. Скавронская представила нѣкоторыхъ мѣстныхъ дамъ, и затѣмъ въ 5 часу выѣхали изъ Карасубазара въ Старый Крымъ. Отъ Карасубазара въ 30 верстахъ, при рѣчкѣ Андалъ, во время проѣзда Императрицы на дорогѣ въ строю расположенъ былъ легкоконный Константиноградскій полкъ,—онъ встрѣтилъ поѣздъ музыкою на трубахъ съ литаврами. До Ста-

раго Крыма оставалось еще 18 верстъ. Послѣ перемѣны лошадей при р. Андалѣ, за 5 верстъ до Стараго Крыма новая военная встрѣча—бригадиръ баронъ Шицъ, командовавшій легкоконнымъ Таврическимъ полкомъ, явился съ своими штабъ и оберъ-офицерами, и всѣ сопровождали Императрицу до самаго Стараго Крыма, куда и прибыли въ 7 часовъ вечера. У назначеннаго для Высочайшаго пребыванія дома былъ поставленъ почетный караулъ отъ Таврическаго полка. У подъѣзда встрѣтили Императрицу: генералъ-аншефъ Каховскій, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Каховскій и всѣ чиновники областнаго управленія.

„*Старый Крымъ* (Эски Крымъ) былъ въ старину однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ Азіи и такъ великъ, что всадникъ на хорошемъ конѣ едва могъ объѣхать его въ половину дня. Египетскій султанъ Бибарсъ построилъ здѣсь великолѣпную мечеть, которой стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ. Въ городѣ были училища, гостинницы, въ которыхъ путешественники находили всякіе съѣстные припасы... Жители торговлею пріобрѣтали огромныя богатства, но были чрезвычайно скупы“. Такое преданіе о Старомъ Крымѣ передано писателемъ Дегинемъ въ 1756 г. (Ios. de Guignes. Histoire genérale des Huns, des Tures etc. Paris, 1756. T. II. L. XVIII. p. 343).

Дворецъ для Императрицы былъ устроенъ къ Ея пріѣзду въ зданіи стариннаго армянскаго монастыря. Онъ сгорѣлъ въ 1825 г.

Переѣздъ 48 верстъ не утомилъ Императрицу, и выйдя изъ кареты, она хотѣла осмотрѣть прелестную мѣстность, началась прогулка въ саду, но „сѣрая погода и мокрота“, какъ записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, заставили Ее возвратиться въ комнаты. Послѣ бесѣды съ графомъ Фалькенштейномъ и съ своими спутниками Императрица въ 9 часовъ удалилась изъ „Собранія“.

Потемкинъ угощалъ ужиномъ всю свиту и пригласилъ еще генералъ-аншефа Каховскаго, генералъ-маіора Денисова, бригадира барона Шица, сопровождавшаго отъ Бахчисарая съ

мурзами и хорунгою татаръ полковника Горича и всѣхъ штабъ и караульныхъ офицеровъ.

Вечеромъ, несмотря на дурную погоду, весь садъ около дворца и вся окружность были иллюминованы.

На слѣдующій день, 28 мая, собрались въ залъ дворца вся свита и гр. Фалькенштейнъ въ ожиданіи приказаній къ отъѣзду въ Ѳеодосію, какъ это было назначено Императрицею наканунѣ того дня. Императрица вышла въ „Собраніе“ въ 11 часу и прежде всѣхъ подозвала къ себѣ бывшаго тутъ бригадира Шица и сама возложила на него орденъ св. Владиміра 3-й степени — затѣмъ послѣдовалъ отъѣздъ въ Ѳеодосію, находящуюся въ 24 верстахъ отъ Стараго Крыма.

По приближеніи къ городу, на пути встрѣтили обитающіе въ городѣ татары, а передъ самымъ городомъ таврическій правитель Каховскій съ дворянами и греческимъ священникомъ съ крестомъ, также греческое купечество съ хлѣбомъ и солью. Въ Ѳеодосію прибыли въ 1-мъ часу по полудни къ обѣду, послѣ котораго Императрица осматривала съ графомъ Фалькенштейномъ тамошній монетный дворъ, гдѣ въ Ея присутствіи вычеканены были двѣ золотыя медали съ означеніемъ года, мѣсяца и дня, въ который Императрица и графъ Фалькенштейнъ были на ѳеодосійскомъ монетномъ дворѣ;—кн. Потемкинъ тутъ же поднесъ ихъ Императрицѣ и гр. Фалькенштейну.

Пробывъ до 3 часовъ въ Ѳеодосіи, Императрица возвратилась въ 6 часовъ опять въ Старый Крымъ, въ 7 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ прогуливалась въ саду и по обыкновенію въ 9 часовъ удалилась во внутреннія комнаты.

Любопытны впечатлѣнія Императора Іосифа II, произведенныя на него при поѣздкѣ съ Императрицею въ Старый Крымъ и Ѳеодосію.

„Этотъ городъ, нѣкогда знаменитый, теперь представляетъ одинъ лишь видъ разрушенія, такъ что изъ всѣхъ построекъ и изъ всѣхъ жителей, какіе въ немъ остались, едва ли можно было бы образовать порядочную деревню.

Проѣздомъ видѣли мы конно-егерскій полкъ въ шесть эскадроновъ, въ каждомъ до 64 лошадей. Это—гусары, пре-

вращенные въ конныхъ егерей. Весь полкъ состоитъ изъ красивыхъ людей, сколько я могъ судить издали. Никакихъ эволюцій не производилось.

Эскадронъ, конвоировавшій Императрицу, весь состоялъ изъ молодыхъ людей и былъ построенъ съ большими претензіями на эффектъ. У нихъ нѣтъ другихъ штановъ кромѣ холщевыхъ, въ которыхъ они сидятъ на лошадяхъ. Можно себѣ представить ихъ положеніе, когда они построены сомкнутыми рядами, обремененные буклями и всякими другими принадлежностями. На зиму только выдаются суконные штаны.

Сверхъ такого превращенія гусаръ въ конныхъ егерей, кн. Потемкинъ сформировалъ еще нѣсколько гренадерскихъ полковъ, составляющихъ, говорятъ, корпусъ въ 10,000 человѣкъ. Тутъ набраны красивѣйшіе люди изъ цѣлой арміи. Независимо отъ этого, при пѣхотныхъ полкахъ осталось по двѣ гренадерскихъ роты, такъ что теперь гренадеры составляютъ почти треть всей арміи. Вся эта затѣя выдумана въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ и розданы вновь учрежденные полки.

Сформировано еще вновь нѣсколько егерскихъ полковъ, число которыхъ должно быть доведено до 30,000 человѣкъ; сюда отбирали всѣхъ самыхъ красивыхъ и ловкихъ людей, не обращая вниманія на ростъ.

Эти егеря предназначаются для аванпостной службы, въ родѣ нашихъ кроатовъ. Они раздѣлены на полки и батальоны. Всѣ одѣты въ зеленые мундиры; но нарѣзныя ружья имѣются только у унтеръ-офицеровъ, а у рядовыхъ простые пѣхотные мушкеты. Численность арміи отъ этого нисколько не усилилась; она напротивъ уменьшилась на то число людей, которые вошли во вновь сформированные полки; четыре батальона, каждый въ четыре роты, по двѣсти человѣкъ въ ротѣ, не считая унтеръ-офицеровъ, составляютъ полкъ, въ которомъ поэтому должно было бы имѣть 3200 ружей. Но они теперь далеко не въ полномъ составѣ, и о многихъ полкахъ, находящихся въ Крыму, мнѣ откровенно признавались, что въ нихъ насчитываютъ на лицо едва по 700 человѣкъ, изъ коихъ около 500 въ госпиталѣ, а остальные до того завалены всякими работами по постройкамъ,

проведенію дорогъ, сѣнокосу и пр., что вотъ уже три года, какъ они ни разу не были на ученьи. Кавалеріи тоже трудно учиться, потому что даже зимою лошадямъ не даютъ овса.

Въ Крыму командуетъ генералъ Каховскій: вы его, можетъ быть, помните. Онъ въ Семилѣтнюю войну состоялъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера при Ферморѣ, а потомъ находился при корпусѣ Репнина въ нашей арміи. Онъ, кажется, человѣкъ съ толкомъ и, между прочимъ, очень хорошо говоритъ понѣмецки.

Сегодня мы ѣздили въ Кафу, нѣкогда знаменитый и главный торговый городъ въ этой мѣстности.

Что бы осмотрѣть его поподробнѣе, я за нѣсколько часовъ уѣхалъ туда прежде Императрицы, потому что при ней некогда ничѣмъ заняться. Теперь этотъ городъ—собраніе жалкихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ, впрочемъ, о его прежнемъ богатствѣ. Существуютъ еще великолѣпныя мечети, бывшія когда-то христіанскими храмами, и великолѣпныя бани. Городъ имѣетъ прекрасную бухту и превосходный рейдъ. Когда русскіе завладѣли городомъ, въ немъ, по ихъ собственному признанію, было 30,000 жителей, грековъ, татаръ и армянъ; въ настоящее же время насчитываютъ не болѣе 400 душъ. Зданія всѣ раскрыты русскими; они растащили дерево на топливо, а остальное пошло на постройку казармъ, такъ что теперь всѣ эти зданія разрушаются и превращаются въ развалины.

Въ гавани стояло нѣсколько торговыхъ судовъ, ожидавшихъ попутнаго вѣтра, чтобы отплыть въ Таганрогъ на Азовскомъ морѣ, гдѣ теперь исключительно сосредоточена вся торговля. Керчь и Эникале разорены въ конецъ, а на Тамани совсѣмъ нѣтъ жителей. Городъ этого имени, нѣкогда значительный, также разоренъ въ конецъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится Крымъ: поля стоятъ безъ рукъ для обработки, порты и берега безъ торговли и матросовъ. Нѣтъ ни одного торговаго русскаго судна, и подъ русскимъ флагомъ разъѣзжаютъ далматинцы, либо греки изъ Корфу и Кефалоніи, все подданные венеціанской республики,

такъ что если русскимъ понадобится снарядить корабль въ экспедицію, то матросовъ придется имъ вызывать изъ Кронштадта или изъ Архангельска, или составлять экипажъ изъ новобранцевъ, никогда не видавшихъ моря и не имѣющихъ понятія даже о томъ, что такое корабельная веревка.

Татары, еще не выселившіеся изъ Крыма, очень недовольны, и особенно муллы. По дорогѣ въ Кафу Императрицѣ подано болѣе ста прошеній, все отъ желающихъ выселиться. Она очень разсердилась и хочетъ, кажется, выпроводить всѣхъ ихъ вонъ отсюда, разсчитывая, что ихъ легко будетъ замѣнить колонистами, которыхъ, она думаетъ, наѣдетъ довольно; но въ этомъ есть основаніе усумниться, такъ какъ всѣ поселившіеся здѣсь нѣмцы или венгерцы жизни не рады, что переселились и очень хотѣли бы поскорѣе убраться во свояси.

Изъ Вероны выписанъ нѣкій кавалеръ, страшно безпутный малый, для разведенія шелковичныхъ червей. Насѣяли кромѣ того марены, насадили токайскихъ лозъ, очертя голову надѣлали разныхъ другихъ экспериментовъ; но такъ какъ во всемъ этомъ дѣйствуютъ безъ всякой выдержки и системы, то всѣ эти затѣи кончаются такъ же скоро, какъ и возникаютъ.

Между тѣмъ видно, что въ прежнее время земля была хорошо обработана, судя по значительному количеству еще уцѣлѣвшихъ тутовыхъ и всякихъ другихъ плодовыхъ деревьевъ. Виноградъ также удается, особенно на берегу моря, около Судака; но и тѣ немногіе жители, какіе тамъ еще остались, тоже собираются бѣжать.

Единственнымъ способомъ для извлеченія изъ Крыма возможной пользы мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется проложеніе путей сообщенія отъ моря черезъ горы къ долинамъ и къ равниной части, и заселеніе долинъ и побережья, отличающихся необычайнымъ плодородіемъ и изобилующихъ лѣсами, виноградниками, всякаго рода плодами и рыбою. Эти выгодныя условія могли бы привлечь поселенцевъ, которые здѣсь нашли бы гораздо болѣе удобныя условія для существованія, нежели въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни камней, ни лѣса для построекъ, не достаетъ воды, и которыя скорѣе годились бы для

разведенія скота. Такимъ способомъ въ Крыму можно было бы сформировать моряковъ и извлечь изъ почвы различные продукты для вывоза. Это вызвало бы торговлю, создало бы торговый флотъ, приготовило бы лоцмановъ и матросовъ, освоенныхъ съ Чернымъ и Азовскимъ морями, съ Константинопольскимъ проливомъ со всѣми рѣчными устьями. Это дало бы возможность навсегда устранить далматинцевъ и другихъ венеціанскихъ подданныхъ, которые теперь, только прикрываясь, какъ маскою, русскимъ флагомъ, держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Тогда обезпечили бы себя опытными и искусными лоцманами и матросами практически знакомыми съ моремъ и со всѣми портами; изъ этихъ матросовъ могли бы набираться экипажи и для военныхъ судовъ Севастопольскаго флота. Если примутся за дѣло иначе, то упустятъ изъ виду самое существенное и слѣдовательно не подвинутъ впередъ осуществленіе великаго замысла, состоящаго въ изгнаніи турокъ изъ Европы".

Графъ Сегюръ, съ которымъ во время этой поѣздки по южному берегу Крыма случилось въ Θеодосіи оригинальное происшествіе, оставилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ: „На слѣдующій день послѣ этого праздника (въ Карасубазарѣ), котораго пышность, кажется, расшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ смотръ огромному корпусу войскъ, уѣхала въ сопровожденіи обычныхъ своихъ татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи въ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ греческое поселеніе Топли и татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасубазара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ представляютъ естественный садъ, который пріятно пора-

жаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по западному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-и верстахъ отъ Судака и стольких же отъ Θеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія татаръ; однакожъ нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а татары—Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ своихъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видны Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались не долго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Θеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары пораженные ея великолѣпіемъ, назвали ее Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Кафою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранились только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2,000 жителей, бродящихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе, разрушеніе. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противоположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры Императрицы, она не могла удержать порывы грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ Ея грустнымъ видомъ этихъ красноречивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города, и котораго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этой пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи

къ сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ донскихъ казаковъ, и наконецъ Азовъ. Но осеннее время, вредный береговой климатъ, и важность дѣлъ, призывавшихъ Ее въ столицу, заставили Ее перемѣнить это намѣреніе. И такъ, Өеодосія была предѣломъ нашего огромнаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, если бы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, въ которой господствуетъ неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Петемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду: Императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею. быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину въ азіатской одеждѣ; ея станъ, походка глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ, не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу, Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ Императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю. „Неужели она до такой степени похожа“, сказалъ онъ мнѣ. „Похожа до невѣроятности“, сказалъ я.

„Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь,—эта молодая черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю“. „Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь;—я не приму ее и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ“.

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но, вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезчуръ спесивъ

и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что ему вздумается мнѣ подарить [1]).

Мы разсказали выше, что Императрица, въ *Старомъ Крыму*, вечеромъ 28 мая, сдѣлавъ прогулку по саду съ гр. Фалькенштейномъ, удалилась въ свои покои въ 9 часовъ вечера. Она спѣшила писать къ своимъ дорогимъ внукамъ великимъ князьямъ.

„Ваши имянины, (писала Императрица къ великому князю Константину Павловичу) привелъ Богъ праздновать въ Бахчисараѣ; на другой день мы поѣхали въ Севастополь, гдѣ мы нашли 15 кораблей и фрегатовъ военныхъ на морѣ; тутъ вспомнили мы, что до Петербурга было верстъ тысячи полторы, а до Царяграда сутки двое моремъ. Мы поѣхали оттуда чрезъ высокія горы; на одну шесть верстъ должно было подниматься, и опять пріѣхали въ Бахчисарай ночевать; завтра уже я буду на обратномъ пути и поспѣшу къ вамъ, колико можно; надѣюсь васъ обнимать недѣли чрезъ три въ Коломенскомъ дворцѣ; между тѣмъ будьте увѣрены, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ въ 20-ти верстахъ отъ Өеодосіи, что называлась прежде сего Кафа. Мая 28, 1787".

„...Здѣшнія мѣста прекраснѣйшія, которыя я видѣла отъ роду. По сю пору здѣсь ни тепло, ни холодно, но погода самая пріятная. Вездѣ сады въ лощинахъ, окружены они горами. Севастопольской гавани подобной трудно сыскать, въ оной разныхъ заливовъ множество, глубина вездѣ одинакая, такъ что не только купеческіе, но и самые большіе военные корабли могутъ вездѣ пристать къ самому берегу. Земля здѣсь изобильна, деревья вышины и толщины необыкновенной. Татары вездѣ

---

[1]) Князь Потемкинъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, онъ прислалъ Сегюру калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагунамъ, и у котораго была преоригинальная китайская рожица. Сегюръ занялся имъ нѣсколько времени, училъ его читать; но передъ отъѣздомъ его во Францію, графиня Кобенцель, которой мальчикъ понравился, такъ усердно стала упрашивать Сегюра оставить его у нея, что онъ согласился, но сохранилъ портретъ этого калмычонка.

весьма ласково насъ принимаютъ и всячески ищутъ, какъ лучше угостить; въ Бахчисараѣ, ночь цѣлую не выходя изъ мечети, молились весьма громогласно о благополучномъ продолженіи пути моего; дорога сія мнѣ тѣмъ паче пріятна, что вездѣ нахожу усердіе и радѣніе, и, кажется, весь сей край въ короткое время ни которой россійской губерніи устройствомъ и порядкомъ ни въ чёмъ не уступитъ. Прощайте, мой другъ; дай Боже, чтобъ вы къ Москвѣ пріѣхали въ добромъ здоровьѣ и не скучали дорогою; безъ труда въ свѣтѣ никуда не поспѣешь. Мнѣ весьма будетъ радостно васъ видѣть; вы знаете, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ, мая 28 ч., 1787".

Храповицкій въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующія отмѣтки:

„27 мая. Пріѣхали ночевать въ Старый Крымъ. Татары спрашивали, зачѣмъ Иловайскій въ своей одеждѣ, и когда имъ сказали, что такой обычай у козаковъ, то отозвались, что равнымъ образомъ и изъ татаръ древніе обычаи выходить будутъ золотниками".

"28 мая. Письмо къ великимъ князьямъ, съ похвалою Тавриды, Севастопольской гавани и климата. Въ доказательство привязанности татаръ, сказывали, что въ Бахчисараѣ молились цѣлую ночь о благополучномъ совершеніи путешествія. Переписалъ стихи, начатые въ Бахчисараѣ, въ похвалу князя Потемкина. Обѣдали въ бывшей Кафѣ или Ѳеодосіи.

На другой день 29 мая назначенъ былъ въѣздъ изъ Стараго Крыма въ Карасубазаръ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАМЕННЫЙ ЗАТОНЪ
И БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Названная мѣстность, расположенная въ области Великаго Днѣпровскаго луга по рѣкѣ Конкѣ, близъ Никополя, по остаткамъ сохранившейся здѣсь старины принадлежитъ къ числу выдающихся достопримѣчательностей нижняго Днѣпра.

Въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 г. къ этой мѣстности относится слѣдующее свидѣтельство: „... Проѣхали мимо Мамай-Сурки, древняго городища или валовой насыпи древняго замка, находящагося на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки Бѣлозерки, идущей изъ татарской степи и образующей передъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ озеро, при которомъ также есть городище и валовая насыпь древняго большаго города. Затѣмъ прошли мимо Каменнаго затона или залива Днѣпра тоже на татарской сторонѣ съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Здѣсь также производится у нихъ выкупъ (odkup) плѣнныхъ и въ этомъ мѣстѣ начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій, что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе“.

Князь Мышецкій, пробывшій на Запорожьи съ 1736 по 1740 г., относительно занимающей насъ мѣстности записалъ: „Оный Каменный затонъ построенъ отъ россіянъ въ войну съ

турками въ 1696 году; а въ 1736 г. отъ россіянъ же былъ построенъ тутъ редутъ. (На рѣкѣ Бѣлозерки) былъ славный, старинный городъ, именуемый Бѣлозерка-жъ, который былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа франковъ, которые въ ту пору здѣсь жили. А по нихъ тамо имѣлася въ томъ градѣ владѣтельница, прозываемая Бѣлозерская и имѣла тутъ малое владѣніе. А какъ татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію съ войною, то оная владѣтельница отъ страху оставила тотъ городъ и поселилась внизу Днѣпра по Очаковской сторонѣ... а Мамай пришелъ, оный городъ разорилъ. (На рѣчкѣ Мамай-Суркѣ) отъ татарскаго хана Мамая былъ построенъ городъ на имя свое Мамай".

Приведенное легендарное сказаніе князя Мышецкаго не заключаетъ въ себѣ какихъ либо цѣнныхъ указаній, такъ какъ онъ писалъ свою исторію съ чужихъ словъ, принимаемыхъ имъ на вѣру безъ надлежащей критики, что и оказывается при близкомъ ознакомленіи съ его трудами. Если этотъ авторъ пріурочиваетъ запорожскія сѣчи къ мѣстамъ Канева и Переволотной и даже допускаетъ пребываніе сѣчи въ 30 вер. отъ Чернигова, то приходится съ недовѣріемъ относиться къ его невѣроятному сообщенію о Бѣлозерскомъ городищѣ. Иное значеніе имѣютъ замѣтки Лассоты, отличающіяся большою фактическою точностью, какъ можно убѣдиться, между, прочимъ изъ провѣрки заключающихся въ его запискахъ географическихъ свѣдѣній по пути отъ Кіева до Кичкасскаго перевоза Днѣпромъ и дальше по Великому лугу до днѣпровскаго протока Чертомлыка.

Въ „Русскихъ трактатахъ" А. Русова, въ цитатѣ изъ Манштейна о Бѣлозерскомъ городищѣ читаемъ: „Въ двухъ мѣстахъ этого края (поднѣпровья въ предѣлахъ нынѣшней Новороссіи) есть слѣды городовъ; одинъ изъ нихъ Бѣлозерка, имѣвшій собственнаго своего государя, былъ разрабленъ и разрушенъ татарскимъ княземъ Мамаемъ, который очень прославился въ 14 вѣкѣ".

Очень смутныя историческія свидѣтельства о прошлой судьбѣ интересующей насъ мѣстности заключаютъ, однако, въ себѣ опредѣленное указаніе на видную ея роль во время, предшествующее козацкому періоду на нижнемъ Днѣпрѣ.

Отмѣтимъ современные черты описываемаго небольшаго района. Каменный затонъ представляетъ собою весьма характерный заливъ, болѣе узкій со стороны Днѣпра и затѣмъ разширяющійся до 200—300 саж.; по длинѣ заливъ этотъ тянется почти на двѣ версты, заканчиваясь сравнительно узкой полосой, куда вливается „течія“ со стороны лѣвобережной низменной равнины. При такомъ объемѣ и фигурѣ Каменный затонъ можетъ помѣстить въ себѣ значительную рѣчную флотилію,—и весьма возможно, что въ давнюю пору заливъ этотъ и имѣлъ такое значеніе для обитателей Нижняго Днѣра [1]). На правой сторонѣ Каменнаго затона можно видѣть слѣды редута, о времени сооруженія которага говоритъ князь Мышецкій въ приведенной выше выдержкѣ изъ его исторіи о козакахъ запорожскихъ. Дальше въ правую же сторону за Каменнымъ затономъ потянулись „кучугуры“ (песчаные холмы), пользующіяся извѣстностью на далекое разстояніе.

Отъ каменнаго затона прямой путь по рѣкѣ Конкѣ къ Бѣлому озеру, соединяющемуся съ Конкой короткимъ концомъ незначительной рѣчки Бѣлозерки. Озеро занимаетъ площадь въ нѣсколько тысячъ десятинъ, не глубоко (не глубже $2^1/_2$ ар.) изобилуетъ рыбою. По лѣвую сторону озера тянется большое село Каменка, по правую—развернулось почти на 10 верстъ вдоль огромное село Большая Знаменка. Пространство между с. Каменкой и р. Конкой, ограниченное Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ, занято отмѣченными выше песчаными кучугурами съ массой черепковъ битой посуды, между прочимъ,

---

[1]) Обслѣдованіе вопроса, не представляетъ ли Каменный затонъ искусственнаго сооруженія со стороны спеціалистовъ гидротехниковъ имѣло бы весьма важное значеніе для выясненія прошлой судьбы днѣпровскаго низа.

древнихъ амфоръ (остроконечныя донья и длинныя ручки этихъ типичныхъ судовъ). Площадки, сплошь покрытыя черепками на лощинахъ между кучугурами тянутся здѣсь верстъ на 5 въ длину и версты на 3 въ ширину. Рядомъ съ черепками встрѣчается здѣсь много выбѣленныхъ дождемъ и солнцемъ зубовъ различныхъ животныхъ. Лѣтъ 10 назадъ, пока кучугуры не были засажены „шелюгомъ“ здѣсь находили часто стрѣлы различныхъ видовъ и размѣровъ, иногда съ конскимъ волосомъ въ дырочкахъ у основанія стрѣлъ, а также разнообразныя металлическія пряжки, пуговицы и монеты; между послѣдними встрѣчались и золотыя. Такія находки очень охотно покупались евреями на никопольскихъ базарахъ, почему изъ Каменки всякій разъ послѣ большаго вѣтра выходили „черидками“ дѣти для поисковъ въ кучугурахъ. Заслуживаетъ вниманія также и то, что мѣстные жители въ этихъ кучугурахъ не особенно давно находили много камня, которымъ были выложены, будто-бы, погреба.—Остатки землянаго вала между Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ сохранились лишь въ немногихъ мѣстахъ; въ чертѣ каменскихъ усадьбъ валъ срытъ мѣстами до основанія. Отъ каменнаго большаго шара, который видѣлъ здѣсь Лассота, возвращаясь отъ запорожцевъ съ Базовлукскаго острова, не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ вещественныхъ остаткахъ, ни въ народномъ преданіи. Такова мѣстность, гдѣ въ 16 вѣкѣ татары производили „odkup“ плѣнныхъ.

Неменѣе интересною представляется также мѣстность по правую сторону Бѣлаго озера, между озеромъ и р. Конкой. Здѣсь находится древнее городище, представляющее двѣ части: „городокъ“ при рѣкѣ Конкѣ и „Городище“ при Бѣломъ озерѣ. *Городокъ*, занимающій площадь значительно меньшую по сравненію съ городищемъ, представляетъ правильный четырехъугольникъ, огражденный земляной насыпью до 40 шаговъ черезъ верхъ,—валъ паралельный р. Конкѣ тянется въ длину шаговъ на 900, а два перпендикулярныхъ шаговъ на 400; къ валу, ограждающему городокъ, со стороны степи съ наружной стороны примыкаетъ ровъ, глубиною (по его сторонѣ) около

10 шаговъ; южный валъ прерывается на нѣсколько саженей въ томъ мѣстѣ, гдѣ выдвигаясь наружу за линію вала, возвышаются курганы объемомъ около 20 шаговъ черезъ верхъ. Внутри городка хорошо замѣтна вторая линія валовъ, паралельныхъ отмѣченнымъ здѣсь. Въ чертѣ городка близъ сѣвернаго вала по направленію къ рѣкѣ Конкѣ сдѣланъ прокопъ, повидимому для удобнаго сообщенія съ рѣкою, берегъ которой на мѣстѣ городка довольно крутой. Внутри городка возвышается нѣсколько кургановъ. За чертой городка на поворотѣ р. Конки замѣтны слѣды редута, обваливающагося въ рѣку.—*Городище*, примыкающее къ Бѣлому озеру, огорожено валомъ только съ одной южной стороны. Валъ здѣсь нѣсколько ниже, чѣмъ въ городкѣ, но съ такимъ же рвомъ со стороны степи и такими же перерывами въ валу и курганами съ наружной стороны. Валъ этотъ тянется на разстояніи около полуторы версты, не доходя до Бѣлаго озера саженей на 100 вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ озера въ весеннее половодье. Всѣ отмѣченные валы, находящіеся въ чертѣ крестьянскихъ усадьбъ Большой Знаменки, довольно хорошо сохранились.

Общій видъ описанной мѣстности между Бѣлымъ озеромъ и р. Конкой представляется на прилагаемой къ статьѣ картѣ.

Въ Большой Знаменкѣ у мѣстныхъ крестьянъ были встрѣчены нами двѣ амфоры, вывалившіяся изъ крутаго берега въ рѣку Конку. Выбѣленныя снаружи амфоры сдѣланы изъ красной глины; высота ихъ $1^1/_4$ арш., толщина въ самомъ широкомъ мѣстѣ подъ шейкой около $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. Такія амфоры, по словамъ мѣстныхъ жителей, вываливаются въ Конку почти всякій годъ, но обыкновенно забрасываются, не находя примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ по неустойчивости. Въ одной изъ видѣнныхъ нами амфоръ, впрочемъ, были посолены огурцы.

На горѣ Малой—Суркѣ не сохранилось ясныхъ слѣдовъ древняго замка, о которомъ упоминаетъ Эрихъ Лассота въ сво-

Днѣпръ.

Каменный затонъ.

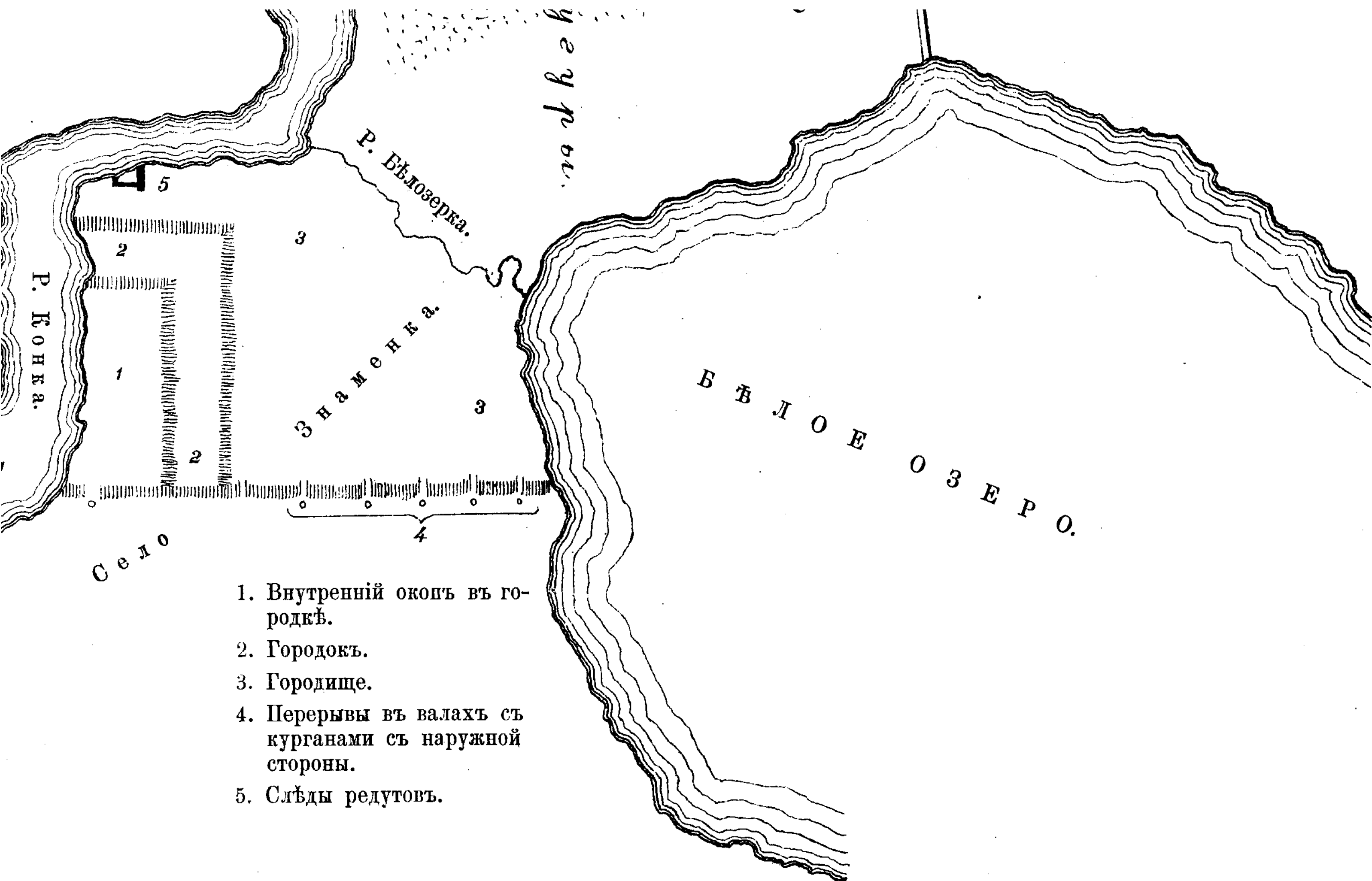
Масштабъ:
около версты въ дюймѣ.

Направленіе насыпи.

Р. Конка.

Каменская Ку

Каменка
(...ая Знаменка).

Р. Конка.
Р. Бѣлозерка.
Знаменка.
Село
Бѣлое озеро.
1
2
3
4
5
1. Внутренній окопъ въ городкѣ.
2. Городокъ.
3. Городище.
4. Перерывы въ валахъ съ курганами съ наружной стороны.
5. Слѣды редутовъ.

ихъ запискахъ. Эта высокая и крутая гора представляетъ двѣ террасы, причемъ на нижней, отстоящей отъ вершины саженъ на 50, расположены въ рядъ два огромныхъ кургана шаговъ до 80 черезъ верхъ. Здѣсь же, нѣсколько впереди кургановъ, высится огромный природный холмъ; внизъ отъ холма спускается рытвина; глубокое провалье, тянущееся отъ вершины и до подошвы горы, примыкаетъ къ обѣимъ террасамъ съ западной стороны. Склонъ Мамаевой горы достигаетъ саженъ 300. Отмѣченные огромные курганы изрыты кладоискателями, къ счастью, не глубокими ямами.

Къ одной мѣстности, находящейся между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ относится довольно загадочное въ данномъ случаѣ названіе „казанъ". Къ какой собственно мѣстности относится это названіе, большезнаменскіе жители не умѣли выяснить. Одни названіе „казанъ" относили къ котлообразной равнинѣ между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ, другіе пріурочивали такое же названіе къ одному мѣсту на рѣкѣ Конкѣ, на которомъ, будто бы, утонулъ человѣкъ въ поискахъ за выпущеннымъ изъ рукъ, при переправѣ черезъ рѣку, обыкновеннымъ, домашнимъ казаномъ. Послѣдній варьантъ, по крайней наивности, въ народномъ впрочемъ духѣ, вовсе не выдерживаетъ критики; приурочиваніе названія „казанъ" къ обширной котлообразной равнинѣ также непонятно.

Какъ достопримѣчательность современнаго быта жителей Каменки и Большой Знаменки, особенно послѣдней, должны быть отмѣчены роскошные сады и виноградники, пользующіеся извѣстностью даже за предѣлами новороссійскаго края. Виноградники изъ лозъ, не уступающихъ по достоинству крымскимъ, даютъ огромную массу винограда, заполняющаго большинство новороссійскихъ рынковъ, вывозимаго также въ сосѣднія губерніи, какъ полтавскую, харьковскую и проч. Приготовляемое изъ мѣстнаго винограда вино, не отличающееся высокимъ качествомъ, по неумѣнію приготовить, имѣетъ также значительный сбытъ по дешевизнѣ.

По пути изъ Большой Знаменки къ Каменному затону уже не приходится изумляться при видѣ массы черепковъ. Если мѣстность при Бѣломъ озерѣ и въ давнее время производила виноградъ въ огромномъ количествѣ, что вполнѣ возможно, то въ такомъ мѣстѣ вполнѣ естественно встрѣтить массу черепковъ битыхъ амфоръ и другой посуды, употреблявшейся для вина.

Этимъ и ограничиваются наши наблюденія замѣчательныхъ остатковъ старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера. Вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ—археологъ.

Л. Падалка.

ОБРАЩЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КОСТЕЛЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія).

Въ овручскомъ уѣздѣ волынской губерніи есть совершенно незамѣтное и ничѣмъ не выдающееся въ настоящее время м. Славечня, въ которомъ около ста лѣтъ тому назадъ разыгралась любопытная исторія, долго привлекавшая къ себѣ вниманіе разныхъ вѣдомствъ, а особенно духовнаго, и служившая предметомъ немалыхъ споровъ и пререканій между ними. Эти споры и пререканія вызвали обширную переписку и дали въ результатѣ громадное дѣло, представляющее массу интересныхъ данныхъ для характеристики тогдашнихъ общественныхъ нравовъ и административныхъ порядковъ. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, собраны многія черты, бросающія яркій свѣтъ на тогдашнее неупроченное положеніе духовенства, безправіе народа, всевластіе шляхты, удивительную волокиту въ судахъ. Въ виду этого мы намѣрены болѣе подробно познакомить читателей съ обстоятельствами этого дѣла.

Въ 1787 году прибылъ въ м. Славечню владѣлецъ этого имѣнія [1]), виленскій бискупъ князь Масальскій. Будучи въ мѣстной церкви за обѣдней, онъ обратилъ вниманіе на то, что церковь совершенно обветшала и дальнѣйшее ея существованіе не возможно; поэтому, призвавъ къ себѣ послѣ обѣдни

[1]) Оно вскорѣ затѣмъ перешло въ руки графа В. Потоцкаго и стало ключемъ его имѣній.

почетнѣйшихъ прихожанъ и церковныхъ братчиковъ, онъ указалъ имъ на необходимость озаботиться постройкою новой церкви. Прихожане, вѣроятно, и сами отлично понимали, что медлить нельзя, но скудость церковной кассы не позволяла имъ серьезно приняться за дѣло: въ „карнавкѣ“ было всего около 300 злотыхъ. Между тѣмъ 2600 злотыхъ громадскихъ денегъ находилось въ владѣльческомъ скарбѣ; вотъ эти-то деньги прихожане и просили владѣльца разрѣшить имъ употребить на постройку церкви. Бискупъ Масальскій удовлетворилъ просьбу прихожанъ и даже болѣе того—велѣлъ своей экономіи выдавать изъ скарбу, сверхъ этихъ денегъ, столько, сколько бы понадобилось на постройку церкви. Кромѣ того онъ выдалъ зашнурованную книгу для веденія отчета по употребленію денегъ, выдалъ и планъ и поручилъ производство постройки своему коммиссару Вильчинскому.

Крестьяне тотчасъ принялись за вывозку матеріала и, благодаря помощи сосѣдей, живо справились съ этимъ дѣломъ. Вильчинскій съ своей стороны не имѣлъ повода оттягивать постройку церкви, и когда все было готово для закладки, нанялъ, при участіи прихожанъ и съ ихъ согласія, за 700 злот. мастера, съ которымъ и заключилъ контрактъ. Основаніе новой церкви первоначально имѣлось въ виду положить „въ кругъ старой церкви“, но Вильчинскій почему-то выбралъ въ 10 шагахъ отъ этой послѣдней мѣсто, которое славечанскій уніатскій священникъ Адамовичъ и освятилъ, имѣя въ рукахъ выданный на этотъ предметъ пинскою уніатскою консисторіею „инструментъ“.

При производствѣ постройки мастеру и рабочимъ платили не только скарбовыми деньгами (принадлежавшими въ дѣйствительности громадѣ, о чемъ была рѣчь выше), но и собственно церковными. На эти же деньги былъ устроенъ каменный фундаментъ и четыре мурованныхъ колонны снаружи. Что же касается продовольствія рабочимъ, то оно доставлялось въ видѣ „ординаріи“ посредствомъ ссыпки исключительно громадой, безъ „малѣйшаго пособія“ со стороны скарба. Наконецъ, церковь была кончена, украшена по греческому типу и, со-

гласно данному въ 1792 году пинскимъ уніатскимъ бискупомъ Іосафатомъ Булгакомъ „инструменту“, освящена петрашевскимъ священникомъ Лисицкимъ, который отслужилъ здѣсь первую литургію и затѣмъ передалъ новопостроенную церковь мѣстному приходскому священнику Гилярію Загоровскому.

Да простятъ намъ читатели, если мы обращаемъ ихъ вниманіе на столь мелочныя подробности; но это необходимо. Здѣсь лежитъ коренная пружина всего дѣла, его узелъ и завязка; тутъ именно источникъ всѣхъ недоразумѣній и основаніе для заявленныхъ впослѣдствіи совершенно противоположныхъ притязаній. Какъ бы то ни было, но если безпристрастно вникнуть въ изложенныя обстоятельства, то для всякаго станетъ несомнѣнно, что бискупу Масальскому, въ дѣлѣ постройки церкви, принадлежитъ скорѣе высшее руководительство громадой, чѣмъ матеріальное вспомоществованіе ей; вся же денежная тяжесть и вообще финансовая сторона дѣла съ честью вынесена на плечахъ мужиковъ. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что славечанская церковь была русско-уніатская, потому что и консисторія, и бискупъ, давшіе разрѣшеніе на освященіе мѣста подъ церковь и самой церкви, были уніатскіе; и священникъ, освящавшій ее, и священникъ, назначенный служить въ ней, также были уніаты.

Между тѣмъ наступилъ 1793 годъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ произошелъ второй раздѣлъ Польши. Значительнѣйшая часть Волыни была присоединена къ Россіи, и вотъ съ особенною силою стала овладѣвать передовыми представителями духовенства мысль о возвращеніи уніатовъ обратно къ православному греко-восточному исповѣданію. Тогда же Викторомъ Садковскимъ, архіепископомъ минскимъ, вѣдѣнію котораго подлежали и новоприсоединенные уѣзды Волыни, издана была грамота, приглашающая всѣхъ желающихъ возвратиться къ „праотеческой вѣрѣ“. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла [1]), вызвано

[1]) Весьма интересная по этому вопросу статья, подъ заглавіемъ „Возсоединеніе уніатовъ на Волыни въ 1794—95 гг.“, основанная на изученіи первоисточниковъ, принадлежитъ перу Св. И. Л. и напечатана въ №№ 26 и 27 Волынск. Епарх. Вѣд. за 1880 годъ.

было изъ другихъ епархій около 10 человѣкъ игуменовъ и протоіереевъ, которые, получивъ отъ Виктора особую инструкцію, стали объѣзжать волынскія села и обращать прихожанъ въ православіе. Пріѣхалъ съ этою цѣлью и въ м. Славечню десятоначальникъ П. Иванча. Однако миссія его имѣла успѣхъ неполный: прихожане приняли православіе и были имъ присоединены, священникъ же Загоровскій не только отказался принять православіе, но, войдя въ стачку съ мѣстнымъ экономомъ Грабовецкимъ и заручившись его содѣйствіемъ, воспротивился передачѣ новой церкви въ руки православныхъ; свои права на нее онъ основывалъ на томъ обстоятельствѣ, что это не приходская церковь, а „придворная каплица". „Хотя прихожане таковое несправедливое и фалшивое представленіе публично обличали, и о присоединеніи новой церкви усердно просили, но опасаясь дворской власти, будучи въ надежди, что таковая ложная выдумка твердою и основательною быть не можетъ, отъ дальшихъ споровъ о новую свою приходскую церковь удержались". Поэтому Иванчѣ ничего больше не оставалось, какъ возобновить старую церковь; но для этого предварительно надо было очистить зданіе отъ сваленныхъ здѣсь въ кучу гонтъ и досокъ и привести его въ болѣе или менѣе приличный видъ. Такъ онъ и поступилъ, и 28 февраля 1795 г., перенесши церковныя вещи изъ новой церкви въ старую, вторично освятилъ эту послѣднюю.

Всякому, мало мальски знакомому съ нѣкоторыми фактами изъ времени возсоединенія уніатовъ и вообще съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ на Волыни, нисколько не покажется страннымъ такой неожиданный оборотъ этого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ отстоять права прихожанъ на новую церковь? Сами прихожане? Но вѣдь они были въ рукахъ „дворской власти", которой, какъ увидимъ послѣ, не напрасно опасались. Тѣмъ болѣе были основательны эти опасенія, что угрозы со стороны помѣщиковъ подвергать возсоединяющихся крестьянъ наказанію, были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ и, само собою понятно, далеко не шуточнымъ. Такъ, владѣлецъ с. Мончинецъ Грохольскій „запретилъ людямъ, чтобы отнюдь никто на схизму

не подписывался, ибо плетьми будетъ смертно сѣкти, и объявилъ, что какъ онъ самъ на схизму не согласенъ, то и его подданные на то не согласятся" (Арх. Вол. Дух. Консист. № 10) Въ с. Чернелевкѣ помѣщикъ Мальчевскій приказалъ войту, чтобы, въ случаѣ пріѣзда благочиннаго для возсоединія уніатовъ, нигдѣ въ его имѣніяхъ не собирать громады. И дѣйствительно, находясь подъ давленіемъ этой внѣшней силы и запуганные страхомъ угрозъ и тѣлесныхъ наказаній, крестьяне, тотчасъ же по пріѣздѣ въ извѣстное село лицъ, непосредственно руководившихъ дѣломъ возсоединенія, всѣ скрывались, такъ что не къ кому было и обращаться съ увѣщаніями относительно возсоединенія съ православною церковью. (Ibidem.)

Не священники ли могли вступиться за правое дѣло и поддержать интересы крестьянъ? Но и они не чувствовали у себя подъ ногами твердой почвы и находились въ весьма шаткомъ положеніи. Угрозы, удручающимъ образомъ дѣйствовавшія на крестьянъ, имѣли значеніе и для священниковъ, хотя косвеннымъ путемъ, именно: помѣщики грозили отнять у нихъ церковные грунта [1]), говоря, что „когда государыня возвращаетъ ихъ къ благочестію, то пущай имъ для ихъ пропитанія даетъ и грунта". (Ibid.) Мало того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы дѣйствовали болѣе рѣшительно, напр., въ с. Красноселкѣ поссесоръ Адамъ Перетятковичъ не пустилъ священника съ прихожанами въ церковь, „говоря, что изъ оной костелъ, а не церковь благочестивая будетъ"; тотъ же Грохольскій, о которомъ мы только что упоминали, забралъ сумму церковную и отобралъ отъ священника ключи церковные. (Ibid.) Вообще помѣщики, владѣя душами крестьянъ, заодно и приходскую церковь съ ея имуществомъ считали своею собственностью. По-

[1]) Извѣстны случаи, когда эти угрозы приводились въ исполненіе. Такъ, владѣлецъ с. Войтовецъ чудновск. повѣта гр. Илинскій (генералъ россійскихъ войскъ) отобралъ у священника церковные грунта, которыми тотъ пользовался 20 лѣтъ. Въ виду невозможности дальнѣйшаго существованія священника на этомъ приходѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ, еп. Варлаамъ далъ ему другой приходъ, а с. Войтовцы было приписано къ сосѣдней церкви. (Арх. Вол. Дух. Кон № 454.)

этому, если у помѣщика былъ балъ и оказывалась недостача въ свѣчахъ, то онъ, ничтоже сумняся, посылалъ въ церковь и забиралъ оттуда всѣ, даже послѣднія свѣчи; „лечь то было, заявлялъ одинъ крестьянинъ, будучи вызванъ свидѣтелемъ по одному дѣлу, еще за унѣи, ибо я самъ тотъ былъ, что съ повелѣнія г. Схабѣцкаго, свѣщы съ церкви забиралъ". (Арх. Вол. Дух. Кон. № 499.)

Стоя лицемъ къ лицу съ подобными, довольно заурядными фактами панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, духовенство тѣмъ менѣе могло заявлять о своихъ правахъ и одновременно съ этимъ поддерживать законные интересы крестьянъ, что само не могло опереться на господствовавшую въ краѣ власть. Извѣстно предписаніе губернатора Шереметева о томъ, что если въ какомъ-либо приходѣ одни только крестьяне заявятъ желаніе возсоединиться, священникъ же откажется, то съ исполненіемъ этого дѣла слѣдуетъ „поудержаться". (Ibid. № 10) Между тѣмъ случаи такого рода, когда, даже при согласіи прихожанъ, священникъ отказывался отъ возсоединенія были довольно не рѣдки, и нужно замѣтить, что причиною отказа, какъ увидимъ, являлись большею частью совершенно стороннія соображенія, слишкомъ далекія отъ интересовъ вѣры. Правда, и между уніатскими священниками попадались, повидимому, люди убѣжденные, какъ можно отчасти заключить по тексту данныхъ ими отписокъ[1]), напр., „Ja Antoni Danieliewicz w unij zostanie do zhonu żytyia moieho". (Арх. № 41.) Были даже такіе рѣдкіе экземляры, какъ нѣкій священникъ с. Михайловки староконстантиновской округи Өеодоръ Нѣдзѣльскій, который съ искреннею, глубокою вѣрою въ святость уніи и съ безстрашіемъ, достойнымъ вниманія, заявлялъ, что „онъ безъ уніи спасаться не можетъ", что онъ „съ предковъ своихъ унѣятъ", что, будучи обязанъ присягою уніатскому епископу, онъ лишь его считаетъ за пастыря; преосвященнаго же Виктора такового не признаетъ, а потому къ православно-восточной греко-

[1]) Священники, желавшіе присоединиться, давали „подписки", отъ нежелавшихъ же отбирались „отписки".

россійской церкви присоединиться не желаетъ и „того ради благочестія отрицается". Не ограничиваясь вопросами вѣры, этотъ замѣчательный уніатъ пустился даже въ область политики и заявилъ, что „поляки весьма худо здѣлали, что, обовязавшись присягою на вѣрность королю польскому, дерзнули потомъ ее уничтожить присягою россійской имперіи". (Арх. № 10). Однако такіе ревностные поборники и исповѣдники уніи—рѣдкія единицы, предъ которыми останавливаешься съ изумленіемъ. Большинство же отказывавшихся отъ благочестія, какъ заявляютъ лица, непосредственно занимавшіяся возсоединеніемъ, дѣлали это или вслѣдствіе разныхъ угрозъ, или по причинѣ распускаемыхъ заинтересованной стороной слуховъ, что „все то не такъ будетъ", потому что благочинные принялись „воскрешать благочестіе сами собою, безъ Монаршаго повелѣнія, ибо Ея Императорское Величество на грамотѣ не подписалась". (Ibid.) Не смотря на то, что, въ силу изданныхъ Высочайшихъ повелѣній, всякій, вздумавшій какимъ бы то ни было образомъ насиловать чужую совѣсть и страхомъ ли наказаній, или разными угрозами противодѣйствовать возсоединенію уніатовъ, подвергался уголовному преслѣдованію, всѣ подобныя дѣйствія оставались совершенно безнаказанными и вовсе не подвергались преслѣдованіямъ. „Хотя командѣ о семъ и представляется, доносилъ своему духовному начальству одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей возсоединенія, то невѣдомо для чего отъ такихъ-то противниковъ не взискуется". (Ibid. № 10.) Мы уже знаемъ, что когда гр. Илинскій отобралъ у войтовецкой церкви, по возсоединеніи уніатовъ, принадлежавшія ей земли, то епархіальная власть, обязанная заботиться о цѣлости церковнаго имущества, ни единымъ словомъ не заявила своего протеста. Видно, протестъ былъ безполезенъ, потому то власть безропотно покорилась судьбѣ, приписала церковь къ сосѣднему приходу—и это, по всей вѣроятности, и былъ единственный исходъ.

Если теперь мы примемъ во вниманіе всѣ изложенные факты, то перестанемъ удивляться тому, что въ м. Славечнѣ уніатскій священникъ съ такимъ достоинствомъ и какъ будто сознаніемъ своей правоты отказался сдать возсоединеннымъ при-

хожанамъ ими же построенную церковь. Прихожане не могли постоять за свое дѣло, духовенство также чувствовало себя безсильнымъ. Притомъ же Шереметевъ распорядился поудержаться съ присоединеніемъ такихъ приходовъ, гдѣ священникъ далъ „отписку". Въ дѣйствительности распоряженіе это вовсе не исполнялось, въ подтвержденіе чего мы можемъ сослаться на массу имѣющихся у насъ въ рукахъ доказательствъ: священникъ отказывался отъ возсоединенія, а прихожане все таки были возсоединяемы и получали другаго, православнаго священника. Но еслибы это распоряженіе имѣло силу, то, основываясь на буквальномъ его смыслѣ, можно было съ полнымъ правомъ утверждать, что въ м. Славечнѣ возсоединеніе произошло контрабанднымъ путемъ.

Такъ или иначе, но возсоединенные въ февралѣ 1795 г. славечанскіе прихожане получили православнаго священника и остались при старой церкви; новая же перешла въ исключительное вѣдѣніе бывшаго ихъ приходскаго священника Загоровскаго, который получилъ „отъ двора годовую пенсію" и продолжалъ совершать службу по уніатскому обряду. Такъ стояло дѣло до сентября 1796 года. Въ это время пріѣхалъ въ Славечню генеральный визитаторъ католическихъ приходовъ Яновскій. Мѣстный экономъ Зубръ, скрывъ отъ него обстоятельства постройки новой церкви, обратился съ просьбою освятить эту церковь въ костелъ. Яновскій вмѣстѣ съ свитскимъ ксендзомъ Вонсовичемъ исполнилъ просьбу и „тайнымъ образомъ", какъ сказано въ одномъ донесеніи, „почты партикулярно", какъ пояснено въ другомъ, „ибо безъ всякихъ церемоній, кромѣ водою окропилъ", освятилъ 11 сентября церковь въ костелъ. Тогда же уніатъ Загоровскій принялъ латинскій обрядъ. Къ вечеру зашелъ во дворъ мѣстный приходскій священникъ Зѣньковскій и спросилъ визитатора: „По какой причинѣ вы могли церковь на костелъ освятить?"—„Я имѣю повелѣніе отъ его высокопревосходительства Тутолмина", отвѣтилъ Яновскій, и священникъ долженъ былъ смиренно удалиться, хотя все таки онъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, а тотъ своевременно сообщилъ по начальству. Видно, что духовенство не желало

сдаться безъ боя; къ сожалѣнію, его желанія остались тщетными. Епархіальная власть не дала никакого хода дѣлу, оно было отложено въ сторону и предано полному забвенію. Варлаамъ, не касаясь прямо сущности донесенія, написалъ: „справиться: есть ли въ м. Славешни старая церковь?“, но консисторія никакого постановленія не сдѣлала. И вотъ дѣло, казалось, должно было окончательно заглохнуть, а совершившійся фактъ несправедливости съ теченіемъ времени получилъ бы и юридическую законность.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя обстоятельства, измѣнившія его естественное теченіе. Какъ ни тяжело и безправно было тогда положеніе крестьянъ, они тѣмъ не менѣе, какъ могли, отстаивали свою независимость въ дѣлахъ религіозныхъ. Извѣстно, что въ продолженіе XVIII столѣтія — въ то смутное время, когда высшая іерархія съ І. Шумлянскимъ во главѣ, усвоивъ іезуитскій принципъ, только наружно была православною, а въ дѣйствительности стала уніатскою, — одни только крестьяне хранили въ душѣ своей искру Божію и поддерживали ее живымъ, сердечнымъ чувствомъ; они навсегда остались чуждыми уніи и, не имѣя возможности активно противодѣйствовать всякимъ посягательствамъ на свободу своей совѣсти, волей-неволей должны были ограничиться пассивнымъ сопротивленіемъ [1]). Подобно тому и славечанскіе крестьяне „наскучали“ какъ панскому двору, такъ и бывшему своему приходскому священнику объ отдачѣ имъ новой церкви; „письменно-жъ жаловаться, опасаясь побоевъ, отъ эконома Зубра обѣщанныхъ, не осмѣлились“. Самъ Зубръ хорошо, какъ видно, понималъ справедливость настояній крестьянъ и, какъ бы чувствуя свою вину предъ ними, рѣшился хоть немного загладить ее и тѣмъ нѣсколько успокоить крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній онъ покрылъ гонтой старую церковь, въ которой служеніе въ то время уже прекратилось, такъ какъ крыша ея стала гнить и разваливаться. Донося въ 1801 году объ этомъ

---

[1]) Монографіи по Исторіи западной и юго-западн. Россіи В. Б. Антоновича, стр. 331 и слѣд.

самовольномъ поступкѣ Зубра и прося вновь разрѣшить священнослуженіе въ старой церкви, благочинный напомнилъ епархіальному начальству забытую исторію о постройкѣ новой церкви и о неправильномъ обращеніи ея въ костелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1802 году подоспѣло прошеніе крестьянъ на Высочайшее имя, касающееся того же предмета и поданное также въ консисторію.

Измученные безплодными усиліями вернуть себѣ неправильно отнятое кровное достояніе, крестьяне рѣшили дѣйствовать основательно, причемъ употребили всѣ старанія, чтобы по возможности прочно утвердиться на легальной почвѣ. Съ этою цѣлью они обратились къ своему помѣщику, подкоморому польской короны гр. Винцентію Потоцкому съ униженною просьбою уступить имъ новую церковь, столь неожиданно превратившуюся въ каплицу. Помѣщикъ выдалъ письменное согласіе, поставивъ условіемъ, чтобы крестьяне выстроили взамѣнъ церкви новую каплицу; это согласіе было заявлено въ овручскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ „для записи до книгъ способомъ абляты“ и представлено при прошеніи.

Такимъ образомъ духовенство и крестьянство—тѣ именно два элемента, которые, какъ мы видѣли, имѣли меньше всего шансовъ за себя и на которые такъ трудно было разсчитывать, выступили во всеоружіи юридической законности на защиту своего дѣла. Тогда епархіальное начальство поняло, что дѣло это не безнадежное, махнуть рукой, какъ раньше, нельзя, и въ мартѣ 1803 года опредѣлило передать славечанскую церковь въ православное вѣдомство. Послано было отношеніе въ губернское правленіе, а это послѣднее предписало овручскому нижнему земскому суду командировать съ своей стороны члена для немедленнаго исполненія опредѣленія консисторіи. Казалось, что наконецъ семилѣтнее терпѣніе крестьянъ будетъ вознаграждено достойнымъ образомъ. Дѣйствительно, 3 мая прибылъ въ Славечню овручскій протоіерей Савлучинскій, засталъ уже здѣсь земскаго исправника, но, сверхъ всякаго чаянія, церкви не получилъ. Оказалось, что деканъ народицкій, ксензъ Калинскій рѣшилъ уклониться отъ требованія властей, а для этого, за-

хвативши церковные ключи, совсѣмъ уѣхалъ изъ Славечни и на письменное заявленіе исправника отвѣтилъ, что безъ вѣдома своего бискупа ключей и церкви отдать не можетъ.

Такой непредвидѣнный поступокъ декана окончательно поставилъ въ тупикъ и высшія, и низшія духовныя сферы. Ихъ недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось, когда на имя Варлаама, епископа житомирскаго, было получено отношеніе луцкаго католическаго бискупа Гаспара Цѣцишовскаго. Указавъ на распоряженіе православнаго духовнаго начальства, бискупъ пишетъ: „Новый сей примѣръ занятія церкви, моему вѣдѣнію Всемилостивѣйше ввѣренной, безъ сношенія со мною или моею консисторіею, для освященія оной въ другое исповѣданіе, тревожитъ мое спокойствіе и безопасность и прочихъ церквей моей епархіи тѣмъ больше, что то наступило уже послѣ утвержденія Высочайшими узаконеніями цѣлости бытія оныхъ. Въ каковомъ случаѣ хотябъ и слѣдовало мнѣ искать защиты у моего начальства, но я, уповая на справедливость вашего преосвященства, толикократно мною и духовенствомъ моимъ испытанную, а всѣми вообще славимую, ласкаю себя надеждою, что занятіе таковое послѣдовало кромѣ вѣдома вашего, а затѣмъ безъ дальнѣйшихъ переписокъ и отвращено легко быть можетъ. Для того пріемлю честь краткое здѣсь здѣлать касательно той церкви объясненіе, изъ коего ваше преосвященство заключить изволите, сколь укоснительное и съ истиною несходное консисторіи вашей по сему предмету учинено донесеніе“. Обстоятельства постройки церкви бискупъ излагаетъ, конечно, въ выгодномъ для себя смыслѣ: церковь построена будто бы на средства единственно кн. Масальскаго, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ официјалистовъ-католиковъ, освящена по его, бискупа, порученію визитаторомъ Яновскимъ, безъ всякаго противодѣйствія съ чьей-либо стороны, и не тайно, а публично затѣмъ ей сдѣлана опись, которая съ этого времени ежегодно посылается въ римско-католическую духовную коллегію и по которой эта церковь значится приписанною къ велледницкому приходу. „Въ прочемъ, добавляетъ бискупъ, непринадлежность сей церкви къ славечанскимъ прихожанамъ, изъ уніатскаго къ гре-

ко-россійскому исповѣданію присоединившимся, доказываетъ во 1-хъ то, что при освященіи старой тамошней уніатской церкви на благочестіе первая, хотя и совершенно уже отдѣлана была, однакожъ оставлена безъ посвященія и послѣ того никто изъ нихъ не препятствовалъ возстановленію въ ней молебствія по католическому обряду; во 2-хъ то, что и нынѣ тѣжъ прихожане не сами собою къ занятію оной приступить осмѣлились, но по исходатайствованному отъ управителя того имѣнія дозволенію: да и то не инако какъ по принятому ими обязательству другую вмѣсто оной построить своимъ иждивеніемъ для исповѣдниковъ р.-католич. обряда. И наконецъ, что отъ духовенства гр.-россійскаго исповѣданія ни тогда, ни послѣ, ниже отъ тѣхъ прихожанъ, какъ я, равно и моя консисторія не получили въ разсужденіи означенной церкви требованія о возвращеніи оной въ ихъ вѣдомство“.

Нѣтъ нужды долго останавливаться на опроверженіи всѣхъ этихъ доказательствъ; они слишкомъ мало согласны съ истиною, чтобы могли имѣть хоть нѣкоторую доказательную силу. Мы знаемъ, что новая церковь во время возсоединенія оставлена безъ освященія въ силу особыхъ обстоятельствъ, а не потому, чтобы она была костеломъ; знаемъ и то, что если крестьяне не обнаружили рѣшительнаго противодѣйствія обращенію ея въ костелъ, то по невозможности сдѣлать это; оставалось развѣ поднять бунтъ и оказать сопротивленіе, соединенное съ насиліемъ. Обратиться же съ ходатайствомъ къ пану объ устройствѣ церкви и дать обязательство выстроить каплицу было для нихъ неизбѣжно, такъ какъ другаго исхода изъ затруднительнаго положенія не предвидѣлось. Что же касается православнаго духовенства, то оно, какъ извѣстно, своевременно доносило обо всемъ начальству.

Интересно далѣе послѣднее соображеніе Цѣцишовскаго. „Данное жъ отъ управителя позволеніе на занятіе оной церкви не могло по законамъ служить правиломъ къ таковому поступку, ибо оно есть само по себѣ ничто, яко послѣдовавшее отъ свѣтской особы на вещь, къ духовной власти принадлежащую, а на которую онъ никакого не имѣлъ права; а

сверхъ сего онъ, управитель, въ немъ имянно упоминаетъ, чтобы прихожане постарались на то о соизволеніи духовнаго начальства — слѣдственно того начальства, къ коего вѣдомству она принадлежитъ. Но таковое соизволеніе отъ меня не послѣдовало, а отъ кого другова кромѣ меня оно поступить не могло".

Всякій согласится, что изложенное сообщеніе Цѣцишовскаго, не лишенное тонкихъ логическихъ и діалектическихъ изворотовъ написно хорошимъ русскимъ языкомъ, обработано по всѣмъ правиламъ реторики и вообще вполнѣ достойно пера умнаго католическаго прелата. Бѣда вся только въ томъ, что здѣсь въ извращенномъ видѣ передаются факты; тѣмъ не менѣе это сообщеніе было роковымъ для дѣла и надолго затормозило правильное его рѣшеніе. Не довольствуясь однимъ экземпляромъ своего сообщенія, Цѣцишовскій тогда же послалъ копію въ губернское правленіе, которое и предписало земскому суду оставить безъ исполненія прежнее распоряженіе. Но консисторія, желая вывести дѣло на правильную дорогу, съ одной стороны, опредѣлила „учинить слѣдствіе“ съ депутатами отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: православной и католической, для выясненія тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ существовало разногласіе; съ другой стороны, она все таки настаивала на исполненіи своего прежняго рѣшенія о передачѣ церкви православнымъ. Но все это было напрасно, потому что объ исполненіи никто и не думалъ.

Такъ прошло три года, безъ особенно оживленной переписки и безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ для дѣла. Консисторія раза два просила губернское правленіе подтвердить земскому суду объ исполненіи рѣшенія и каждый разъ слала „строжайшіе“ указы въ духовное правленіе о томъ же. Судъ, ссылаясь на отношеніе Цѣцишовскаго и предписаніе губернскаго правленія, отказывался отъ исполненія, губернское правленіе увѣдомляло объ этомъ консисторію, а духовное правленіе „всепочтеннѣйше“ или „всенижайше репортовало“ о полученіи указовъ — и тѣмъ дѣло кончалось.

Но вотъ въ 1807 году преемникъ Варлаама, епископъ Даніилъ, побудилъ консисторію опять взяться за дѣло и доложить

ему. Вновь были сняты съ полки запыленные листы, пережеваны извѣстныя подробности, и вторично назначено слѣдствіе объ обстоятельствахъ, „опровергающихъ, какъ мотивировалъ самъ Даніилъ, рымское на вышеписанную церковь посягательство". Одновременно съ тѣмъ онъ велѣлъ, чтобы депутатомъ былъ назначенъ человѣкъ „благонадежный и свѣдущій; и сей бы депутатъ о всемъ, что послѣдуетъ, доносилъ бы мнѣ подробно и ясно". Послѣдовали соотвѣтствующія бумаги въ губернское правленіе, а также и въ духовное; получено было предписаніе земскимъ судомъ, но дѣло ни на шагъ не подвинулось, такъ что опять безслѣдно прошли три года. Только въ 1810 году консисторія вспомнила о своемъ опредѣленіи и запросила духовное правленіе: произведено ли назначенное слѣдствіе. Овручское духовное правленіе въ слѣдующемъ году рапортовало, что оно сносилось съ судомъ и почти ежемѣсячно слало ему сообщенія о производствѣ слѣдствія, но судъ по нимъ ничего не учинилъ и даже ничего не отвѣчалъ. Тогда консисторія просила губернское правленіе понудить земскій судъ; судъ на понужденіе отвѣчалъ, что онъ неоднократно предписывалъ объ этомъ своему засѣдателю Адамовичу; теперь же слѣдствіе не можетъ быть произведено, потому что 7 іюня 1811 г. гражданскимъ губернаторомъ поручено взысканіе податей, чѣмъ и заняты всѣ члены суда. Духовное правленіе, получивъ строжайшій указъ консисторіи и начиная терять терпѣніе, съ своей стороны стало настойчиво требовать отъ земскаго суда „неотложнаго по сему дѣлу, яко уже въ немалой проволочкѣ и забвеніи со стороны сего суда пребывающему, исполненія". Тутъ судъ, который въ продолженіе семи лѣтъ и пальцемъ не шевельнулъ для исполненія законныхъ требованій, даже обидѣлся и писалъ, что онъ „никакихъ никогда дѣлъ въ забвеніи не оставлялъ, а всегда со стороны своей замѣчая опредѣленія и кому слѣдуетъ о выполненіи оныхъ предписывалъ безъ промедленія времени".

Этотъ отвѣтъ суда нисколько однако не удовлетворилъ духовное правленіе, которому консисторія то и дѣло предписывала настаивать въ судѣ на скорѣйшемъ производствѣ слѣд-

ствія. Духовное правленіе окончательно сбилось съ ногъ; оно по старому посылало ежемѣсячно свои отношенія въ судъ, даже напоминало постоянно самому Адамовичу, но послѣдній со дня на день откладывалъ поѣздку въ м. Славечню. Наконецъ, утомленное безплоднымъ, почти десятилѣтнимъ ожиданіемъ, духовное правленіе въ февралѣ 1812 года доносило консисторіи, что оно „надежды не предвидитъ, чтобы сіе слѣдствіе въ скорости было произведено, ежели на судъ не будетъ положено пени". Консисторія обратилась къ губернскому правленію; это послѣднее снова послало въ судъ указъ о немедленномъ производствѣ слѣдствія съ требованіемъ отъ Адамовича объясненія, но прошелъ весь 1812 годъ, а въ 1813 году духовное правленіе дважды—въ іюлѣ и сентябрѣ—доносило консисторіи, что овручскимъ повѣтовымъ судомъ „понынѣ ничего не учинено" и на обычныя ежемѣсячныя отношенія „правленію не отвѣтствовано". Консисторія еще разъ обратилась „въ прекращеніе толикихъ по сему дѣлу съ 1796 года переписокъ" къ губернскому правленію, которое въ январѣ 1814 года послало указъ о „скорѣйшемъ исполненіи судомъ предписанія, подъ опасеніемъ за малѣйшую медленность взысканія по законамъ". Такимъ образомъ десятилѣтняя проволочка дѣла, на рѣшеніи котораго настаивали не частныя лица, а правительственныя учрежденія оставалась для суда совершенно безнаказанною. Несмотря на всѣ безчисленныя переписки и обращенія со стороны духовной власти, судъ продолжалъ чувствовать себя совершенно неуязвимымъ. Быть можетъ, въ этомъ виновато губернское правленіе, дѣйствовавшее весьма вяло: только послѣ десятилѣтней проволочки оно вздумало обратиться къ суду съ неособенно впрочемъ сильною угрозою.

Неизвѣстно, долго ли бы еще упорствовалъ судъ въ своемъ бездѣйствіи, примѣнило ли бы въ этомъ случаѣ губернское правленіе свою угрозу, если бы 10 марта 1814 года не произошло нѣчто крайне неожиданное, вверхъ дномъ перевернувшее все прошедшее, такъ что для дѣла начался совершенно новый фазисъ. Въ этотъ день въ м. Славечню прибылъ благочинный Яковъ Луцкевичъ, которому съ самаго возникновенія

дѣла поручено было присутствовать въ качествѣ депутата присдѣдствіи. Пріѣхалъ онъ по особому предписанію консисторіи, не одинъ, а вмѣстѣ съ присутствующимъ духовнаго правленія свящ. Епифановичемъ для разслѣдованія обстоятельствъ по поводу брака, совершеннаго не въ указанное время.—Старая церковь представляла тогда голую развалину, въ которой давно уже не совершалась служба. Еще съ лѣта 1812 года консисторія запретила въ ней совершеніе священнослуженія, велѣла перенести всѣ вещи въ сосѣднюю бѣгунскую церковь, гдѣ славечанскій священникъ долженъ былъ чередоваться съ мѣстнымъ настоятелемъ въ отношеніи совершенія службъ и куда должны были ходить славечанскіе крестьяне. Но они не такъ охотно подчинились этому послѣднему требованію.—Славечанскій священникъ заявилъ благочинному, что его прихожане въ бѣгунскую церковь вовсе не ходятъ и въ настоящую четыредесятницу совершенно отказываются идти туда къ исповѣди. Въ скоромъ времени сошлась и громада. Благочинный сталъ убѣждать собравшихся, что „такъ поступать христіанамъ несвойственно и грѣшно“.

— Хоть семь лѣтъ будемъ не исповѣданы, а въ чужую церковь ходить не будемъ!—заявили громадяне.

Мало того, они угрожали, что и умирающихъ будутъ сами хоронить, и вновь рождающихся будутъ сами крестить, вообще „будутъ жить поскотскій“; что если у нихъ нѣтъ церкви, то и священника имъ не нужно; что „построенная ими въ Славечнѣ церковь неправильно состоитъ въ вѣдомствѣ уніатскихъ священниковъ, и они чрезъ 18 лѣтъ дожидаются о семъ рѣшенія, но таковаго, повидимому по причинѣ свѣтскаго правительства, по гробъ своей жизни съ дѣтьми не дождутся“. Наконецъ, они „убѣдительно просили благочиннаго освятить новую церковь, для чего обѣщали достать ключи, и достали дѣйствительно и принесли въ плебанальный домъ“. Тогда благочинный велѣлъ звонить и, когда громада отперла двери, перенесъ всѣ необходимыя вещи изъ старой церкви въ новую, освятилъ ее вмѣстѣ съ двумя священниками по православному чиноположенію, отслужилъ вечерню и велѣлъ священнику со-

вершать на будущее время всѣ службы въ этой церкви. Католическія же богослужебныя вещи остались въ цѣлости; взятъ былъ только уніатскій антиминсъ, подписанный І. Булгакомъ [1]), и отосланъ въ духовное правленіе. Представляя обо всемъ 13 марта мѣстному архіерею Стефану, благ. Луцкевичъ просилъ „таковый его поступокъ простить".

Итакъ насколько неожиданно было обращеніе церкви въ костелъ, настолько же, если еще не болѣе, неожиданно было обратное превращеніе костела въ церковь. Нечего и говорить, что смѣлый, рѣшительный и безпримѣрный поступокъ благоч. Я. Луцкевича вызвалъ цѣлую бурю со стороны мѣстнаго панскаго двора. Управитель его Крижановскій тотчасъ же, именно того же 10 марта, разослалъ свои донесенія и въ овручскій повѣтовый нижній земскій судъ, и въ духовное правленіе, и католическому декану. Въ этихъ донесеніяхъ онъ писалъ, что благочинный, будучи пьянъ, созвалъ мужиковъ, отбилъ топоромъ двери костела и въ соучастіи съ двумя, тоже пьяными священниками освятилъ его въ церковь. Вечеромъ же мѣстный приходскій священникъ Якубовичъ пришелъ будто въ пьяномъ видѣ въ дворъ и „публично при мужикахъ такихъ употребилъ выраженій, которыя обратить и въ непослушенство ввесть подданныхъ могутъ". Несмотря на явно неправдоподобный характеръ этого донесенія, судъ, который въ продолженіе 10 лѣтъ не приступилъ къ производству порученнаго ему слѣдствія, теперь по горячимъ слѣдамъ назначилъ, при полномъ составѣ суда, на 14 марта слѣдстіе о событіяхъ, только что происшедшихъ 10 марта. Пройти молчаніемъ прежнее слѣдствіе не было возможности и потому въ опредѣленіи своемъ судъ, слегка упомянувъ о немъ, по прежнему предписывалъ производство его извѣстному Адамовичу. Такъ какъ слѣдствіе имѣло происходить при духовныхъ депутатахъ, то духовное правленіе, „отрядивъ двухъ священниковъ, наказало имъ, чтобы они въ семъ дѣлѣ дѣйствуя рачительно всемѣрно старались защищать собствен-

---

[1]) Новое доказательство незаконности обращенія церкви въ костелъ, на что впослѣдствіи, между прочимъ, опиралось и духовное начальство.

ность церковную". Между тѣмъ консисторія не удовлетворилась такой постановкой дѣла; она вновь занялась его пересмотромъ, прекрасно сгруппировала всѣ доказательства принадлежности церкви православнымъ, и находя, что судъ, „въ одно замѣшательство сего дѣла", назначилъ два отдѣльныхъ слѣдствія, пробовала чрезъ губернское правленіе произвести ихъ совмѣстно. Но пока губернское правленіе собралось сдѣлать свое постановленіе, слѣдствіе давно уже было произведено и отослано по назначенію.

Вмѣсто 14 марта слѣдствіе почему-то началось 16-го. Вопросные пункты, данные священникамъ, ничего новаго не выяснили. Гораздо болѣе цѣнны для дѣла показанія десяти крестьянъ, которые принимали близкое участіе въ освященіи новой церкви, за что и получили должное возмездіе со стороны двора, именно: одного Крижановскій ударилъ рукою два раза и приказалъ забить въ колодки на три дня; 8 другихъ ночевали въ колодкахъ и получили—кто 3, кто 4, а кто 5 палокъ; одинъ изъ нихъ „наказанъ розкою по голомъ тѣлѣ, но немного", а десятый отдѣлался только колодками. Изъ свидѣтельскихъ показаній этихъ крестьянъ выяснилось, что дверь въ церковь не была отперта ключемъ, а дѣйствительно была отбита топоромъ и потомъ заперта висячимъ замкомъ отъ старой церкви. Что же касается священниковъ, то они, какъ единогласно заявили всѣ свидѣтели, вовсе не были пьяны. Только по окончаніи освященія, мѣстный настоятель Якубовичъ, полагая, вѣроятно, что по принятому обычаю слѣдуетъ достойнымъ образомъ отпраздновать такой необыкновенный подвигъ, послалъ нѣсколькихъ человѣкъ въ мѣстечко купить на громадскія деньги водки и рыбы для угощенія, но посланные не успѣли этого сдѣлать, потому что ихъ арестовали, доставили въ дворъ и забили въ колодки. Вечеромъ Крижановскій звалъ къ себѣ благочиннаго для допроса, но вмѣсто него отправился Якубовичъ и, увидѣвъ толпу арестованныхъ крестьянъ, сказалъ, какъ заявили официалисты: „wy będzecie odpowiadać za to, że jch w areszt bierzecie". Никто бы не подумалъ, что эти невинныя слова и есть тѣ страшныя, неудобь-сказуемыя выраженія, въ которыхъ Крижа-

новскій увидѣлъ подстрекательство крѣпостныхъ къ бунту противъ панской власти.

Несмотря на то, что вопросъ объ обстоятельствахъ постройки церкви, по постановленію суда, долженъ былъ изслѣдоваться особо, допрошенные свидѣтели и по этому вопросу дали весьма не двусмысленныя показанія. Такъ, одинъ свидѣтель вспомнилъ, что закладывали церковь на „самые спасовчаные запуски и въ то время на закладчинахъ оной стрѣляли изъ пушки;“ другой подробно доказывалъ, что она построена именно на громадскія деньги; третій заявлялъ, что въ этой церкви, по освященіи ея, совершались браки, крещенія, отправлялись погребенія и т. д. Жаль, что въ числѣ свидѣтелей нѣсколько человѣкъ были двадцатилѣтніе парни, которые во время постройки церкви еще не родились и потому на данные вопросы никакихъ отвѣтовъ дать не могли. Однако и сдѣланныхъ показаній было достаточно, и потому Адамовичъ, только теперь надумавшій представить объясненіе о своемъ бездѣйствіи, предлагалъ слѣдственной коммисіи сдѣлать постановленіе объ окончаніи слѣдствія. Въ своемъ объясненіи Адамовичъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ между прочимъ, что слѣдствіе поручено ему судомъ въ 1811 году, а наступившее въ 1812 году военное время помѣшало ему приступить къ производству слѣдствія. Коммиссія постановила снестись съ начальствомъ относительно предложенія Адамовича. Но какая-то злая иронія судьбы тяготѣла надъ этимъ злополучнымъ слѣдствіемъ, которое такъ никогда и не было произведено. Въ то время какъ губернское правленіе въ іюнѣ строжайше предписывало земскому суду окончить въ двухнедѣльный срокъ это старое слѣдствіе, духовная консисторія въ декабрѣ того же 1814 года сдѣлала постановленіе, что хотя церковь славечанская и самовольно освящена Луцкевичемъ, но такъ какъ въ ней безпрепятственно отправляется теперь православное богослуженіе, то и на будущее время оставить ее въ рукахъ православныхъ [1]). Благочиннаго же

[1]) Пользуемся случаемъ исправить маленькую неточность, находящуюся въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ волын. еп.“; въ этой не-

Луцкевича съ соучастниками, преданныхъ суду, „долженствовавшему воспріять дѣйствіе свое по окочаніи назначеннаго слѣдствія“, за силою Высочайшаго манифеста отъ 30 августа 1814 года отъ суда освободить, а вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ же основаніи и слѣдствіе прекратить.

Такъ пришло къ благополучному концу это хлопотливое дѣло [1]). Здѣсь мы нисколько не удивляемся образу дѣйствій католическаго духовенства, отстаивавшаго во чтобы то ни стало неправильно захваченную чужую собственность. Всякій на его мѣстѣ поступилъ бы, должно быть, не иначе. Мало удивительнаго также въ поступкахъ управителя славечанскаго ключа Крижановскаго, который, зная о данномъ крестьянамъ отъ имени помѣщика согласіи на уступку имъ новой церкви, поднялъ шумъ по освященіи церкви. Однако въ самомъ же началѣ слѣдствія онъ увидѣлъ всю безплодность своихъ усилій и вознамѣрился косвеннымъ путемъ дискредитировать авторитетъ мѣстнаго священника. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству и подалъ въ слѣдственную коммиссію доносъ, въ которомъ взвелъ на священника традиціонное обвиненіе въ вымогательствѣ. Но коммиссія справедливо отклонила разсмотрѣніе этого доноса, какъ направленнаго не по адресу, и предложила управителю жаловаться въ надлежащее присутственное мѣсто, т. е. въ консисторію, или архіерею.

Гораздо болѣе удивительна косность земскаго суда, который имѣлъ бы полное право отпраздновать торжественно десятилѣтній юбилей своего бездѣйствія. Ни безпрестанныя напоминанія духовнаго правленія, ни понужденія силою законовъ,

---

точности нисколько, впрочемъ, неповиненъ почтенный составитель этой весьма важной справочной книги. Заимствуя свѣдѣнія свои изъ клировыхъ вѣдомостей, онъ при описаніи м. Славечни (т. 1 стр. 408) говоритъ, что Троицкая славечанская церковь „построена на средства прихожанъ, но когда, неизвѣстно“. Какъ теперь оказывается, церковь эта имѣетъ свою длинную и достопримѣчательную исторію. Начатая постройкою въ 1787 г., она была освящена по уніатскому обряду въ 1792 г., затѣмъ въ 1796 г. была превращена въ костелъ а въ 1814 г. освящена по православному чиноположенію.

[1]) Оно изложено нами по матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ волынской духовной консисторіи, сентябрьская связка 1796 года, № 503.

ни требованія объясненій, ни угрозы губернскаго правленія— ничто не могло пронять засѣдателя Адамовича и вызвать его къ дѣятельности. При такихъ порядкахъ легко могла ослабѣть всякая энергія у заинтересованныхъ лицъ. Однако благоч. Я. Луцкевичъ не опустилъ рукъ. Онъ болѣе двадцати разъ пріѣзжалъ безуспѣшно въ Славечню и, не видя возможности законнымъ путемъ добиться правды, рѣшился самовольно освятить церковь. И тутъ, впрочемъ, онъ основывался на полученномъ имъ первомъ указѣ консисторіи отъ 1803 года, на что и указывалъ въ своихъ отвѣтахъ на предложенные слѣдственной коммиссіей вопросы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно заявлялъ, что имъ освященъ не костелъ, а церковь, неправильно именуемая костеломъ. Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ хоть нѣкоторый видъ законности, онъ, идя уже на освященіе церкви, завернулъ по пути къ извѣстному ксендзу изъ уніатовъ Загоровскому и, какъ заявилъ одинъ крестьянинъ-свидѣтель, звалъ его съ собой въ церковь, или требовалъ выдать по крайней мѣрѣ ключи. Но Загоровскій сказался больнымъ, а его дочь не выдала ключей, сославшись на то, что они хранятся у веледницкаго ксендза. Когда же, во время самаго обряда освященія, управитель Крижановскій прислалъ своихъ офиціалистовъ спросить Луцкевича, въ силу какого указа онъ рѣшился на освященіе церкви, то онъ отвѣтилъ: „я имѣю указъ, а хотяй бы и не было указа, я самъ отвѣчать буду“.

Вообще видно, что благочинный Луцкевичъ для своего времени и для той среды, къ которой онъ принадлежалъ и въ которой ему пришлось дѣйствовать, былъ личностью не заурядною. Вѣдь тогда контингентъ волынскихъ священниковъ состоялъ или изъ возсоединившихся уніатовъ, большинство которыхъ, какъ видно изъ данныхъ ими подписокъ, (Арх. В. Д. К. № 41), совсѣмъ не умѣло писать по русски и лишь кое-какъ подписывало свою фамилію польскими буквами; или изъ учившихся въ любарскихъ и другихъ уніатскихъ школахъ и потомъ оказывавшихся, по аттестаціи Варлаама, въ чтеніи средственными; или изъ лицъ, совсѣмъ нигдѣ не учившихся, а занимавшихся хозяйствомъ и потомъ проходившихъ дьяческую должность.

Трудно было отъ подобныхъ лицъ ожидать пониманія современнаго положенія дѣлъ и въ частности задачъ духовенства; еще труднѣе было этимъ лицамъ вполнѣ проникнуться сочувствіемъ къ нуждамъ народнымъ и стать на защиту народныхъ интересовъ. Между тѣмъ проблески всего этого можно отчасти уловить въ дѣятельности Луцкевича. Если бы онъ не рѣшился взять на себя всю отвѣтственность по освященію костела въ церковь, кто знаетъ, когда и какъ кончилось бы безконечное дѣло объ этой церкви?

В. Храневичъ.

ЗНАХАРКИ НОВАГО ТИПА.[1)]

Въ бытность мою въ Донской области, въ одномъ изъ городовъ ея я встрѣтилъ на базарѣ торговку, торговавшую страннымъ для меня товаромъ. Меня удивило это потому, что я нигдѣ не встрѣчалъ такой торговли въ тѣхъ городахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать. Товаръ былъ ничто иное, какъ всевозможнѣйшія травы, коренья, листья, сухіе плоды — вмѣстѣ и отдѣльно, связанные въ различные пучки, пучечки, разложенные въ кучки и представлявшіе довольно живописную картину, въ особенности въ сравненіи съ окружающими ихъ лотками съ мясомъ, крупою и прочею базарною дребеденью. Лотокъ былъ довольно обширный подъ навѣсомъ, и кромѣ того пучки травъ лежали кругомъ—и подъ ногами, и на бочкахъ сосѣднихъ торговцевъ. Среди этихъ пучковъ я съ трудомъ разглядѣлъ самую владѣтельницу этого товара. Это была женщина уже старая, низенькаго роста со сморщеннымъ, какъ яблочко, лицомъ, очень подвижная, со слезящимися и постоянно моргающими глазками, которые такъ и пронизывали насквозь. На вопросъ мой, для

---

¹) Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ въ не обходимости болѣе внимательнаго изученія такъ называемой народной медицины и тѣхъ медицинскихъ средствъ, которыя эмпирическимъ путемъ примѣняются знахарками, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ перечисленныя травы, представляющія собою аптеку Кириловны, извѣстны въ медицинѣ и испробованы ею: громадное большинство изъ нихъ не имѣютъ рѣшительно никакого фармацевтическаго значенія и представляютъ совершенно излишній аптечный баластъ, нѣкоторыя (Helleborus niger и Tanacetum Vulgare)—очень опасны по вредному дѣйствію на организмъ, и только весьма немногіе имѣютъ дѣйствительно кое-какое значеніе и употребляются изрѣдка и теперь.—Ред.

какой надобности покупаются эти травы, она отвѣтила мнѣ, что „це ликарськи травы протывъ усякои болисти“. Чтожъ у васъ много ихъ берутъ? спросилъ я, чтобы вполнѣ увѣриться, что она украинка. „Берутъ по-маненьку, усе розбыраютъ“. Ну, чтожъ помогаютъ? „А Богъ его святый зна, спрашують, я и даю, а чи воно помога, чи ни, то до того мени дила нема. Кажуть, шо польза есть[1]). Меня заинтересовала она очень, и я рѣшилъ съ ней познакомиться и хорошенько поразспросить, но все таки сейчасъ же спросилъ ее о значеніи нѣкоторыхъ травъ, знакомыхъ мнѣ и прежде всего бросившихся въ глаза. „Для чего же эта трава“, спросилъ я, указывая на деревей (Achillea millefolium) и какъ называется?“ „Це пидбилъ трава и потребляется протывъ „татаръ-желудку“, отвѣтила она мнѣ.

Изъ-отвѣтовъ ея я увидѣлъ, что вліяніе города отразилось на ней: вмѣсто „болисть у жывоти“ или „сояшныци“ (нервная болѣзнь желудка) появился „татаръ (катаръ) желудку“.

Все таки я рѣшилъ познакомиться съ этой окультурившейся знахаркой и условился съ нею пойти къ ней на домъ на слѣдующій день. Но на слѣдующій день я опоздалъ и она ушла домой, не дождавшись меня (обыкновенно она торговала съ разсвѣта до 1 — 2 дня). Но не смотря на это, я рѣшилъ сегодня же пойти къ ней и, поразспросивши окружающихъ торговцевъ, гдѣ она живетъ, пошелъ ее отыскивать. Пришлось идти за городъ, въ предмѣстье. Но врядъ ли бы я ее нашелъ, если бы не помогла одна женщина, которая оказалась ея сосѣдкою и хорошо ее знала. Дорогою она мнѣ разсказала, что старуха прежде торговала птицею (это было очень давно), а мужъ ея всегда имѣлъ пристрастье къ травамъ и вѣчно возился съ ними, былъ даже грамотенъ и почитывалъ книжки съ описаніемъ травъ. Потомъ мужъ ея заболѣлъ, и они кинули торговлю птицей и занялись торговлею травами, и вотъ лѣтъ уже 20, какъ она торгуетъ травами и лечитъ ими же все предмѣстье, да и въ городѣ она многимъ извѣстна и многіе господа къ

---

[1]) Старуха говорила довольно своеобразнымъ и ломанымъ украинскимъ языкомъ и я въ дальнѣйшей передачѣ придерживаюсь ея способа выраженій.

ней ѣздятъ за совѣтами. Сначала, когда старикъ еще окончательно не слегъ, они вмѣстѣ ходили собирать травы, вмѣстѣ работали, причемъ онъ ее училъ и разъяснялъ названія, значеніе и употребленіе каждой травки, а потомъ, когда онъ умеръ, она сама продолжала это дѣло. Все это она сама мнѣ потомъ подтвердила и дополнила свою біографію. Оказалось, что она уроженка черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда, переселилась въ эти края лѣтъ 50 тому назадъ, а можетъ быть и болѣе. О мужѣ своемъ она всегда разсказывала съ благоговѣніемъ, какъ о человѣкѣ много знающемъ и свѣдущемъ въ медицинѣ. Она съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ они „зъ старымъ" ходили вмѣстѣ по полямъ и лѣсамъ, съ какою любовью онъ объяснялъ ей каждую травку, каждую былинку, не было такого растенія, чтобы онъ „не знавъ яка у неи (травы) сыла сыдыть"—и вотъ все, что она отъ него узнала — „все это она теперь примѣняетъ и этимъ только и кормится.

Она долго не хотѣла мнѣ разсказывать о свойствахъ травъ и, конечно, то, что я узналъ, представляетъ какую-нибудь сотую долю того, что она знаетъ; вообще объ ядовитыхъ растеніяхъ и наркотическихъ она отказывалась говорить, пугалась при вопросѣ, представлялась, что даже не знаетъ ихъ— очевидно, она была еще раньше напугана и боялась, не зная вовсе меня, чтобы я ненарокомъ не донесъ на нее. Никакъ она не могла мнѣ повѣрить, что я вовсе не докторъ и не „фершалъ", и не аптекарь и, что разспрашивая ее, я не преслѣдую никакихъ матеріальныхъ цѣлей.

Прежде у ней было больше травъ, когда живъ былъ старикъ—онъ ей помогалъ носить, копать, да и не страшно было вмѣстѣ ходить, а теперь она боится, и поэтому тѣ травы, которыя я у нея видѣлъ, составляютъ только часть всѣхъ извѣстныхъ ей. Мнѣ удалось разспросить у нея о примѣненіи болѣе 80 травъ. Нѣкоторыхъ я не видалъ у нея, а записалъ только изъ разсказовъ, хотя узнать какое нибудь растеніе по ея описанію бывало ужасно трудно, и иногда я узнавалъ по самымъ случайнымъ и не характернымъ признакамъ.

Иногда по часамъ мы съ нею бесѣдовали, но со стороны можно было принять, что она меня экзаменуетъ, но никакъ не я ее разспрашиваю. До тѣхъ поръ, пока я не записываю, она увлекается, говоритъ много, описываетъ различныя травы, ихъ дѣйствіе вспоминаетъ различные случаи изъ своей практики, но только я выну бумагу и карандашъ, чтобы записать, она охлаждается, впадаетъ въ формальный тонъ—и тогда уже трудно ее расшевелить.

Я чаще сиживалъ у нея на базарѣ, чѣмъ ходилъ къ ней на квартиру, такъ какъ она очень далеко жила, а кромѣ того интересно было смотрѣть, какого сорта ея покупатели. И дѣйствительно, рѣдкое разнообразіе замѣчалось между ними, но больше всего у ней брали мужички изъ пригородныхъ деревень и мѣщане города. Она очень внимательно относилась къ своимъ покупателямъ и каждаго удовлетворяла при разспросахъ о значеніи того или другого растенія или корня. Разъ какъ то помню, подошла къ намъ монахиня, худенькая, блѣдная, и стала просить Кирилловну (такъ мою старуху называли горожане) ее вылѣчить. Та ее разспросила подробно: откуда пришла, куда идетъ, гдѣ прежде жила, какая у нея болѣзнь, не лѣчилась ли у докторовъ и, когда та отвѣтила, что нѣтъ, Кирилловна ее одобрила, ибо и не стоитъ у этихъ „шкуродеровъ“ лѣчиться, и въ концѣ концовъ пригласила ее къ себѣ на домъ и сказала, что поможетъ. Или разъ Кирилловна на минутку отлучилась куда то и оставила меня стражемъ; въ это время подбѣгаетъ дѣвочка и спрашиваетъ горчаку (Poligonum hydropiper L.) на пять копѣекъ. Къ ея удивленію вмѣсто бабушки пучекъ горчаку подалъ ей я. Чтобъ увѣриться, такъ ли мнѣ Кирилловна разсказала про горчакъ, я задержалъ дѣвочку и сталъ разспрашивать—дѣвочка охотно отвѣчала. „Для чего это ты, милая берешь?“, спросилъ я ее. „Это нашъ папаша лѣчатся травками“. Чѣмъ же твой папаша боленъ?“ „Мамаша говоритъ, что у него „гирамой“, а что это значитъ я не знаю“. „Ну и чтоже помогаетъ?“... „А какъ же, онъ только этимъ и поддержуетъ себя—мамаша говоритъ, что папаша давно бы умерли, если бы не эта травка“.

Нѣсколько разъ я имѣлъ случай удостовѣриться, что Кирилловна меня не обманывала, а говорила то, что знала, и если чего не хотѣла говорить, то какъ нибудь изворачивалась или говорила прямо, что не знаетъ.

Кто съ нею начиналъ торговаться, тому она приводила такіе резоны, что дескать, вы покупаете не просо или ситецъ—что-ли, а для здоровья, такъ и нечего торговаться; въ аптекахъ вѣдь вы не торгуетесь, гдѣ вамъ, чортъ знаетъ что даютъ, да еще въ три дорога слупятъ. Обыкновенно ея убѣжденія увѣнчивались успѣхомъ, и сраженные покупатели вынимали пятаки и гривенники и получали взамѣнъ пучечки травъ.

Разъ въ воскресенье я засталъ Кирилловну не одну, а въ обществѣ еще двухъ знахарокъ, сильно отличающихся по характеру и способу примѣненія своихъ лѣкарскихъ знаній и напомнившихъ мнѣ макбетовскихъ вѣдьмъ. Одной, какъ я позже узналъ, было лѣтъ 80, другой тоже около этого. Но эти были уже въ другомъ родѣ. Въ нихъ не было того добродушія, какое я встрѣтилъ у Кирилловны. Обѣ онѣ жили вмѣстѣ, т. е. одна была хозяйкой, а другая жила на квартирѣ у ней, иначе говоря занимала мѣста столько, сколько можетъ занимать скрыня (сундукъ), на которой она и спала. Обѣ онѣ собирали только рѣдкія растенія или такія, которыхъ негдѣ было достать. Обыкновенно онѣ покупали у той же Кирилловны или въ аптекѣ, хотя послѣднее бывало только въ крайнихъ случаяхъ. Такъ какъ было холодно—дѣло было зимой, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ,—то старушки мои послали за полштофикомъ, который тутъ же и роспили. Языкъ у нихъ развязался, и онѣ вполнѣ предстали предо мной. Изъ разговоровъ ихъ я увидѣлъ, что Кирилловна въ сравненіи съ ними просто ангелъ. На вопросы мои ни одна изъ нихъ не захотѣла и отвѣчать, какъ я ни подходилъ — но въ концѣ одна изъ нихъ не выдержала и объяснила мнѣ употребленіе двухъ травъ—одну они называли *чистякъ*, другую *остудъ трава*. Обѣ эти травы въ смѣси употребляются противъ болѣзни, называемой остудомъ, отъ которой, должно быть, и названіе второй травы произошло. Я, собственно говоря, какъ ни старался понять, какая это болѣзнь, все таки не понялъ, но

опишу ее такъ, какъ мнѣ ее описала одна изъ вышеупомянутыхъ старухъ. Раньше мнѣ казалось, что остудъ происходитъ отъ слова остудить—простудить и означала болѣзнь простудного характера, но, оказалось, что я ошибся. Болѣзнь эта происходитъ, по ихъ мнѣнію, отъ наговора и отъ другихъ малоизвѣстныхъ причинъ и проявляется въ томъ, что на лицѣ и на тѣлѣ появляются черныя пятна въ видѣ пальцевъ, и человѣкъ долго и сильно страдаетъ. Я и раньше видѣлъ эти два растенія у Кирилловны, и она, дѣйствительно, тоже говорила, что оба они употребляются противъ остуда—нужно заваривать въ видѣ чая, а также дѣлать изъ нихъ ванны. Но одна старуха, очевидно, подъ вліяніемъ хмеля, сообщила мнѣ, что она обыкновенно употребляетъ ихъ такъ: человѣкъ, заболѣвшій этой болѣзнью, долженъ отправиться въ баню, захвативъ по пучечку этихъ травъ, запарить ихъ въ ряжкѣ кипяткомъ и настоемъ облиться три раза, а ряжку непремѣнно нужно подставить кому нибудь изъ присутствующихъ,—тогда эта болѣзнь перейдетъ на другое лицо, причемъ прибавила она, что неразъ сама все это продѣлывала, и опытъ каждый разъ увѣнчивался полнымъ успѣхомъ. Кирилловна была непритворно возмущена этимъ средствомъ и упирала на то, „що цежъ грихъ и якъ ты могла це зъ людьмы робыть". Когда они ушли домой и оставили насъ съ Кирилловной наединѣ, она мнѣ разсказала, что эти старухи знаютъ массу средствъ и вообще хорошія деньги зарабатываютъ среди купечества (а городъ торговый) и кромѣ того не стѣсняются выборомъ средствъ. Но главное, что ее возмущало со стороны этихъ „чортовыхъ богачокъ", какъ она ихъ называла, это то, что онѣ никогда ей ничего не скажутъ и не покажутъ мѣстъ, гдѣ онѣ находятъ цѣнные и рѣдкіе экземпляры.

Кирилловна мнѣ много разсказала, какъ, гдѣ и когда собирать растенія. Передамъ вкратцѣ все отъ нея слышанное.

Время для сбора травъ самое удобное въ срединѣ іюня, когда, по мнѣнію Кирилловны, всѣ цѣлебныя силы растенія концентрируются, и самая лучшая трава это та, которая собрана на Ивана Купала, 24 іюня, когда ночью разцвѣтаетъ и папоротникъ, особенно цѣнимый народомъ. „Хто найде цвитъ

видъ папороти", говоритъ Кирилловна, „той вылечытся видъ усякои хоробы, вирно—яка бъ у нёму болисть не сыдила, такъ вона и выскочить". Я попробовалъ ее увѣрить, что папоротникъ вовсе не цвѣтетъ, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято называть—цвѣтетъ, но это оказалось напраснымъ, ибо она говоритъ, что хотя она и не видѣла сама, но за то многіе видѣли и говорили ей, что цвѣтетъ онъ голубенькими, небольшими цвѣточками и разцвѣтаетъ ночью—какъ разъ въ полночь. Собирать цвѣты и травы нужно не какъ нибудь, а всегда читая молитву, чаще „Отче нашъ", а то есть и спеціальныя молитвы. Выходя первый разъ весною рвать траву, нужно захватить съ собою копѣйку и кусочекъ хлѣба и у перваго сорваннаго цвѣтка положить и то, и другое, чтобы, такъ сказать, не обязываться у матушки сырой земли, какъ пояснила она мнѣ, причемъ нужно читать слѣдующую молитву:

Святый Петро землю пахае,
А Царыця небесна розсивае,
А Спаситель благословляе,
А святый Пантелеймонъ изциляе;
Изцилы, Боже, и в іихъ рабивъ Божіихъ.

Эту молитву нужно читать и вообще при собираніи травъ, но въ первый разъ обязательно.

При срываніи травъ и при даваніи ихъ противъ извѣстныхъ болѣзней читаются соовѣтствующія молитвы. Напримѣръ, при боли зубовъ нужно принимать, такъ наз., „зубну траву" (названія ея не знаю и самой ея не видалъ, а по описанію не могъ понять) и предъ пріемомъ читать слѣдующую молитву:

Мисяць у неби,
А звирь у поли,
А щука у мори,
Когда тры браты зійдутся,
Когда девять хлибивъ поидять,
Тогда у раба Божого (имя рекъ)
И зубы заболять.

Эту молитву, или скорѣе заклинаніе, нужно читать три раза въ день во время новолунія—передъ чѣмъ не мѣшаетъ прочитать „Отче нашъ".

При лихорадкѣ читается длинная молитва. Кирилловна сказала мнѣ только начало, и какъ я ее ни просилъ, не захотѣла говорить. Она такъ ее начинала:

„Мисяць у неби, а гныла колода за моремъ, а мертвый лежыть у гроби, а когда у мертвого ни зубы, ни очи, ничого не болитыме, такъ и раба Божого (имя рекъ) ничого не буде болиты,—вирно, ни у какому случаю не буде“, убѣжденно подтвердила Кирилловна, очевидно для нея понятную молитву или заклинаніе.

Вообще молитвамъ, заклинаніямъ, заговорамъ (шептаньямъ) и теперь еще придается большое значеніе, и дать только одну траву еще не все значитъ.

Интересно, чѣмъ руководствуются такого рода лѣкари, давая то или другое лѣкарственное растеніе противъ той или другой болѣзни. Многія средства, какъ увидимъ дальше, очевидно, выработаны народной практикой и, дѣйствительно, по составнымъ своимъ частямъ могутъ быть принимаемы противъ того или другого симптома извѣстной болѣзни съ пользою, но часто лѣченіе прямо основывается на внѣшнихъ морфологическихъ признакахъ растеній—также на его цвѣтѣ, колючести и проч. Напр., обыкновенный цминъ (изъ иммортелей — Helichrisum arenarium) — соломенно-желтаго цвѣта—дается противъ желтяницы, (желтухи), основываясь прямо на однородности цвѣта растенія и желчи. Или, напримѣръ, ризакъ трава Falcaria vulgaris, употребляется при рѣзи въ животѣ; мнѣ кажется, что употребленіе основано тоже на морфологическомъ признакѣ этого растенія—оно все покрыто жесткими-твердыми листьями, зубцами, вытянутыми въ острые кончики; также и Eryngium planum—синеголовникъ, или чертополохъ, употребляется тоже при рѣзи въ животѣ, на томъ же основаніи. Прежде чѣмъ указать примѣненіе моей знахаркой нѣкоторыхъ растеній, я скажу нѣсколько словъ вообще по поводу народной медицины. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, очень мало разработанъ, и врачи, которымъ, мнѣ кажется, онъ долженъ былъ быть всего ближе, почему то игнорируютъ его [1]). Мы съ каждымъ днемъ убѣждаемся,

[1]) Нельзя не привѣтствовать такой трудъ, какой предпринялъ д-ръ Деміичъ—

что масса практическихъ и полезныхъ знаній разсѣяно въ народѣ. Теорія, конечно, хромаетъ а иногда ея вовсе нѣтъ, но это все таки не значитъ, что всегда народныя средства такъ таки никуда уже не годятся. Врачи могли бы много найти здѣсь для себя поучительнаго, и брезгать народной мудростью и накопленными вѣками знаніями не слѣдовало бы.

Недавно было опубликовано *новое* средство, употребляемое при кровотеченіи и практикуемое особенно французскими врачами. Это новое средство есть ничто иное, какъ Lamium album, простая глухая крапива, которая очень распространена въ народной медицинѣ, и даже вошла въ народные лѣчебники; такъ, оно указывается въ извѣстномъ народномъ лѣчебникѣ Кашинскаго. Или въ № 16 газеты „Врачъ" за 1889 г. мы встрѣчаемъ подробное описаніе извѣстнаго растенія Capsella bursa pastoris Monch—пастушья сумка, которое восхваляется и рекомендуется какъ кровеостанавливающее. Это же растеніе въ 1888 году восхвалялъ Ehrenvall въ „Deutsche Medicinale Zeitung" —а у насъ это растеніе спокон вѣковъ употребляется въ народѣ при кровотеченіяхъ, и даже Кирилловна употребляетъ противъ кровохарканья.

Кто не слыхалъ о знаменитыхъ народныхъ лѣкаряхъ—а многіе, можетъ быть, и на себѣ испытали ихъ лѣченіе.

У меня былъ товарищъ по технологическому институту, который, будучи еще въ корпусѣ, сломалъ себѣ ногу и доктора или не хорошо ее сростили, или какъ нибудь залѣчили, только результатомъ было то, что онъ слегъ, пролежалъ два года и уже рѣшился отрѣзать ногу, когда ему посовѣтовали испробовать послѣднее средство и съѣздить къ знахарю во владимірской губерніи. Старичекъ осмотрѣлъ его, далъ травички попить, посовѣтовалъ ванны изъ травъ же, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ товарищъ мой ходилъ, а черезъ полгода держалъ уже экзаменъ со мною вмѣстѣ, и слѣдомъ болѣзни было только небольшое прихрамываніе. Я лично зналъ старичка въ бѣлгородскомъ

освѣтить научно, теоретически и практически, примѣненіе народныхъ средствъ. (См. его докладъ на съѣздѣ врачей въ С.-Петербургѣ).

уѣздѣ курской губ., который не одну сотню людей вылѣчилъ. иногда прямо внушеніемъ безъ примѣненія какихъ либо средствъ. Многіе, можетъ быть, читали и объ извѣстномъ знахарѣ, жившемъ въ 70-хъ годахъ, слава котораго гремѣла по всему Поволжью. Лѣчилъ онъ исключительно отъ ревматизма, катарра желудка и дыхательныхъ путей и употреблялъ только одну траву, потомъ оказавшуюся простымъ хвойникомъ Ephedra vulgaris. Человѣкъ сотни тысячъ (sic!) пріобрѣлъ и тысячи больныхъ вылѣчилъ и никто на эти факты не обратилъ вниманія.

А дѣйствія магнетизма, гипнотизма, различныхъ видовъ внушенія и пр., которыя теперь начинаютъ интересовать врачей, да вѣдь они имѣютъ уже цѣлую исторію въ народѣ и примѣнялись и примѣняются всегда параллельно съ лѣченіемъ другими веществами. Цѣлый міръ—народная психологія—очень мало затронутъ наукой, а этотъ міръ сильно отразился въ народной медицинѣ, въ лѣченіяхъ, гаданіяхъ, шептаніяхъ, заклинаніяхъ и т. д.

Нашихъ знахарей культура тоже начинаетъ трогать, и они переживаютъ новую фазу, въ особенности вблизи городовъ. Заходятъ къ нимъ новые взгляды, новые термины, старые исчезаютъ или видоизмѣняются (такъ, я уже говорилъ, что Кирилловна обладаетъ многими терминами, напр. „татаръ желудка“); признаютъ они, кромѣ травъ и шептаній, и минеральныя средства; такъ, между лѣкарствами Кирилловны можно найти соду, квасцы (галунъ), касторку, сѣру, желѣзо (гвозди) и друг. Имъ не чужда и аптека, откуда они берутъ различныя средства, если у нихъ не хватаетъ собственныхъ.

Изъ травъ, употребляемыхъ Кирилловной, я укажу на нижеслѣдующія, большинство которыхъ я уже видѣлъ съ цвѣтами, хотя засохшими, но легко распознаваемыми, а нѣсколько видовъ опредѣлено мной по описанію или по общепринятому названію, напр. калина, бузина, липа, сирень и пр.

1. *Чернобилъ.* Artemisia vulgaris L.—купаютъ дѣтей при *сухоткѣ* [1]).

---

[1]) Названія болѣзней употребляемъ тѣ, какія живутъ въ народѣ и являются терминами у Кирилловны.

2. *Коровякъ*—verbascum thapsus L. и verbascum thapsiforme Schrad.—при опухоли живота листья растираютъ и дѣлаютъ припарки, а также даютъ внутрь въ формѣ чая (infusum).

3. *Билокопытникъ билокопытъ*—трава, мать-мачуха—Tussilago farfara L. вмѣстѣ съ деревіемъ и кермыкомъ употребляется при женскихъ болѣзняхъ, причемъ сборъ завариваютъ въ формѣ чая и принимаютъ внутрь. Средство, испытанное Кирилловной и усердно ею рекомендуемое.

4. *Бодяга*—Spongia fluviatilis [1]), употребляется отъ ушибовъ, синяковъ, кровоподтековъ въ формѣ компрессовъ изъ настоя ея на водкѣ; при сильной простудѣ берутъ на 5 коп. (въ аптекѣ) бодяги, водки и деревяннаго масла и пьютъ въ нѣсколько пріемовъ, а также растираются этой смѣсью.

5. *Ирный корень.* Acorus calamus L., употребляется вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ (см. № 37) отъ кровотеченія—заваривають поровну и пьютъ.

6. *Кукульванное сѣмя.* Cocculus suberosus (только въ аптекѣ). Сѣмя толчется въ мелкій порошокъ и смѣшивается съ масломъ или оливой, и эту смѣсь втираютъ отъ вшей.

7. *Шалфей*, но не Salvia officinalis L., а мелкое мохнатое растеніе, не похожее на шалфей, латинскаго названія котораго я не могъ опредѣлить; употребляютъ его противъ кашля.

8. *Чемерыця,* Helleborus niger L. Замѣчено свойство чемерыци—если разсыпать въ сѣняхъ чемерыцу, то куры дохнутъ, что и практикуютъ обыкновенно жительницы предмѣстья, когда разсердятся другъ на друга: разсыплютъ на ночь чемеричной травы въ томъ мѣстѣ, гдѣ куры спятъ—на утро всѣ они подохнутъ.

Въ Малороссіи очень употребительное растеніе и излюбленное знахарями.

9. *Горчакъ трава.* Polygonum hydropiper L. Одна изъ самыхъ употребительныхъ травъ, примѣняемая Кирилловной при геморроѣ въ формѣ чая.

10. *Ромашка.* Matricaria chamomilla L. Заваривается въ формѣ чая при кашлѣ.

---

[1]) Принадлежитъ къ животному, а не растительному царству.

11. *Чернушка.* Nigella arvensis L. примѣняется Кирилловной съ успѣхомъ при сердцебіеніи; она хвалитъ его очень, какъ единственное средство, дѣйствующее подавляюще на сердце.

12. *Чортополохъ.* Eryngium planum L., употребляется отъ переполоха (внезапнаго испуга?) и при коликахъ въ животѣ.

13. *Материнка*—Душыця. Origanum vulgare—совѣтуется „отъ грудей" при кашлѣ, при простудѣ и какъ дѣтская присыпка.

14. *Пыжма.* Tanacetum vulgare L. примѣняется при черной болисти.

15. *Симхлибивъ-трава* (наша фіалка) Viola odorata L, употребляется въ формѣ чая—когда животъ опалъ—болѣзнь назыв. *золотникомъ* (сущности ея не знаю—пишу со словъ).

16. *Барвинокъ* Vinca minor—„щобъ дивчата любылы хлопцивъ"—даютъ на тощахъ съ холодной водой. Это довольно неопредѣленно и, должно быть, какая-нибудь другая есть цѣль даванія этой травы, ибо при упоминаніи объ этой травѣ и говоря вышеприведенныя слова, Кирилловна всегда хитро улыбалась.

17. *Буркунъ билый* Melilotus alba Desr. Самое лучшее средство, какое знала Кирилловна, для проявленія молока у роженицы, когда оно долго не появляется. На отелившуюся корову она производитъ такое же дѣйствіе.

18. *Буркунъ жовтый. Melilotus officinalis* Desr, дается исключительно мущинамъ, но при какихъ обстоятельствахъ—Кирилловна не сообщила.

19. *Сокыркы* Delphinium consolida L., излюбленное средство Кирилловны и особенно усердно ею хвалимое при нѣкоторыхъ женскихъ болѣзняхъ.

20. *Сонъ трава* Anemone pratensis L.; спеціальнаго назначенія ея Кирилловна не хотѣла мнѣ сообщить и отговаривалась тѣмъ, что самое названіе показываетъ, на что растеніе употребляется. Въ той мѣстности оно не водится и Кирилловна убѣдительно просила меня выслать ей это растеніе.

21. *Иванъ да Марья*—Viola tricolor L. „пьють видъ боли у животи, колы чоловикъ пидирветця".

22. *Череда* Bidens tripartita L. et B. примѣняется съ пользою отъ золотухи въ формѣ чая.

23. *Розмарынъ* Rosmarinus officinalis при задержаніи очищеній.

24. *Девясилъ* Inula helenium L. употребляются корни [1]) въ видѣ настойки при простудныхъ болѣзняхъ.

25. *Вовче лыко* Daphne mezereum L. „видъ вовчого лышая". Обыкновенно употребляется кора.

26. *Veronica Epicata L.* и *Veronica officinalis*—украинскихъ названій Кирилловна не знала. Оба эти вида вероники употребляются при укушеніи змѣй.

27. *Медвижже ухо* Arcto staphylos, Uva ursi Spr. употребляются листья—ихъ толкутъ и прикладываютъ къ ранамъ.

28. *Звиробой* Hypericum perforatum L. „видъ грудей" и при геморроѣ въ формѣ настойки на водкѣ (tinctura) и вытяжки—въ родѣ чая (infusum).

29. *Сиринь трава, бузокъ—азовскій цвитъ*, Syringa vulgaris—отъ лихорадки.

30. *Щавелевый корень*, Rumex acetosa L. употребляется въ формѣ чая при простудныхъ болѣзняхъ.

31. *Щавель*, Rumex acetosella L.—отъ рѣзи въ желудкѣ. при поносѣ, иногда вмѣстѣ съ хрѣномъ.

32. *Болыголовъ*, Conium maculatum L. при головпой боли мочатъ настоемъ этой травы.

33. *Калачыки, просвирки*, Malva rotundifolia L. вмѣстѣ съ спорышомъ употребляется на ванны, дѣлаемыя при простудѣ.

34. *Сосенка* (хвощ.) Eguiletum arvense L. употребляется. какъ слабительное.

35. *Ризакъ трава* Critamus agrestis Besser. При рѣзи желудка и при поносѣ, причемъ, по увѣренію Кирилловны, рѣзь черезъ короткое время послѣ пріема прекращается, пьютъ въ формѣ чая. Въ ботаникѣ гораздо чаще называютъ *Falcaria vulgaris.*

---

[1]) Тамъ, гдѣ я не упоминаю, какая часть растенія употребляется, означаетъ. что всѣ части идутъ въ дѣло.

36. *Петровъ батигъ*, Cichorium intybus L. вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ, петрушкой и сіонской травой (неизвѣстной мнѣ) самое лучшее средство при *перелотѣ*.

37. *Лопуховый корень*. Lappa major Gärtn. et Lappa minor D. C.—Корень варятъ и моютъ голову при перхоти или когда волосы лѣзутъ.

38. *Березка*—косоплетъ-трава Consolvulus arvensis L.—очень хвалится при грудныхъ боляхъ въ формѣ чая.

39. *Кропивный корень*. Urtica dioica L. et Urtica urens L. примѣняется для *остановки крови* и при грудной боли.

40. *Триколъ - трава* — трилистникъ Menyanthes trifoliata L.— въ формѣ чая при лихорадкѣ.

41. *Толстушка*. Ledum acre L. купаютъ дѣтей въ отварѣ отъ *сухотки* [1]).

42. *Перій*. Triticum repens L. Въ немъ купаютъ дѣтей (преимущественно дѣвушекъ) „щобъ хлопци любили“ а мальчиковъ, „щобъ не цуралысь“.

43. *Helichrisum arenarium* D. C. Даютъ отъ желтухи—пить въ формѣ чая.

44. *Желизнякъ-кустовныкъ*—кажется, Leonurus Marrubiastrum L.—но навѣрно не утверждаю. Одна изъ самыхъ употребительнѣйшихъ травъ Кирилловны и заготовляется ее очень много. Употребляется въ формѣ чая отъ кашля.

45. *Крушина*—Rhamnus frangula L. слабительное. Обыкновенно употребляютъ кору этого дерева и завариваютъ щепотку на чайникъ.

46. *Жостеръ* Rhamnus cathartica L. тоже слабительное. Употребляютъ ягоды.

47. *Остудъ трава* (похожа на Silene otites Smit, но не она)—отъ остуда.

48. *Чистякъ*—латинскаго названія тоже не знаю—вмѣстѣ съ остудомъ противъ болѣзни *остудъ*

---

[1]) Примѣненіе, очевидно, основано на морфологическихъ признакахъ—листья растенія *толстые*, сочные. Отсюда и дѣти должны „*потолстѣть*“.

49. *Ландышъ.* Convalaria mojalis L. Сварить вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ и билокопытникомъ въ горшкѣ и употреблять отъ ревматизма, какъ внутрь, такъ и наружу.

50. *Цыбуля.* Allium Cepa L. Взять луковицу и мелко накрошить и пересыпать солью и этимъ натирать, а потомъ полоскать ротъ настоемъ дубовой коры съ галуномъ (квасцы) при болѣзни зубовъ, хотя для зубовъ есть спеціальная зубная трава, названія не знаю.

51. *Вовчець-трава* — Centaurea benedicta. Употребляется отъ запоя.

52. *Вышневый листъ*—Prunus cerasus употребляется при ожогѣ: обожженное мѣсто намазываютъ масломъ и посыпаютъ толченымъ вишневымъ листомъ.

53. *Раковы шыйки* Polygonum bistorta L. примѣняется въ формѣ чая при поносѣ. Употребляется корень [1])

54. *Centaurea jacea L.*—„трава видъ бишенои собаки"—„якъ укусе васъ, то прикладать іи до укушенного мисця и пыть потроху, запарывшы горячою водою".

55. *Погана трава* Chelidonium majus L. купать въ ней при коростѣ и принимать отъ „*поганои болисти*".

56. *Тминъ* Carum carvi L. отъ жовтухы.—Пить въ формѣ чая.

57. *Рипій-порыло.*—Agrimonia eupatoria L. *при женскихъ болѣзняхъ*; употребляется въ формѣ чая.

58. *Полынь.* Artemisia absinthium L. при лихорадкѣ и *при вѣтрахъ.*

59. *Липа.* Tilia parvifolia Ehrh. при лихорадкѣ, простудѣ въ формѣ чая; гонитъ потъ.

60. *Калына,* Viburnum opulus L. въ формѣ чая, отъ золотухи.

61. *Пидбилъ трава—деревій.* Achilla millefolium L. употребляется отъ „татаръ желудку" и при изжогахъ.

62. *Глистникъ, глистовникъ.* Bryonia dioica Jacq. Съ успѣхомъ примѣняется какъ глистогонное средство.

---

[1]) Корень этотъ недавно опубликованъ священникомъ Красновскимъ, какъ средство отъ водобоязни—корень кладется за щеку и жуется. Скоту по горсти черезъ 3 дня, примѣшивая къ сѣчкѣ.

63. *Стоюнъ-трава* (кажется Valeriana officinalis L. и у Анненкова въ ботаническомъ словарѣ подъ этимъ русскимъ названіемъ помѣщено только это растеніе) употребляется какъ remedium afrodisiacum.

64. *Пятырынка*—видъ Potentilla reptans L. и P. recta L. при боляхъ въ животѣ.

65. *Солодкій корень*. Glycyrrhiza glabraL. пьютъ отъ кашля.

66. *Кульбаба трава.* Taraxacum officinale L. отъ лихорадки.

67. *Зажырныстъ трава.* Oxalis acetocella L. et oxalis stricta L. „якъ у нутри болыть — пыть тую травычку — дуже пользуеть".

68. *Горыцвитъ*—подъ этимъ названіемъ у ней два растенія—одно есть видъ Linaria, а другой видъ Adonis—оба эти растенія примѣнялись Кирилловной для какой-то тайной цѣли:—давая эти травы, можно какого угодно парня причаровать.

69. *Дмуханычка* (названія самъ не знаю) употребляется *при женскихъ болѣзняхъ.*

70. *Плакунъ трава* или *татаръ трава* или *Непромокай*—эта трава, принятая внутрь, производитъ слабительное дѣйствіе.

71. *Гострилъ трава* вмѣстѣ съ плакуномъ, съ чертополохомъ и перелетомъ употребляется при *переполохѣ* (отъ сильнаго испуга).

72. *Солончакъ* или *семибратня трава* употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ; обыкновенно ее крѣпко заваривают и кладутъ въ видѣ *припарки на пупъ.*

73. *Осотъ колючый*—отъ геморроя.

74. *Кошача мята* „видъ зубивъ".

75. *Папороть* и *папоротникъ*—это по мнѣнію Кирилловны два различные вида, цвѣты отъ которыхъ примѣняются отъ всякой болѣзни, если они сорваны легко и непремѣнно въ ночь подъ Ивана Купала.

76. *Спорышъ* употребляется, какъ и горчакъ отъ гемороя.

77. *Лотошный корень* или *водяной* (болотный) *макъ* (одинъ цвѣтокъ билый, другій жовтый, листья какъ у тыквы). Корень этого растенія вмѣстѣ съ лопуховымъ употребляется для укрѣпленія волосъ и отъ перхоти.

78. *Степова петрушка*—одно изъ самыхъ употребительныхъ растеній, примѣняемыхъ Кирилловною *какъ мочегонное.*

79. *Воронокъ трава—мочегонъ трава* тоже очень употребительная трава, какъ мочегонное средство.

80. *Живокость*—употребляется корень; онъ желтаго цвѣта, а полежавши на воздухѣ, чернѣетъ (цвѣты похожи на колокольчикъ); отъ простуды и ломоты.

81. *Ясень.* Fraxinus excelsior--отъ лихорадки, при ревматизмѣ.

82. *Буквица*—отъ простуды.

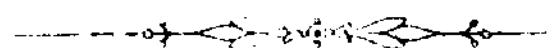
83. *Разводъ трава* (синіе цвѣты, круглые листья) даютъ пить тому изъ супруговъ, отъ котораго хотятъ добиться, чтобы онъ бросилъ (развелся).

84. *Лыпъ трава—сорокины ныткы*—„щобъ дивчата хлопцивъ любылы и до ныхъ лыплы."

85. *Кермыкъ* см. № 3. *86 Дубова кора*, кромѣ примѣненія въ № 50 еще при ножныхъ потахъ—мыть ноги настоемъ.

Многія вышепоименованныя растенія весьма оригинально примѣняются Кирилловной и по этому представляютъ наибольшій интересъ; нѣкоторыя имѣютъ примѣненіе такое же, какъ и въ медицинѣ, другія же встрѣчаются въ другихъ извѣстныхъ (опубликованныхъ) источникахъ, какъ напр. въ интересующемъ насъ въ данный моментъ больше всего сочиненіи Гарницкаго „Замѣтки объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дикорастущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры" Харьковъ 87 г. Я старался вездѣ, гдѣ могъ, выставить латинскія названія, ибо это точно опредѣляетъ растенія, а по народнымъ названіямъ очень трудно узнать интересующее насъ растеніе: каждое мѣсто—село, деревня, уѣздъ и пр. даетъ одному и тому же растенію различное названіе.

В. В. Марковичъ.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Мы вступили въ Подолію и направились къ австрійской границѣ. Черезъ три дня мы пришли къ какой-то деревушкѣ, названіе которой я забылъ, помню только, что она принадлежала Ярошинскимъ. Мы расположились вблизи деревни. Какой-то почтенный старецъ-экономъ, два сына и зять котораго были въ повстаньѣ, выѣхали къ намъ навстрѣчу и сообщили какія то новости начальнику. Ружицкій приказалъ мнѣ взять шесть козаковъ изъ моего взвода и слѣдовать за нимъ, а остальному войску разставить часовыхъ и пустить лошадей на пастьбу. Приказано было также послать за горячей пищей для отряда, приготовленной экономомъ. Ружицкій, я, экономъ, и шесть козаковъ, обвязавъ палаши сѣномъ, а копыта лошадей войлокомъ, проѣхали черезъ деревню и выѣхали въ поле; намъ было приказано соблюдать величайшую тишину. Проѣхавъ верстъ 5, мы остановились надъ оврагомъ. Экономъ указалъ начальнику рукой на множество огоньковъ, разсѣянныхъ по долинѣ и по пригорку. Мы простояли съ четверть часа въ молчаніи. Начальникъ съ экономомъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и тоже молчали. Царила глубокая тишина, изрѣдка прерываемая криками водяныхъ птицъ, трещаньемъ коростелей и перекликаньемъ перепеловъ. Потомъ мы также тихо возвратились

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 11.

обратно. Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, начальникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты видѣлъ, что въ долинѣ расположился лагеремъ генералъ Щуцкій съ батальономъ пѣхоты, настолько увѣренный въ отсутствіи по близости повстанцевъ, что отрядъ спитъ безъ часовыхъ, какъ будто въ мирное время. Мы могли бы взять его въ плѣнъ цѣликомъ, но что изъ этого выйдетъ? Намъ надо соединиться съ войскомъ Колыска, которое расположено на противоположныхъ высотахъ, утонуть въ этомъ войскѣ и раздѣлить его судьбу. Что ты объ этомъ думаешь?

Я началъ уговаривать Ружицкаго не нападать на отрядъ Щуцкаго и не присоединяться къ войску Колыска, утверждая, что мы пропадемъ среди господствующаго тамъ безпорядка и вынуждены будемъ вмѣстѣ съ ними со стыдомъ бѣжать въ Галицію. Я совѣтовалъ возвратиться въ наши лѣса и, если тамъ нельзя будетъ удержаться, отступить въ Польшу. Если намъ суждено погибнуть, то мы должны погибнуть со славой, сохранивъ доброе имя. Я былъ въ этотъ моментъ очень краснорѣчивъ, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Ружицкій, и увлекъ его силой своего вдохновенія. Онъ размышлялъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ:

— Будутъ кричать, и пусть кричатъ! Мы отступимъ въ лѣса и Польшу. Когда мы возвратились къ войску, Бернатовичъ и Езерскій уже знали о ген. Щуцкомъ и о близости Колыска, и вѣсть эта скоро разнеслась между нашими офицерами. Было много сторонниковъ соединенія съ Колыскомъ, но когда спросили объ этомъ Мих. Грудзинскаго, считавшагося послѣ начальника самымъ дѣльнымъ офицеромъ, онъ сказалъ.

— Для меня, господа, не существуетъ ни личныхъ желаній, ни воли, а только приказъ начальника; молчаніе и послушаніе—наша обязанность, и если мы станемъ подавать свои мнѣнія и совѣты, то погибнемъ, какъ и тѣ, а что они погибнутъ, въ этомъ я увѣренъ.

Послѣ этого разговора никто изъ офицеровъ не смѣлъ высказывать начальнику своего мнѣнія, не будучи спрошенъ. Бернатовичъ, который хотя и былъ офицеромъ въ нашемъ отря-

дѣ, но все еще считался делегатомъ украинско-подольскихъ повстанцевъ, пошелъ къ Ружицкому и долго доказывалъ ему необходимость соединенія. Начальникъ слушалъ молча и усмѣхаясь по обыкновенію, но когда Бернатовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ на начальника и весь нашъ отрядъ падетъ упрекъ въ нежеланіи подать помощь братьямъ и въ трусости, кроткій Ружицкій вдругъ покраснѣлъ, разсердился и проговорилъ:

— Идите вонъ!

Въ первый и послѣдній разъ слышали мы такія слова изъ устъ начальника. Затѣмъ онъ приказалъ садиться на коней и еще до разсвѣта мы покинули свою стоянку и направились къ роднымъ мѣстамъ. Бернатовичъ остался съ нами и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда. Езерскій пропалъ въ ту же ночь, онъ былъ слабаго здоровья и вовсе не годился для военной службы; вѣроятно, онъ возвратился домой, такъ какъ о немъ я болѣе ничего не слышалъ.

Едва мы дошли до Мирополя, какъ получили извѣстіе о пораженіи Колыска подъ Майданскомъ и объ отступленіи остатковъ его войска въ Галицію, за австрійскую границу. Вацлавъ Ржевускій, который не интриговалъ, а сражался, какъ подобало польскому шляхтичу, палъ на полѣ битвы на глазахъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Но за нимъ не хотѣли признать славной смерти и разсказывали, будто онъ бѣжалъ, былъ схваченъ крестьянами и забитъ до смерти кіями. Смѣло утверждаю, что этого не было; тѣ, которые помѣшали ему сдѣлаться вождемъ, запятнали его память, чтобы казаться непогрѣшимыми.

Въ нѣсколько недѣль со времени ухода нашего въ повстанье положеніе дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ измѣнилось. Генералъ Раттъ, дѣятельный, неутомимый и притомъ одаренный недюжинными военными талантами, безъ шуму и преслѣдованій очищалъ край отъ повстанцевъ и возстановлялъ прежніе порядки. Въ Подоліи и на Украинѣ было много арестовъ, слѣдствій и судовъ, но не было ни нападеній крестьянъ, ни грабежей, ни рѣзни по подговорамъ властей, какъ это было спустя нѣсколько лѣтъ въ Галиціи.

Въ бердичевскомъ уѣздѣ вездѣ были расположены отряды войскъ. Большая часть помѣщиковъ, которые были арестованы по распоряженію властей или по собственной просьбѣ, возвратились домой, утѣшая себя извѣстіями о неудачѣ возстанія, гордясь своимъ умомъ и прикидываясь патріотами, но только говоря: „Мы ждемъ болѣе удобнаго времени!"

Ружицкій, сознавая невозможность веденія партизанской войны ни въ бердичевскомъ уѣздѣ, ни въ чудновскихъ лѣсахъ, рѣшился скрыть часть кассы въ надежномъ мѣстѣ; съ этимъ порученіемъ были посланы Будзинскій и старшій Фалинскій въ Брагаловъ, гдѣ деньги и были сданы на попеченіе пани Піотровской. Оттуда они привезли вѣсть, что возстаніе вспыхнуло въ овруцкомъ и радомысльскомъ уѣздахъ и что русскія войска выступили изъ Житомира и Кіева для усмиренія повстанцевъ. Объ этихъ вспышкахъ не было еще подробныхъ свѣдѣній, но Будзинскій и Фалинскій сообщили намъ, что тѣ помѣщики, которые уклонялись отъ возстанія, требовали отъ правительства военныхъ отрядовъ для охраненія ихъ личностей и имущества, подъ предлогомъ возбужденія среди крестьянъ, на вѣрность которыхъ правительство будто бы не можетъ полагаться въ виду ихъ благопріятнаго отношенія къ возставшимъ. Между прочими, и владѣлецъ Мирополя гр. Растворовскій, слыша о нашемъ приближеніи, просилъ о присылкѣ сильнаго отряда, чтобы преградить намъ путь и захватить насъ. Все это было сообщено разсказчику въ Брагаловѣ, какъ фактъ вполнѣ достовѣрный.

Эти вѣсти были получены нами, когда мы подходили къ Мирополю. Будзинскій, отдавая начальнику отчетъ объ исполненномъ порученіи, упомянулъ и о дѣйствіяхъ Растворовскаго. Возбужденные этимъ слухомъ Польховскій, Вылеринскій и Шашкевичъ хотѣли немедленно отправиться и сурово наказать Ростворовскаго за неблагородство и отсутствіе патріотизма, но Ружицкій не позволилъ имъ этого. Все необходимое для войска было взято съ панскаго двора, но за все немедленно было уплочено; въ этомъ и состояла вся наша месть трусливому шляхтичу или плохому патріоту.

Ружицкій, зная, что войска двигаются сюда и что непріятелю извѣстны наши движенія, измѣнилъ направленіе пути, и мы пошли прямо на Краснополь, имѣніе Оскерокъ, литвиновъ, издавна поселившихся на Волыни.

Оба Оскерки, люди рослые и здоровые, были въ числѣ тѣхъ, которые принадлежали къ бердичевскому возстанію, принесли присягу, но не явились въ условленное время на сборный пунктъ. Мы застали ихъ обоихъ дома, у нихъ же застали и Казимира Жулкевскаго. Оскерки, стоя на колѣняхъ, распѣвали псалмы Давида, а Жулкевскій былъ боленъ чирьями. Братья со стонами и слезами заявляли намъ, что не имѣютъ никакого призванія къ военному дѣлу, что они пойдутъ въ ксендзы и будутъ молиться Богу за Польшу, но сражаться не могутъ. Мать ихъ, возбужденная патріотическимъ негодованіемъ, проклинала ихъ, говоря:

— Если бы вашъ отецъ воскресъ, онъ умеръ бы вторично отъ стыда и отчаянія, видя такихъ сыновей.

Жулкевскій жаловался на чирьи, хромая на обѣ ноги и не находя удобнаго положенія. Это была и грустная, и смѣшная сцена. Скоро мы должны были оставить ихъ, такъ какъ получили извѣстіе о приближеніи къ Краснополю русскихъ войскъ, вызванныхъ гр. Растворовскимъ.

Положеніе наше было таково: между Краснополемъ и Молочками, на разстояніи 5 верстъ, шла широкая дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсаженная деревьями; справа и слѣва отъ нея тянулись вспаханныя поля, окаймленныя болотами, тянувшимися отъ Краснополя до Молочекъ; дорога представляла родъ острова, съ котораго можно было выйти только въ одной изъ названныхъ деревень, гдѣ были плотины и мосты.

Едва мы прошли съ версту отъ Мирополя, какъ одинъ изъ нашихъ шпіоновъ далъ знать, что въ Молочкахъ находятся русскія войска. Мы очутились въ западнѣ между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ полу-батальона пѣхоты и взвода уральскихъ козаковъ. Это былъ батальонъ, вызванный Ростворовскимъ, раздѣленный пополамъ съ

цѣлью пресѣчь намъ дорогу. Ружицкій выстроилъ нашъ отрядъ, и мы двинулись къ Молочкамъ. Командиръ русскаго батальона, находившійся въ Молочкахъ, вывелъ свою пѣхоту впередъ къ мостику, переброшенному черезъ неширокій ровъ, велѣлъ сломать этотъ мостикъ и выстроилъ отрядъ въ карре за рвомъ. За 300 шаговъ до рва насъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ; пули засвистѣли вокругъ насъ: мы пошли рысью. Пройдя шаговъ 150, мы перешли въ галопъ и затѣмъ, опустивъ пики, понеслись на непріятеля. Передъ самымъ рвомъ, существованія котораго мы и не подозрѣвали, мой конь былъ раненъ пулею въ шею, всталъ на дыбы и однимъ скачкомъ перепрыгнулъ черезъ канаву, мои козаки послѣдовали за мной. У меня потемнѣло въ глазахъ; я рубилъ направо и налѣво; три раза меня вытѣсняли изъ карре и три раза я врѣзывался снова. Скоро русскій отрядъ былъ смятъ; командовавшій имъ маіоръ убитъ. Битва была упорная. Изъ 285 русскихъ только одинъ подпоручикъ и трое рядовыхъ не были ранены; изъ моего взвода раненыхъ было 19 человѣкъ. Отрядъ, находившійся въ Краснополѣ, не пришелъ на помощь своимъ, а отступилъ, взявъ съ собой братьевъ Оскерокъ и Жулкевскаго. Грудзинскій занялъ Краснополь и тамъ ему сообщили, что Жулкевскій совершенно излѣчился отъ своихъ чирьевъ.

Мы вошли въ Молочки, гдѣ громада приготовила намъ всякаго рода ѣду, а еврей-шинкарь выставилъ всѣ напитки, какіе только были въ корчмѣ, и униженно просилъ, чтобы мы пили.

Мы перешли Случь въ Барановкѣ, а въ Правотынѣ узнали о разгромѣ овручскаго повстанья и о рѣшительномъ пораженіи подъ Бѣлосорокой радомысльскихъ повстанцевъ. Мы не могли узнать подробностей объ этихъ несчастьяхъ, слышали только, что русскія войска расположены значительными отрядами надъ Случью до Новоградъ-Волынска, гдѣ была главная квартира дивизіи ген. Сулимы. Мы удалились отъ рѣки и, перейдя почтовый трактъ между Дѣдовицами и Корцемъ, двинулись прямо на Межиричъ-Корецкій, гдѣ было мѣстопребываніе маршалка Іосифа Стецкаго и гимназія о. о. піаровъ.

Мой прежній наставникъ ксендзъ Бенчковскій былъ тогда ректоромъ гимназіи. Насъ приняли тамъ очень сердечно; всѣ ученики хотѣли присоединиться къ повстанцамъ; пришлось употребить силу и запереть мальчиковъ въ монастырѣ; старшимъ дано было позволеніе записываться въ повстанцы, и нашъ отрядъ увеличился молодыми людьми, которыхъ снабдилъ вооруженіемъ ксендзъ Бенчковскій; лошадей для нихъ тотъ же Бенчковскій промыслилъ изъ конюшенъ кн. Любомірской.

Маршалокъ Стецкій лежалъ на смертномъ одрѣ, но когда ему сказали о приходѣ повстанцевъ и о томъ, что я нахожусь въ числѣ ихъ, онъ пожелалъ меня видѣть, такъ какъ я былъ ученикомъ любимой имъ гимназіи. Мы съ Омецинскимъ отправились къ больному. Стецкій плакалъ, обнимая меня, и дрожащимъ голосомъ разспрашивалъ о повстаніи, о нашемъ прибытіи, о сраженіяхъ. Слушая наши разсказы, онъ оживился. На своей постели, съ сѣдыми волосами, съ типичнымъ польскимъ лицомъ, онъ напомнилъ мнѣ изображеніе гетмана Ходкевича, отдающаго свою булаву Любомірскому. Когда въ комнату вошелъ Ружицкій, маршалокъ закричалъ:

— Моего сиваго коня для пана начальника!

На этомъ конѣ Стецкій ѣздилъ 12 лѣтъ и такъ любилъ его, что жена, шутя, говорила:

— Не знаю, о комъ больше печалился бы Іосифъ—обо мнѣ или о своемъ сивомъ, а вѣдь онъ меня любитъ—столько лѣтъ прожили вмѣстѣ.

Сиваго ввели въ комнату и подвели къ постели. Стецкій погладилъ его и сказалъ:

— Вотъ тебѣ новый господинъ! Неси его на враговъ Польши!

Затѣмъ отдалъ приказъ надворнымъ козакамъ и музыкантамъ садиться на коней.

Музыканты Стецкаго были настоящіе артисты, большею частью нѣмцы—между ними былъ только одинъ полякъ Мохницкій. По приказанію маршалка они сѣли на коней, но скоро потомъ возвратились, съ нами осталось только двое—Мехницкій и молодой Нудера, добрый солдатъ, хотя нѣмецъ по имени и происхожденію.

Такимъ образомъ въ Межиричѣ нашъ отрядъ увеличился до 300 человѣкъ, и былъ укомплектованъ 3-й эскадронъ, поступившій подъ команду Тадеуша Пржиборовскаго; въ этотъ эскадронъ вошли межирицкіе студенты, шляхта и козаки Стецкаго.

Мы прошли предъ окнами Стецкаго; больной, поддерживаемый докторомъ и дворецкимъ, приподнялся съ постели и благословилъ насъ. Чрезъ три дня онъ скончался.

За нами шли возы съ оружіемъ, захваченнымъ подъ Молочками; этимъ оружіемъ мы хотѣли снабдить овручскихъ повстанцевъ, такъ какъ Ружицкій все еще имѣлъ намѣреніе проникнуть въ овручскій повѣтъ. Извѣстія, полученныя нами въ Правотынѣ, заставили насъ удалиться отъ береговъ Случи, но теперь мы снова приблизились къ рѣкѣ. Мы подходили къ деревнѣ Тышицѣ, лежащей надъ Случью. Деревня была разбросана на большомъ протяженіи, и еще въ Межиричѣ шпіоны донесли, что по дорогѣ отъ Новоградъ-Волынска къ Корцу показался какой то русскій кавалерійскій отрядъ, но мы не думали, чтобы этотъ отрядъ могъ такъ скоро догнать насъ, и начальникъ спѣшилъ достигнуть лѣса, до котораго оставалось не болѣе 2 верстъ. Въ это время Доморадскій прибѣжалъ съ аріергардомъ и донесъ о нападеніи на обозъ сильнаго русскаго отряда, которому онъ не могъ оказать сопротивленія. Начальникъ приказалъ пройти чрезъ деревню па рысяхъ. За деревней справа была Случь, огибавшая лугъ, заросшій мѣстами лозой, слѣва огромное болото, тянувшееся до самаго лѣса. Тысячахъ въ двухъ шаговъ отъ деревни былъ мостикъ черезъ ручей, протекавшій по болоту и впадавшій въ Случь. За мостикомъ по обѣ стороны были вспаханыя поля, а въ полуверстѣ отъ него начинался лѣсъ. Пройдя мостикъ, мы выстроились и стали ждать непріятеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ 2 эскадроновъ конныхъ егерей подъ командой подполковника Петерса. Егеря прошли чрезъ деревню, перешли мостикъ, построились и открыли огонь по нашему отряду, причинившій, врочемъ, мало вреда. Ружицкій скомандовалъ намъ идти въ атаку. Егеря были разбиты, и мы снова овладѣли нашимъ обозомъ.

Къ ночи мы пришли въ Кашовку, гдѣ застали помѣщиковъ ровенскаго уѣзда, съѣхавшихся туда съ женами и дѣтьми. Между дамами были и красавицы. Вечеръ мы провели, танцуя мазурку и вальсъ. Это была истинно рыцарская награда за наши труды. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ; поднимались различные тосты, преимущественно за прекрасный полъ; оживленнѣе всѣхъ прошелъ тостъ въ честь панны Анели Пенковской, о храбрости и патріотизмѣ которой много разсказывали намъ участники повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ. Она все время находилась въ обозѣ радомысльскихъ повстанцевъ, собравшихся подъ начальствомъ своего маршалка Онуфрія Голецкаго. Поднялся у нихъ вопросъ объ установленіи сообщенія съ обозомъ овручскихъ повстанцевъ, бывшихъ подъ командой маршалка Вильгельма Головинскаго. Нѣсколько человѣкъ, посланныхъ съ этою цѣлью, было захвачено донцами, занимавшими границу между двумя уѣздами. Панна Анеля вызвалась добраться до овручскаго обоза. Одѣтая въ амазонку, на добромъ конѣ, въ сопровожденіи одного конюха, она успѣла обмануть бдительность донцовъ и по лѣсамъ и полямъ доѣхала до лагеря Головинскаго въ тотъ моментъ, когда тамъ началось сраженіе съ русскими. Головинскій сообщилъ ей, что, если ему удастся прорваться сквозь ряды русскихъ, онъ направится къ Бѣлосорокѣ для соединенія съ радомысльскими повстанцами, и просилъ Голецкаго спѣшить къ тому же пункту. На возвратномъ пути прекрасная амазонка подверглась нападенію со стороны донцовъ, ея конюхъ былъ убитъ, а сама она, застрѣливъ двухъ козаковъ, избѣжала погони и прибыла въ лагерь Голецкаго, гдѣ, отдавъ отчетъ въ исполненіи порученія, заболѣла горячкой; ее отвезли къ матери, и она скоро скончалась. Отъ тѣхъ же бѣглецовъ мы узнали, что совѣтъ начальниковъ овручскаго повстанья, въ отвѣтъ на извѣстныя слова диктатора Хлопицкаго, постановилъ слѣдующее: если Варшава не хочетъ быть столицей Польши, Литвы и Руси, то пусть Овручъ будетъ Варшавой; и тотчасъ выслалъ свое войско противъ многочисленнаго русскаго отряда, не дождавшись аммуниціи, о которой хлопоталъ Головинскій и въ которой ему было отказано.

XII.

Дубровица.—Графъ Плятеръ.—Владиміръ.—Стан. Ворцель.—Походъ на Ковель.—Поворотъ на Шуцкія озера.—Любомль.—Ксаверій Браницкій.—Переходъ черезъ Бугъ.—Ночное нападеніе подъ Ухановомъ.—Прибытіе въ Замостье.—Ген. Хржановскій.—Посольство къ Томашеву.—Приказы ген. Скржинецкаго.—Возвращеніе въ Замостье.- Пиръ.—Ген. Крысинскій.

Извѣстія о подавленіи повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ заставили Ружицкаго измѣнить первоначальное намѣреніе идти на Березну и оттуда чрезъ лѣса къ Мозырю. Мы оставили Березну вправо и пошли на Дубровицу, имѣніе гр. Плятера, гдѣ былъ монастырь и школа ксендзовъ піаровъ.

Гр. Плятеръ, какъ и Стецкій, лежалъ при смерти, но мы были гостепріимно встрѣчены его сестрой, которая разсказала намъ о томъ, что отрядъ Нарциза Олизара разбитъ подъ Владиміромъ и разсѣянъ, но увѣряла, что большая часть составлявшихъ этотъ отрядъ повстанцевъ со Станиславомъ Ворцелемъ во главѣ скрывается въ лѣсахъ. Пораженіе это объяснили тѣмъ, что командиры были приглашены, по случаю праздника Пасхи, къ сосѣднему помѣщику, а въ лагерь привезено было много яствъ и питій. Повстанцы пировали, а въ это время на нихъ внезапно напали эскадронъ конныхъ егерей и сотня донцовъ; убитыхъ было мало, но много полу-пьяныхъ было взято въ плѣнъ, а командиры ушли въ лѣса и заграницу, въ Галицію; нѣкоторые успѣли бѣжать въ Царство польское, только одинъ Феликсъ Тржецякъ съ отрядомъ въ 40 человѣкъ пробился въ Галицію и оттуда, оставивъ австрійцамъ оружіе и лошадей, съ пѣшими людьми перешелъ въ царство польское.

Изъ Дубровицы мы двинулись къ Рафаловкѣ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о разсѣянныхъ повстанцахъ. Въ Рафаловкѣ роскошный палацъ Олизара былъ пустъ. Сюда явилось нѣсколько сосѣднихъ землевладѣльцевъ, не съ цѣлью присоединиться къ намъ, а съ жалобами на засѣдателя Каминскаго за настойчивое выполненіе имъ своихъ обязанностей, и, къ несчастью, самъ бѣдный засѣдатель былъ захваченъ нашими козаками, посланными на фуражировку. Отъ этихъ помѣщиковъ мы узнали на-

вѣрное, что Ворцель и его товаращи скрываются въ ковельскихъ лѣсахъ около Владиміра и что въ ихъ бандахъ числится около 500 человѣкъ.

Еще изъ Дубровицы Будзинскій и Топчевскій были посланы взять сукно, заготовленное для уланской дивизіи, и дали квитанцію въ томъ, что забрали сукно по распоряженію полковника Ружицкаго, командира авангарда корпуса ген. Дверницкаго. Эта квитанція была послана управителемъ гр. Плятера властямъ въ Кіевъ и была получена тамъ одновременно съ донесеніемъ подполковника Петерса о томъ, что онъ столкнулся съ 10-тысячнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ составѣ котораго были войска во французскихъ мундирахъ. За французскіе мундиры были приняты фантастическіе костюмы учениковъ межирицкой школы. Тогда былъ отданъ приказъ 3-й гусарской дивизіи ген. Лашкарева пресѣчь намъ дорогу къ Бугу, а 2-й конно-егерской дивизіи ген. Слотвинскаго отрѣзать насъ отъ Галиціи и соединиться съ гусарами для совмѣстныхъ дѣйствій. При каждой дивизіи было по 12 одрудій и по отряду пѣхоты. Бердичевскіе шпіоны тотчасъ увѣдомили насъ о движеніи русскихъ войскъ и объ ихъ численности. Мы очутились въ критическомъ положеніи: отъ царства польскаго мы были отрѣзаны, броситься въ лѣса не могли, потому что пѣхота корпуса ген. Кайсарова съ нѣсколькими полками донцовъ была растянута отъ Кіева чрезъ Мозырь до Бобруйска, другіе русскіе отряды были расположены отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска; возвратиться въ Подолію и на Украину также было невозможно, потому что ген. Роттъ, разбивъ и вытѣснивъ въ Галицію повстанцевъ и успокоивъ край, двинулся съ своимъ корпусомъ къ Староконстантинову и занялъ линію Случи до Новоградъ-Волынска и по направленію къ австрійской границѣ до Почаева.

Выйдя изъ Рафаловки, мы расположась отдохнуть у какой то деревушки. Ружицкій сильно усталъ и задремалъ подъ деревомъ. Мартинъ Вылежинскій, который былъ очень вооруженъ помѣщиками противъ засѣдателя Каминскаго, сталъ просить начальника отдать въ его распоряженіе этого плохого патріота. Ружицкій, не понявъ спросонья въ чемъ дѣло сказалъ:

— Возьми его себѣ.

Мы всѣ въ это время спали. Вылежинскій, отличавшійся большою физическою силою, взялъ Каминскаго и повѣсилъ его при помощи слуги на деревѣ. Каминскій не просилъ пощады, но укорялъ повстанцевъ за этотъ поступокъ съ нимъ и грозилъ имъ Божьей карой за отложеніе отъ Россіи. Онъ умеръ съ достоинствомъ и, какъ мы узнали послѣ, до засѣдательства былъ дѣльнымъ офицеромъ русской арміи и горячимъ сторонникомъ соглашенія поляковъ съ русскими. Говорили также, что онъ былъ очень почтеннымъ человѣкомъ.

Повѣсивъ Каминскаго, Вылежинскій стоялъ подъ деревомъ. Въ это время какой то человѣкъ упалъ къ его ногамъ со словами:

— Пане! Я не виноватъ, я дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали. У насъ служба не дружба.

Вылежинскій сурово спросилъ:

— Кто ты такой?

— Я писарь пана засѣдателя, но я не виноватъ.

— Виноватъ или не виноватъ, но такому большому чиновнику, какъ твой засѣдатель нельзя обойтись на томъ свѣтѣ безъ писаря.

Съ этими словами онъ схватилъ бѣдняка и повѣсилъ на другой вѣткѣ.

Когда мы узнали объ этомъ происшествіи, то всѣ были очень возмущены, а на лицѣ Ружицкаго выразилось неудовольствіе. Объясняли этотъ поступокъ жалобами помѣщиковъ; этихъ жалобъ было, правда, много, но все же лучше было бы обойтись безъ вѣшанья, которое было единственнымъ пятномъ на бердичевскихъ повстанцахъ. Вслѣдствіе этого всѣ мы стали сторониться отъ Вылежинскаго.

Миновали мы Ковель, оставивъ его на лѣво, и къ ночи прибыли во Владиміръ. Здѣсь къ намъ присоединился Стан. Ворцель, но только одинъ,—о 500 повстанцахъ не было ни слуху, ни духу. Ружицкій, собравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, разослалъ повсюду циркуляры съ требованьемъ доставить подводы и исправить дорогу до Ковля.

На слѣдующій день мы выступили по направленію къ Ковлю, дѣлая, однако, видъ, будто бы мы, видя невозможность перехода черезъ Бугъ, двигались въ Подолію. На почтовой дорогѣ нашъ авангардъ захватилъ курьера съ бумагами отъ генер. Лашкарева къ ген. Слотвинскому, въ которыхъ Лашкаревъ увѣдомлялъ Слотвинскаго о намѣреніи авангарда войскъ Дверницкаго напасть на Ковель и о томъ, что это, вѣроятно, военная хитрость, имѣющая цѣлью облегчить соединеніе этого войска съ войскомъ, находящимся въ мозырскихъ лѣсахъ, гдѣ уже происходили сраженія повстанцевъ съ корпусомъ Кайсарова, и потому онъ, Лашкаревъ, спѣшитъ зайти съ первой бригадой—полками ахтырскимъ и александрійскимъ—намъ въ тылъ, а маріупольскій и оранскій полки оставляетъ надъ Бугомъ между Шацкими озерами. Курьеръ, родомъ литвинъ, сообщилъ, что кромѣ него Лашкаревымъ послано еще два курьера съ такими же депешами, что самъ Лашкаревъ не поспѣетъ къ Ковлю раньше полудня слѣдующаго дня, что въ Ковлѣ теперь не болѣе батальона пѣхоты и сотни козаковъ, но ночью или на разсвѣтѣ туда прибудутъ конные егеря. Отъ этого же курьера мы узнали, что въ Любомлѣ находится семейство Браницкихъ, старшій сынъ которыхъ, Ксаверій, лейбъ-гусарскій поручикъ, отличается патріотическимъ настроеніемъ.

Къ вечеру мы дошли до Ковля: мѣстный гарнизонъ, вышедшій было противъ насъ, отступилъ въ городъ, и мы, пройдя чрезъ предмѣстье, двинулись къ Шацкимъ озерамъ. На разсвѣтѣ мы достигли озеръ и, увидя шедшую по почтовому тракту русскую кавалерію, спустились въ долину и какимъ-то чудомъ остались незамѣченными непріятелемъ, который прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ. Мы пошли къ Любомлю; нашъ передовой отрядъ вытѣснилъ занимавшій Любомль гусарскій эскадронъ. Отъ Любомля мы двинулись къ Перевозамъ и тамъ перешли Бугъ, передовые вплавь, а остальные вмѣстѣ съ обозомъ черезъ наскоро наведенный мостъ. Когда мы уже переправились и шли къ Рудкамъ, наши шпіоны дали знать, что гусары преслѣдуютъ насъ и тоже перешли Бугъ. Мы двигались по направленію къ Грубешову. Такимъ

образомъ мы были уже въ Польшѣ. Вступили мы туда въ недобрый часъ. Экспедиція ген. Янковскаго не удалась, поговаривали уже о пораженіи поляковъ подъ Остроленкой, но утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что ген. Хржановскій идетъ на Волынь. Въ это время ген. Рюдигеръ съ русскими войсками стоялъ уже въ Войславичахъ и его отряды приближались къ Замостью. Генералъ Крейцъ приближался къ Замостью со стороны Люблина, и его авангардъ уже занялъ старое Замостье. Кайсаровъ шелъ къ Бугу. Трудно было Хржановскому, ожидавшему въ Замостьѣ грядущихъ событій [1]).

Сражаясь съ преслѣдовавшими насъ русскими отрядами, мы добрались до Замостья. Хржановскій хорошо зналъ о томъ, что мы перешли Бугъ и уже второй день сражаемся съ русскими, но когда коммиссаръ люблинскаго воеводства Романовскій сообщилъ ему объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— Пусть сражаются; зачѣмъ было приходить сюда!

Никто не выѣхалъ на встрѣчу намъ въ деревню, гдѣ мы остановились на отдыхъ. Бернатовичъ былъ посланъ къ Хржановскому съ рапортомъ отъ Ружицкаго. Когда онъ возвратился, то засталъ насъ уже двинувшимися къ крѣпости и сообщилъ, что генералъ съ войскомъ ждетъ насъ на гласисѣ. На этомъ гласисѣ мы увидѣли два батальона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и ген. Хржановскаго, который принялъ насъ съ недовольной миной и велѣлъ отвести намъ кирпичный заводъ, гдѣ мы должны были расположиться, а обозъ и плѣнныхъ велѣли препроводить въ крѣпость. Ружицкій немедленно отправился къ Хржановскому, но пробылъ у него недолго и, видимо, былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Тотчасъ онъ написалъ подробный рапортъ ген. Скржынецкому, въ то время бывшему главнокомандующимъ повстанцами, и на слѣдующее утро отославъ этотъ рапортъ по назначенію съ Пильховскимъ и Бернатовичемъ, согласно совѣту Хржановскаго, который сказалъ:

— Лучше всего напишите сами генералу Скржынецкому и пошлите къ нему одного изъ вашихъ повстанцевъ.

[1]) Здѣсь мы опускаемъ подробное описаніе переходовъ отряда Ружицкаго и стычекъ этого отряда съ русскими войсками.—Ред.

Холодный пріемъ подѣйствовалъ на насъ очень непріятно. Офицеры, по примѣру своего командира, смотрѣли на насъ свысока, только кракусы, не знаю почему, отнеслись къ намъ очень дружелюбно и пригласили на пирушку, на которой мы встрѣтили украинцевъ и подолянъ изъ повстанцевъ Колыска, напр.: Германа и Іосифа Потоцкихъ, Еловицкихъ, Собанскихъ и др. Они очень намъ обрадовались.

Кракусы были очень недовольны бездѣйствіемъ Хржановскаго и громко высказывали свое неудовольствіе. Это дошло до слуха генерала, и онъ, уступая общественному мнѣнію, предпринялъ экспедицію къ Грубешову, окончившуюся неудачно, что не помѣшало Хржановскому устроить торжественный въѣздъ въ крѣпость. Это послужило предметомъ насмѣшекъ и каррикатуръ, что очень раздражило генерала и, хотя онъ и зналъ, что мы здѣсь не причемъ, но выместилъ на насъ свою злобу: призвавъ Ружицкаго, генералъ объявилъ ему, что такъ какъ мы не входимъ въ составъ его войскъ, то до полученія приказаній отъ главнокомандующаго, онъ прекращаетъ выдачу намъ провіанта и фуража. Ружицкій не возражалъ и только спросилъ:

— Позволено ли будетъ намъ самимъ добывать фуражъ?

Генералъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Можете грабить край,—это я разрѣшаю.—И тотчасъ отдалъ приказъ коменданту крѣпости ген. Крысинскому выпускать насъ изъ крѣпости и впускать въ нее.

Возвратившись на кирпичный заводъ, Ружицкій засталъ тамъ коммиссара Романовскаго, очень возмущавшагося поведеніемъ Хржановскаго по отношенію къ намъ, который сообщилъ, что въ эту же ночь русскій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ и стадо воловъ должны пройти черезъ Грабовчикъ къ австрійской границѣ, гдѣ ожидаютъ прибытія корпуса Кайсарова. Тотчасъ былъ посланъ отрядъ конницы, который и захватилъ транспортъ, весьма слабо конвоируемый, такъ какъ послѣ разбитія Хржановскаго, русскіе держались очень безпечно. Конвой бѣжалъ, и только два больныхъ драгуна попались въ наши руки.

Ружицкій велѣлъ оставить припасовъ на 25 дней, а остальное отослать Хржановскому для продовольствія его войска. Хржановскій приказалъ поблагодарить Ружицкаго.

На третій день Хржановскій приказалъ Ружицкому выступить въ Томашевъ, лежащій на самой границѣ. Нечего дѣлать—надо было повиноваться. Томашевъ былъ окруженъ русскими, а жители мѣстечка, евреи, относились очень недружелюбно къ полякамъ. Очевидно было намѣреніе Хржановскаго сбыть насъ съ рукъ и вынудить къ переходу въ Галицію.

Служба въ Томашевѣ была очень тяжела и опасна. На восьмой день нашего пребыванія тамъ какой то экономъ изъ окрестностей Замостья, переодѣтый крестьяниномъ, прибылъ къ намъ съ депешами отъ Хржановскаго и сказалъ, что едва пробрался къ намъ, такъ какъ гусары разъѣзжаютъ по дорогѣ къ Звѣринцу. Хржановскій предписывалъ намъ немедленно двинуться изъ Томашева къ Замостью, гдѣ мы и получимъ дальнѣйшія приказанія.

По распоряженію Скржынецкаго Ружицкій былъ произведенъ въ маіоры и получилъ крестъ за военныя заслуги; нашъ отрядъ получилъ названіе волынскаго коннаго или 1-го козачьяго полка. Всѣ офицеры были утверждены, по представленію Ружицкаго, въ занимаемыхъ ими должностяхъ и многіе изъ отряда получили кресты за храбрость. Это обстоятельство очень обрадовало и ободрило всѣхъ. Ружицкій по этому случаю устроилъ угощеніе: на площадь выкатили бочки съ виномъ и водкой, доставили огромное количество всякихъ снѣдей. Чтобы дать людямъ возможность отдохнуть, было приказано оставить въ караулѣ только одинъ взводъ, а командовавшему имъ офицеру предписано пропускать евреевъ, пробирающихся изъ города въ поле. Лошади были разсѣдланы, и уже мы собирались приступить къ угощенію, когда Ружицкій получилъ извѣстіе, что нѣсколько евреевъ перешло черезъ цѣпь часовыхъ. Тотчасъ велѣно было сѣдлать коней, усилить караулы, разбить бочки, разобрать съѣстные припасы, и въ тотъ же вечеръ мы выступили изъ Томашева. Черезъ часъ послѣ нашего ухода на городъ напали гусары, увѣренные, что захватятъ насъ врасплохъ. Они такъ были

поражены, не найдя насъ, что не разузнали даже, куда мы пошли, и донесли, что мы отступили въ Галицію.

По дорогѣ мы напали на гусарскій патруль и захватили въ плѣнъ двухъ рядовыхъ. Отъ нихъ мы узнали, что Кайсаровъ въ Криницѣ и стягиваетъ огромныя массы пѣхоты, такъ какъ ему приказано взять Замостье. Въ Звѣржинцѣ мы нашли Веращинскаго со сформированнымъ имъ подольскимъ легіономъ; это было отличное войско. Здѣсь мы узнали о пораженіи повстанцевъ подъ Остроленкой, о подвигахъ 2-го уланскаго полка, въ которомъ всѣ четыре эскадронные командира были убиты, о чудесахъ храбрости, показанныхъ генераломъ Бемомъ и его артиллеріей. Въ Звѣржинцѣ мы застали и рефендарія Волицкаго, ѣхавшаго въ Константинополь въ качествѣ посла отъ ржонда народоваго къ турецкому султану. Ни изъ словъ посла, ни изъ его бумагъ не видно было, чего желалъ и могъ желать ржондъ отъ султана. Въ граматахъ были пышныя фразы о карловицкомъ трактатѣ, о пріязни Мустафы IV къ полякамъ, о покровительствѣ, оказанномъ турками барскимъ конфедератамъ; много было словъ, а мало дѣла. Новому послу очень хотѣлось все намъ разсказать, все прочитать. Я замѣтилъ, что надо бы испросить позволенія султана поднять козаковъ, оставшихся на Дунаѣ послѣ войны 1828 года, вторгнуться съ ними въ Бессарабію и на Украину и возбудить тамъ среди народа возстаніе во имя козачества и короля польскаго. Волицкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Какіе козаки? Что за козаки? Козаки насъ бьютъ, а мы будемъ обращаться къ нимъ за помощью.

Ему растолковали, что это за козаки. Онъ долго думалъ и, наконецъ сказазъ:

— Да вѣдь это схизматики,—и замолчалъ.

Что сдѣлалъ Волицкій въ Константинополѣ, я не могъ узнать ни тамъ, ни въ Парижѣ. Знаю только, что въ Константинополѣ онъ былъ, что у него была красивая дочь и самъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и горячимъ сторонникомъ австрійскаго двора.

Мы пришли въ Замостье вмѣстѣ съ подольскимъ легіономъ.

На этотъ разъ насъ встрѣтили не такъ, какъ прежде: ген. Крысинскій вышелъ на встрѣчу со всѣмъ войскомъ и устроилъ великолѣпное угощеніе для офицеровъ и солдатъ. Хржановскій уже выступилъ съ войскомъ изъ Замостья, оставивъ обозъ съ негоднымъ оружіемъ, испорченныя пушки и болѣе 500 человѣкъ больныхъ, и приказалъ Ружицкому препроводить все это на лѣвый берегъ Вислы. Получивъ этотъ приказъ, Ружицкій сказалъ Крысинскому, что на слѣдующій день выступаетъ въ походъ.

XIII [1]).

Мы пошли изъ Замостья отдѣльными отрядами по разнымъ дорогамъ, чтобы обмануть шпіоновъ. На пятый день мы достигли береговъ Вислы. Переправа прошла благополучно, хотя преслѣдовавшія насъ русскія войска подошли на близкое разстояніе и открыли огонь, не причинившій намъ большаго вреда. Черезъ Завихвостъ мы пошли къ Сольцу, гдѣ получили приказаніе отъ Хржановскаго остановиться, а обозъ отослать въ его главную квартиру. Три недѣли простояли мы въ Сольцѣ, занимаясь ученьями, но не были лишены мы и развлеченій, такъ какъ въ Солецъ стали съѣзжаться окрестные помѣщики съ женами и дочерьми и у насъ часто устраивались танцы. Въ Солецъ пріѣхалъ къ намъ Хржановскій, сдѣлалъ смотръ, остался очень доволенъ нашей выправкой и объявилъ, что мы назначены въ составъ обсерваціоннаго корпуса ген. Шептицкаго, расположеннаго въ Тарловѣ, куда мы и выступили. Нашъ новый начальникъ былъ человѣкъ почтенный и добродушный, но старый и предоставлявшій подчиненнымъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Его корпусъ, который долженъ былъ охранять переправу черезъ Вислу, состоялъ всего на всего изъ 4 батальоновъ пѣхоты по 600 чел. каждый, нашего полка изъ 300 человѣкъ и еще 300 кавалери-

---

[1]) Содержаніе этой главы „Записокъ“ передано нами въ краткомъ изложеніи.—*Ред.*

стовъ; пушекъ не было вовсе. Силы ген. Рюдигера, стоявшаго на правомъ берегу, во много разъ превосходили наши, и странно было со стороны Хржановскаго противопоставлять имъ нашъ маленькій отрядъ. Флоріанъ Ржевускій съ русской кавалеріей уже перешелъ Вислу и окопался у Павловской Воли. Вопреки желаніямъ высшаго начальства, мы подъ начальствомъ Ружицкаго сдѣлали удачное нападеніе на отрядъ Ржевускаго и четыре дня стояли подъ Павловской Волей. На пятый день мы узнали, что Рюдигеръ оставилъ первоначальное намѣреніе перейти Вислу у Юзефова и двинулся вдоль берега къ Янову, а также, что Шептицкій отступилъ изъ Тарлова къ Свенто-Кржижскимъ горамъ. Оставшись безъ начальника, мы рѣшили было идти въ Варшаву, но встрѣтившаяся намъ по дорогѣ пани Вендорфъ сообщила Ружицкому, что Шептицкій находится въ Опатовѣ, и убѣдила идти туда же. Когда мы пришли въ Опатовъ, то Шептицкій былъ очень удивленъ, такъ какъ считалъ насъ погибшими и уже послалъ рапортъ объ этомъ въ Варшаву. Вскорѣ на смѣну Шептицкому прибылъ въ Опатовъ новый командиръ Самуилъ Ружицкій, однофамилецъ Карла Ружицкаго. Онъ рѣшилъ идти къ Радому, гдѣ мы должны были соединиться съ новыми силами и составить корпусъ численностью до 11,000 человѣкъ. По дорогѣ мы могли убѣдиться, что населеніе, хотя и не враждебно намъ, но относится къ возстанію совершенно равнодушно, заявляя и намъ, и русскимъ, что пусть Богъ помогаетъ тому, кто хочетъ намъ добра. Въ Ильжѣ мы узнали, что Радомъ занятъ Рюдигеромъ, а мы окружены со всѣхъ сторонъ русскими войсками. Пробившись сквозь непріятельскіе отряды и соединившись съ полковникомъ Обуховичемъ, мы стали двигаться маршами и контрмаршами, избѣгая сраженія, хотя силы наши были довольно значительны.

Самуилъ Ружицкій былъ человѣкъ весьма почтенный, пользовавшійся хорошей репутаціей въ военномъ мірѣ, но у него былъ огромный штабъ, распоряжавшійся всѣми операціями, и это то обстоятельство и погубило все дѣло. Въ Варшавѣ дѣла шли очень плохо. Разногласіе было полное. Предписанія, которыя мы получили оттуда, только ухудшали наше положеніе. Въ

отдѣльныхъ стычкахъ съ русскими войсками мы всегда выходили побѣдителями. Наши солдаты и офицеры не оставляли желать ничего лучшаго, но неспособность нашихъ начальниковъ, недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ вредили всему. Наконецъ, мы были вынуждены дать сраженіе и были разбиты подъ Липскомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ произошелъ переворотъ: демократическая партія одержала побѣду. Когда мы стояли въ Кунавѣ, къ намъ пріѣхалъ кн. Адамъ Чарторыйскій и уѣхалъ далѣе въ Краковъ, за Чарторыйскимъ послѣдовалъ Скржынецкій.

Вскорѣ изъ Варшавы явились новые командиры, но положеніе дѣлъ не улучшилось. Мы отступили къ границѣ Галиціи и, когда показались русскія войска, то, обмѣнявшись съ ними артиллерійскими залпами, безъ битвы перешли границу и сложили оружіе.

Заканчивая въ текущемъ году Записки М. Чайковскаго о возстаніи 1831 года, редакція надѣется помѣстить въ будущемъ ту часть записокъ, которая относится ко времени пребыванія Чайковскаго въ Турціи.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОРСУНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25-го октября текущаго года скончался одинъ изъ ветерановъ нашей письменности, въ свое время игравшій довольно видную роль въ литературномъ мірѣ юга Россіи,—это *Александръ Алексѣевичъ Корсунъ,* издатель альманаха подъ заглавіемъ „Снипъ, украинській новорочныкъ“, авторъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ беллетристическихъ произведеній, любитель мѣстной исторіи, литературы и археологіи. Давно уже не выступалъ онъ въ литературномъ мірѣ, въ виду чего имя его стало забываться, и только въ прошломъ, 1890 году заставилъ онъ вспомнить о себѣ, напечатавъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (№ 10) свои воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, съ которымъ дружба его, съ перерывами впрочемъ, тянулась около полувѣка. Воспоминанія эти, нужно признаться однако, не особенно широко расходились среди читающей публики, не смотря на свой мѣстами глубокій интересъ, а потому многіе съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, прочитавъ газетныя извѣстія о его смерти: „неужели онъ былъ живъ до сего времени?“

Обязанность прессы, особенно мѣстной, оживлять въ памяти имена лицъ, своей дѣятельностью въ той или иной формѣ способствовавшихъ росту культурныхъ силъ родины, своими знаніями, талантами и трудами двигавшихъ впередъ и поднимавшихъ наново вопросы, связанные съ проявленіемъ народнаго самосознанія, съ пробужденіемъ инстинктовъ общественности. Вотъ почему, мы думаемъ, нелишнимъ будетъ, по край-

ней мѣрѣ, подвести итоги наличнымъ даннымъ, знакомящимъ насъ съ личностью А. А. Корсуна, за отсутствіемъ у насъ какихъ-либо новыхъ чертъ изъ его жизни и дѣятельности, опубликованіемъ которыхъ, мы увѣрены, займутся лица, близко знавшія покойнаго и имѣющія доступъ ко всѣмъ оставшимся послѣ него матеріаламъ.

Данныхъ изъ біографіи А. А. Корсуна, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, очень мало. Даже самаго года рожденія, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не указано. Въ одномъ некрологѣ (Кіевлянинъ, № 239) прямо говорится, что онъ умеръ 75 лѣтъ, а въ другомъ (Южный Край, № 3722)—около 80 лѣтъ, хотя изъ письма къ нему Н. И. Костомарова, опубликованнаго самимъ А. А. Корсуномъ (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 221), видно, что онъ моложе перваго, родившагося въ 1817 году, т. е. оказывается—ему было не болѣе 74 лѣтъ. Родомъ онъ былъ изъ деревни Богдановская Антиповка, бывшаго Ростовскаго на Дону уѣзда, теперь таганрогскаго округа. Не знаемъ, почему г. Петровъ считаетъ его происходящимъ изъ *помѣщиковъ полтавской губерніи* (Очерки ист. украин. лит., стр. 135), когда намъ извѣстно только, что предки его были запорожцы, о чемъ самъ Корсунъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ, говоря: „я, по предкамъ щирый запорожецъ....". (стр. 201). Принадлежа къ довольно зажиточному семейству, А. Корсунъ въ дѣтствѣ, вѣроятно, долженъ былъ пройти ту систему воспитанія, какая въ большинствѣ случаевъ примѣнялась въ нашей украинской помѣщичьей средѣ. Впрочемъ, данныхъ объ этомъ воспитаніи нѣтъ у насъ никакихъ, кромѣ одного намека въ маленькой біографической справкѣ, помѣщенной въ Южномъ-Русскомъ сборникѣ А. Метлинскаго, о М. Макаровскомъ, который былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Корсуна, будучи воспитанникомъ духовной семинаріи и держась традицій національныхъ, обнаруженныхъ дальнѣйшею его писательской дѣятельностью. Хотя Макаровскій и не былъ воспитателемъ маленькаго Александра Корсуна, т. к. былъ въ домѣ ихнемъ не позже 1818 года, но мы имѣемъ полное право пред-

полагать изъ факта пребыванія въ семьѣ Корсуна такихъ лицъ, какъ Макаровскій, что тамъ не чуждались своего родного, а можетъ быть даже употребляли въ разговорѣ малорусскую рѣчь, ставшую впослѣдствіи орудіемъ литературныхъ проявленій молодого человѣка, начавшаго сознательную работу свою по окончаніи харьковскаго университета съ писательства по малорусски.

Гдѣ и какъ проходилъ А. Корсунъ курсъ средней школы, мы не знаемъ; видимъ его уже въ концѣ 30-хъ годовъ въ Харьковѣ, въ качествѣ студента-юриста. Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи (Литературное наслѣдіе, стр. 23) опредѣляетъ четыре слѣдующіе типа тогдашнихъ харьковскихъ студентовъ. — 1) „Сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью; этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей. 4) Люди, не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя, какъ попало“. Къ какому изъ этихъ четырехъ типовъ принадлежалъ А. Корсунъ, можно догадываться по тѣмъ дальнѣйшимъ проявленіямъ его дѣятельности, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его наклонности къ идеализму и, во всякомъ случаѣ, о полной отчужденности отъ низменныхъ житейскихъ побужденій. Уже одинъ тотъ фактъ, что онъ, почти на школьной скамьѣ затѣялъ изданіе украинскаго альманаха, есть доказательство его далеко не практическихъ наклонностей. Въ то время писательство вообще было не въ авантажѣ, а малорусскихъ писателей можно было по

пальцамъ перечесть: Котляревскій, Боровиковскій, Гребинка, Артемовскій-Гулакъ, Метлинскій, Іеремія Галка — вотъ почти и всѣ. Отношеніе критики къ ихъ произведеніямъ было очень неопредѣленное: одни издѣвались надъ писательствомъ малорусскимъ (Библіотека для Чтенія), другіе пробовали брать его подъ свою защиту, но на всъ шагу обнаруживали малое знаніе и языка, и народно-поэтическихъ красотъ. Постоянно въ этихъ рецензіяхъ можно было натолкнуться на курьезы, въ родѣ того, какой переданъ самимъ А. Корсуномъ въ его воспоминаніяхъ, а именно: критикъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" драматич. сценъ „Сава Чалый", изданныхъ въ 1838 г. Н. Костомаровымъ, упрекалъ автора въ излишнемъ сокращеніи словъ, отчего они лишаются прямаго значенія, причемъ въ примѣръ приводилъ выраженіе „*ка-зна-що*" (чертъ знаетъ что), думая, что это есть не что иное, какъ сокращеніе „Катя знаетъ что". Что-же касается отношенія общества того времени къ писательской дѣятельности вообще, то это лучше всего видно изъ того случая, который переданъ А. Корсуномъ о Квиткѣ. Сущность состояла въ томъ, что дворянство съ гордостью заявило Квиткѣ, при избраніи его въ должность предсѣдателя уголовной палаты, что онъ долженъ оставить свои писанія, т. к. они не идутъ къ такому важному мѣсту. Только и выручило Квитку какъ разъ кстати полученное имъ письмо отъ В. А. Жуковскаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что повѣсть Квиткина „Божьи дѣти" читана въ Высочайшемъ семействѣ и что Государыня Императрица изволила умилиться, а Великія Княжны плакали. Картина, конечно, сразу перемѣнилась (стр. 210—211). Среди такихъ условій писательства нужно было имѣть или довольно сильный запасъ традицій со временъ дѣтства, или находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ глубоко-сознанныхъ идеаловъ, чтобы избрать себѣ тотъ путь литературной работы, на который, какъ мы видимъ, и вступилъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, только-что окончившій курсъ университета [1]). Что именно побуждало А. Корсуна

[1]) Въ воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ читаемъ: „Въ 1842 году, *съ ученической скамьи*, я поступилъ прямо въ столоначальники...." (Рус. Арх. 1890, № 10,

какъ къ личному писательству, такъ и къ издательству малорусскихъ піесъ, видно изъ много разъ высказанныхъ имъ самимъ мыслей о любви къ малорусской рѣчи, на которой, какъ онъ говоритъ, „можно было выражать многоразличныя проявленія духа человѣческаго“ (стр. 201).

Остановимся немного на этомъ моментѣ въ жизни А. Корсуна, т. к. онъ является наиболѣе характернымъ для оцѣнки его литературныхъ вкусовъ.

Много разъ было уже указано на нѣсколько странное дѣленіе малорусскихъ писателей по направленіямъ, или лучше сказать—по школамъ, принятое въ извѣстномъ трудѣ г. Петрова „Очерки Ист. Украин. Литерат.“ Такъ, на основаніи этого дѣленія, А. Корсунъ попадаетъ въ очень мало опредѣленную школу подъ заглавіемъ „романтико-художественная украинская литература“. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу проф. Дашкевичъ, „распредѣленіе матеріала, представляемаго украинскою литературою, лишь примѣнительно къ главнымъ теченіямъ, смѣнявшимся или сливавшимся въ обще-русской литературѣ, лишало (автора) возможности уловить мѣстныя индивидуальныя черты и вѣрно опредѣлить характерныя особенности различныхъ періодовъ [1]“. Въ самомъ дѣлѣ, что специфически рѣзкаго можно отмѣтить въ произведеніяхъ А. Корсуна для причисленія его къ романтикамъ? Не болѣе того, что мы найдемъ и у Костомарова, причисленнаго къ „украинскому славянофильству“. Съ другой стороны, развѣ мы не найдемъ чертъ славянофильства у А. Корсуна, роднящихъ его съ идеалами Н. Костомарова? Жизнь каждаго изъ нихъ сложилась въ дальнѣйшемъ иначе. Въ 1847 г. А. Корсунъ состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ и потому былъ оторванъ отъ ближайшихъ ему интересовъ; онъ не могъ даже понять причины изъятія изъ продажи сочиненій Шевченка и Костомарова, а когда при-

---

стр. 210),—слѣдовательно университетъ былъ оконченъ позже изданія „Снопа“ (1841 г.); между тѣмъ д-ръ Вл. Александровъ прямо указываетъ 1840 г., какъ годъ окончанія Корсуномъ университета (Южный Край).

[1]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 56.

чина эта стала ему извѣстной, онъ восклицалъ такъ, какъ, вѣроятно, говорили и всѣ замѣшанные въ это дѣло [1]). Славянофильскія стремленія Корсуна лучше всего видны изъ того факта, что онъ съ удовольствіемъ и съ сознаніемъ долга занимался по мѣрѣ силъ изученіемъ возрождавшейся тогда чешской письменности и переводилъ пѣсни Челяковскаго (Ohlas Pesni Russkich), стихи Мицкевича (Stepy Akkermanskie), занимался изученіемъ славянскихъ языковъ. Въ литературной же дѣятельности его это стремленіе сказалось сейчасъ-же въ альманахѣ „Снипъ", гдѣ были помѣщены такія его піесы: 1) Украинськи повирья, межъ которыми, помимо маленькаго размышленія славянофильскаго оттѣнка, помѣстилъ онъ передѣлку одной піесы Челяковскаго, совершенно сходной по темѣ съ мѣстной малорусской (видъ чого чапура жыве биля моря, и чому вона йисть жабъ та гадюкъ), при чемъ заставилъ одного изъ слушателей сказать: „Се щире наське повирье; тильки мени кумедно, якъ воно зупынылось у Челяковскаго?" Но авторъ отвѣчаетъ ему: „Та я-жъ вамъ казавъ, *що мы уси Словени*"... 2) Вирши, среди которыхъ тоже мы находимъ 6 піесъ, переведенныхъ съ чешскаго яз.—Въ виду того, что альманахъ „Снипъ" давно уже вышелъ изъ продажи и сдѣлался библіографическою рѣдкостью, не особенно извѣстною новымъ поколѣніямъ, позволяю себѣ въ видѣ справокъ для памяти, затронуть исключительно литературною сторону этого альманаха.

Первую литературную заслугу А. Корсуна составляетъ то, что онъ, будучи совсѣмъ еще въ юныхъ лѣтахъ (не болѣе 23 лѣтъ), задумалъ сгруппировать представителей культурно-національныхъ стремленій тогдашней „харьковщины" около литературнаго предпріятія.

Правда, эта струя, очевидно, была въ то время въ Харьковѣ очень живой, такъ какъ немного позже его затѣваетъ та-

---

[1]) „Господи Боже мой! Да могла ли кому нибудь изъ мыслящихъ людей, кромѣ помѣшанныхъ на какой нибудь idée fixe, придти въ голову мысль о сепаратизмѣ или о соединеніи съ Польшею, которая своимъ управленіемъ осталась незабвенною до сихъ поръ въ недоброй памяти о ней южноросса. (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 215).

кое же предпріятіе Бецкій (Молодикъ 1843 и 1844 г.), гдѣ цѣли и задачи изданія были поставлены еще шире. Во всякомъ случаѣ, А. Корсуномъ были сгруппированы тогда такія молодыя силы: 1) *Н. И. Костомаровъ* (Іеремія Галка), помѣстившій въ „Сноп'ѣ“ извѣстную свою трагедію „Переяславська Ничъ“). 2) *Порфирій Кореницкій*, писатель, подававшій богатыя надежды своимъ мѣткимъ языкомъ и знаніемъ народнаго быта, но потомъ, благодаря неудачной личной жизни, скоро сошедшій въ могилу и теперь почти совсѣмъ позабытый; а между тѣмъ его сатирическая поэма „Вечерныци“, нашедшая мѣсто въ альманахѣ Корсуна, стоитъ того, чтобы и теперь иногда вспоминать о ней. 3) Фамилія *Писаревскихъ* (Степанъ, Петръ и Мареа), давшіе въ „Снипъ“ цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ одна есть передѣлка изъ Петрарки (Мареы Писаревской), басенъ, а также повѣсть въ стихахъ (Стецько, можебылыця—Петра Писаревскаго). 4) *Михаилъ Петренко*, давшій туда нѣсколько „думокъ“ своихъ. 5) Наконецъ, завершаетъ альманахъ самъ издатель его съ указанными раньше своими произведеніями.

Много думъ, заботъ и хлопотъ нужно было пережить этимъ молодымъ дѣятелямъ, но ихъ окрыляла та надежда, тѣ ожиданія, которыя превозмогаютъ всѣ препятствія. Не даромъ уже убѣленный сѣдинами старецъ, Н. И. Костомаровъ, писалъ въ 1878 году своему давнему другу: „Ваше письмо перенесло меня снова въ прошлыя времена молодости; припомнился мнѣ и маленькій домикъ противъ озерца, гдѣ вы проживали, и „Снипъ“, который тогда издавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость“. (стр. 217). И такъ, сколько надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій!—восклицаетъ Н. И. Костомаровъ много лѣтъ спустя. Въ чемъ-же эти надежды и увлеченія? Отчасти мы ихъ открываемъ въ вышеуказанномъ размышленіи А. Корсуна по поводу обще-славянскаго родства. Разсказавъ въ игривой формѣ о томъ, что Украина-маты, какъ женщина, не можетъ сама за всѣмъ усмотрѣть, а потому ей оказался нужнымъ руководитель,

каковымъ и явился Царь православный, благодаря Хмельницкому,—разсказавъ это, авторъ далѣе говоритъ о тѣхъ горестяхъ, какія пережиты были ранѣе Украиной, а затѣмъ переходитъ къ другимъ славянамъ, которыхъ тоже постигла участь горькая.

Не стану критически разбирать теперь эти давніе опыты нашей словесности, — цѣль моя, какъ было сказано, оживить въ памяти минувшее, а потому я, вмѣсто своей критики, попробую набросать образчики старой критики, связанные съ этимъ альманахомъ. Намъ извѣстны два отзыва объ альманахѣ Корсуна, и оба они нашли себѣ мѣсто въ „Маякѣ“, который въ то время взялъ подъ свою опеку малорусскую словесность, признавая за ней права ея природнаго бытія. Первой статьей появилась критика г. Тихорскаго (1842 г. кн. 9-я), который хотя отнесся въ общемъ сочувственно къ большинству піесъ, вошедшихъ въ „Снипъ“, но почему-то особенно сильно обрушился на трагедію Костомарова „Переяславська Ничь“. Положимъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, дѣйствительно, трагедія эта слабовата, что́ призналъ впослѣдствіи и самъ авторъ ея (см. Литерат. Наслѣд., стр. 37, а подробнѣе — Рус. Арх., 1890 г. № 10, стр. 218); но тогдашній критикъ нашелъ въ ней совсѣмъ иные недостатки, а именно: „помилосердуйте, какъ бранятся въ ней герои!“—восклицаетъ критикъ, и это заставило его, не дочитавъ даже трагедіи до конца, дать такой совѣтъ автору: „Поэзія—дѣва чистая... а помните-ли, Руссо сказалъ: нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ неопрятная женщина; чистый, нѣжный, благородный вкусъ — первая принадлежность поэзіи. Примите же мой искренній, дружескій совѣтъ, г. Галка, возьмите назадъ свою трагедію... Умойте ее, принарядите и тогда покажите ее намъ, *гарну и чепурну, якъ украинска дивчина*“. Въ такомъ родѣ всѣ пріемы критики г. Тихорскаго, даже и тогда, когда онъ хвалитъ; вотъ напримѣръ его отзывъ о Марѳѣ Писаревской: „въ слогѣ автора-женщины, ея образѣ мыслей, изложеніи этихъ мыслей есть что-то особенное отъ произведеній литератора-мужчины, что то особенное, воздушное, *розовое*“... и т. д. На первый взглядъ такая критика покажется очень наивно-своеобразной; безспорно, это такъ, но дѣло въ томъ, что надо

отыскать основной мотивъ ея, выраженный въ заключительныхъ словахъ Тихорскаго о необходимости оставить ложное мнѣніе, что по малороссійски надо говорить мужицкимъ языкомъ, и „облагородить“ малороссійское нарѣчіе, что можетъ быть достигнуто только тогда, если писатели „возвысятъ образъ своихъ мыслей, будутъ смотрѣть съ свѣтлой точки зрѣнія на предметъ, ими избранный“...

Вотъ въ этихъ-то общихъ положеніяхъ оказались сходившимися, какъ издатель и сотрудники альманаха, такъ и критикъ, находившій нѣкоторыя, по его мнѣнію, слабыя стороны въ изданіи, а равно и критикъ, взявшій подъ свою полную защиту трагедію „Переяславска Ничь“. Критикъ этотъ—хорошо извѣстный въ журнальной литературѣ 40-хъ годовъ К. Сементовскій. Онъ, упрекая русскую журналистику въ равнодушіи къ малорусской словесности и возражая г. Тихорскому, высказываетъ, собственно говоря, тѣ-же мысли, что и онъ, относительно необходимости возвысить тонъ и сюжеты малорусской поэзіи. Формулируетъ онъ эту свою мысль такъ: „грубое и низкое *въ выраженіи* гораздо простительнѣе, чѣмъ грубое и низкое въ *изобрѣтеніи*“, при чемъ этого послѣдняго въ трагедіи Галки онъ совсѣмъ не видитъ. а первое можно еще простить ему. (Маякъ, 1843 (?) г., Т. XII, кн. 23, стр. 46).

Мы нарочно остановились на этихъ сторонахъ критики потому, что намъ важно выяснить общую идею, руководившую тогдашними дѣятелями на полѣ малорусской литературы. Кажется, не ошибаясь можно сказать, что въ изданіи „Снопа“ приняли участіе молодыя силы, которыя, можетъ быть, не принадлежа къ кругу писателей старшаго поколѣнія—Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій,—задались цѣлью, какъ передаетъ г. Тихорскій, „развить, усовершенствовать, возвысить малороссійскую словесность“, составляя—значитъ—изъ себя, такъ сказать, новую, молодую школу украинскихъ писателей, внесшихъ уже больше осмысленности, идейности въ свою работу, сравнительно съ поколѣніемъ прежнимъ. Не даромъ въ воспоминаніяхъ А. Корсуна читаемъ отзывъ его о Гулакѣ-Артемовскомъ, показывающій, что молодое поколѣніе отдѣляло себя отъ этого

стараго; такъ, говоря о появленіи „Кобзаря" Шевченка и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ, Корсунъ прибавляетъ: „Кобзарь поразилъ не однихъ насъ, но всѣхъ своихъ читателей. Даже величественный, блестящій генералъ удостоилъ остановить меня на улицѣ и передать свое восхищеніе Шевченкомъ" (стр. 207).

Что же представлялъ собою А. А. Корсунъ, какъ писатель? какого рода произведенія оставилъ онъ въ наслѣдіе намъ? Слишкомъ мала и непродолжительна была его литературная дѣятельность, какъ самостоятельнаго писателя: кромѣ помѣщеннаго имъ въ альманахѣ „Снипъ" (о чемъ было сказано раньше), можно указать еще нѣсколько стихотвореній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ Маякѣ 1845 года, а послѣ этого имя его въ литературѣ, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не встрѣчалось. Очевидно, пока связи его съ Харьковомъ и съ харьковскимъ литературнымъ кругомъ поддерживались, до тѣхъ поръ живы были въ немъ и литературныя традиціи этого кружка; такъ, въ 1842 г. онъ поступилъ въ столоначальники Харьковской Уголовной Палаты по приглашенію Квитки-Основьяненка, избраннаго тогда ея Предсѣдателемъ, и понятно—литературная дѣятельность его не только не ослаблялась, но еще болѣе, вѣроятно, выросла, не смотря на то, что—по его собственному свидѣтельству—„онъ уже служилъ тогда и цѣлые дни и вечера проводилъ въ Палатѣ." Когда-же онъ былъ переведенъ далеко отъ родины въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ (1848 г.), связи съ прежними людьми прекратились, а вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалась и литературная дѣятельность его. Мы не знаемъ подробно фактовъ изъ его общественной службы и дѣятельности, а потому пока не можемъ судить и о дѣйствительныхъ причинахъ литературнаго молчанія; насколько же можно видѣть изъ отрывочныхъ воспоминаній его самого, въ 1861 году онъ былъ уже въ родной своей Антиповкѣ, и снова связи съ литературнымъ кругомъ стали завязываться, но это однако не подвинуло его къ литературнымъ работамъ. Можетъ быть, причинъ этому надо искать въ той дѣятель-

ности общественной, какая тогда была удѣломъ всѣхъ мѣстныхъ людей землевладѣльцевъ (онъ служилъ по мировымъ учрежденіямъ); можетъ быть, хозяйственныя дѣла и всякія неудачи (пожаръ въ 1863 году и неурожай, „доконавшіе его и доведшіе до необходимости имѣть дѣло съ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ“—какъ онъ выражается) отвлекали его отъ литературныхъ работъ; можетъ быть, три смертные недуга съ 1874 г. по 1884 г. (брайтова болѣзнь, всеобщій ревматизмъ и сухотка — какъ онъ самъ говоритъ) заставляли его думать о полномъ разсчетѣ съ жизнью, а не о литературныхъ предпріятіяхъ,—во всякомъ случаѣ существуетъ тотъ фактъ, что, кромѣ намѣренія къ 50-тилѣтію изданія „Снопа“ выпустить 2-ой томъ его, мы ничего не знаемъ изъ его литературныхъ работъ послѣ 1845 года. Можно сказать только, основываясь на письмѣ къ нему Н. И. Костомарова, что онъ, живя въ Антиповкѣ, работалъ надъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, т. е. занимался тѣмъ, чѣмъ открылъ онъ свое писательство въ Снопѣ — украинскими повѣрьями. Что сохранилось отъ этихъ его новыхъ работъ, пока неизвѣстно въ точности; въ некрологѣ, помѣщенномъ въ „Кіевлянинѣ“, говорится слишкомъ глухо, что осталась бездна матеріаловъ, автографовъ русскихъ и иностранныхъ, очень много литературныхъ рѣдкостей“. Будемъ надѣяться, что наслѣдники приведутъ все это въ извѣстность и поставятъ себѣ задачей создать памятникъ ему въ видѣ обнародованія тѣхъ его трудовъ, которыми самъ онъ хотѣлъ подѣлиться съ публикой въ предполагавшемся 2-мъ томѣ альманаха „Снипъ“. Вмѣстѣ съ этимъ смѣемъ просить наслѣдниковъ осуществить и другое намѣреніе покойнаго — обнародовать тотъ исправленный экземпляръ съ рисунками Шевченковой „Черныци Марьяны“, о которомъ такъ хлопоталъ еще Н. И. Костомаровъ и который тоже долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ этомъ несостоявшемся 2-мъ томѣ „Снопа“. Если эти намѣренія покойнаго въ какой-либо формѣ будутъ осуществлены, то будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполнено и

первое условіе благодарной памяти потомковъ по отношенію къ своимъ достойнымъ предкамъ, о которыхъ можно сказать, повторяя слова Н. И. Костомарова: „вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти ихней награда на старость“, а равно и за гробомъ—прибавимъ мы теперь

В. Науменко.

ИСИДОРЪ СТАНИСЛАВОВИЧЪ КОПЕРНИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

$^{13}/_{25}$ сентября скончался въ Краковѣ Исидоръ Станиславовичъ Коперницкій, экстраординарный профессоръ антропологіи въ краковскомъ университетѣ и членъ краковской академіи наукъ. Покойный происхожденіемъ, воспитаніемъ и первоначальною научною и практическою дѣятельностью тѣсно связанъ съ Кіевомъ и кіевскимъ университетомъ, потому, вѣроятно, впослѣдствіи, когда онъ занялъ весьма почетное мѣсто въ ряду ученыхъ славянскихъ естествоиспытателей-антропологовъ, онъ посвящалъ чуть-ли не большую часть своихъ ученыхъ изслѣдованій разработкѣ антропологическаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, относящагося къ южно-русской территоріи.

И. С. Коперницкій родился въ 1825 году въ селѣ Чижовкѣ звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи; первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ златопольскомъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ винницкой гимназіи; окончивъ ее въ 1843 году, онъ поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ кіевскаго университета по медицискому факультету. Окончивъ курсъ этого факультета 1849 г., И. С. Коперницкій опредѣленъ былъ на службу военнымъ врачемъ и продолжалъ ее въ теченіе 8 лѣтъ до 1857 г.—Во время восточной войны (1853—1856) онъ находился при дѣйствующей арміи, сначала на Дунаѣ, потомъ въ Крыму, гдѣ въ теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ состоялъ въ составѣ севастопольскаго гарнизона. За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ

онъ награжденъ былъ орденами: св. Анны 3 ст., св. Станислава 2-й ст. и серебряною медалью за защиту Севастополя.

Въ 1857 году, оставивъ военно-медицинскую службу, И. С. Коперницкій занялъ мѣсто прозектора анатоміи въ университетѣ св. Владиміра и оставался на немъ до 1863 года.—Къ этому времени относится первая научная работа покойнаго: „Предварительныя свѣдѣнія о краніологическихъ излѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ череповъ“.—Статья эта была напечатана въ 1-й книжкѣ перваго года изданія (1861) кіевскихъ университескихъ извѣстій.—На сколько припомнимъ, это первое по времени научное изслѣдованіе славянскихъ череповъ; не смотря на слабое развитіе въ то время антропологіи вообще и краніологіи, особенно славянской, въ частности, оно представляетъ понынѣ весьма почтенный научный матеріалъ по данному сюжету.—Помимо научнаго значенія самаго труда, работа И. С. Коперницкаго памятна въ исторіи кіевскаго университета еще потому, что, составляя ее, авторъ привелъ въ порядокъ и пополнилъ коллекцію славянскихъ череповъ въ кіевскомъ анатомическомъ музеѣ и тѣмъ положилъ основаніе этнологической коллекціи череповъ въ этомъ музеѣ. Для составленія своего труда, авторъ долженъ былъ бороться съ трудностями, не представляющимися уже въ настоящее время: въ 1861 г. не существовало еще точнаго краніометра, и потому каждый антропологъ долженъ былъ придумывать прежде всего свой инструментъ. Въ числѣ такихъ попытокъ числится и своебразный инструментъ, изобрѣтенный покойнымъ въ Кіевѣ по системѣ Гушке—инструментъ, нынѣ оставленный, но въ свое время представлявшій maximum удобства для измѣренія череповъ.

Получивъ отставку въ 1863 году, И. С. Коперницкій уѣхалъ за границу.—Въ 1864 г. онъ изучалъ антропологію въ Парижѣ, слушалъ лекціи Claude Bernard'а и Quatrefages'а и затѣмъ переѣхалъ въ Букарештъ, гдѣ въ теченіе 6 лѣтъ занимался организаціею анотомическаго музея для вновь открытаго въ этомъ городѣ университета. Въ это время онъ снискалъ себѣ почетное положеніе въ наукѣ, помѣщая многочисленныя

работы въ антропологическихъ изданіяхъ: английскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ.

Съ 1871 года И. С. Коперницкій переселился въ Краковъ, гдѣ жилъ до своей кончины.—Въ 1876 г. (уже 51 года отъ роду) онъ, выдержавъ испытаніе, получилъ степень доктора медицины и вслѣдъ затѣмъ занялъ мѣсто доцента антропологіи; только въ 1886 г. возведенъ былъ въ должность экстраординарнаго профессора. Покойный состоялъ членомъ многихъ ученыхъ антропологическихъ и другихъ обществъ. Въ качествѣ члена краковской академіи принималъ весьма дѣятельное участіе въ редакціи того отдѣла трудовъ этой академіи, который посвященъ преимущественно антропологіи (Zbiór wiadomości dla antropologji krajowej). Въ четырнадцати томахъ этого изданія онъ помѣстилъ множество статей по археологіи, антропологіи и этнографіи, главнымъ образомъ, южно-руссовъ. Къ числу капитальныхъ работъ его относятся: Излѣдованія гробницъ въ бассейнѣ Днѣстра въ галицкой Подоліи; Антропологическая характеристика населенія Галиціи; антропологическое и этнографическое описаніе русскихъ горцевъ въ Карпатахъ. Притомъ онъ издалъ множество статей по частнымъ вопросамъ антропологіи, краніологіи и этнографіи и редактировалъ многочисленные матеріалы, присылавшіеся разными лицами въ редакцію сборника.

Всѣ научные труды покойнаго отличаются строгою точностью пріемовъ, добросовѣстнымъ изученіемъ матеріала и полною объективностью выводовъ. Въ антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ ему очень часто случалось добывать результаты, которые рѣзко противорѣчили предубѣжденіямъ и апріорнымъ положеніямъ, господствовавшимъ въ той общественной средѣ, къ которой принадлежалъ покойный и которыя онъ раздѣлялъ какъ публицистъ; тѣмъ не менѣе въ такихъ случаяхъ добросовѣстный ученый всегда бралъ верхъ надъ публицистомъ, и результаты ученаго изслѣдованія являлись въ печати въ полномъ и не искаженномъ видѣ, не смотря на то, что могли быть непріятны самому автору.—Замѣтимъ, напримѣръ, что въ антропологической характеристикѣ народонаселенія Галиціи Коперницкій собралъ и обработалъ обильный матеріалъ

для точной дифференцировки народныхъ типовъ: польскаго и русинскаго, между тѣмъ какъ въ публицистикѣ польской вообще, особенно-же въ Галиціи, въ то именно время усиленно настаивали на тождествѣ этихъ типовъ. Такъ, его описаніе русскихъ горцевъ съ полною точностью опредѣляетъ ихъ племенную принадлежность къ южно-русскому типу, между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ по этому предмету его предшественниковъ, Поля и даже Шуйскаго, изъ-за соображеній тенденціозныхъ и чуждыхъ наукѣ, горцы эти смѣшивались съ группами западныхъ польскихъ горцевъ, и вопросъ затемнялся до такой степени, что читатель могъ легко принять населеніе всей восточной части Карпатъ за разновидность польскаго типа.

Какъ научное высокое достоинство работъ покойнаго И. С. Коперницкаго, такъ его замѣчательный объективизмъ и научная правдивость, равно какъ и содержаніе темъ, избранныхъ имъ для изслѣдованій, заслуживаютъ полнаго признанія и благодарности со стороны интеллигентныхъ группъ, заинтересованныхъ всестороннимъ изученіемъ ближайшей родины покойнаго, для которой онъ немало и весьма дѣльно потрудился въ теченіе своей жизни.

В. А.

АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

22 октября скончался архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры, почтенный сотрудникъ Кіевской Старины, Русской Старины, Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и Древностей. Арх. Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Онъ родился въ 1822 г., получилъ образованіе въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ 12 лѣтъ въ гвардіи. Въ 1852 г. онъ постригся въ монашество и провелъ много лѣтъ въ Іерусалимѣ и въ Константинополѣ. Съ 1877 г. онъ состоялъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской лавры. Арх. Леонидъ обогатилъ русскую науку изданіемъ цѣлаго ряда историческихъ актовъ и спеціальными научными изслѣдованіями по исторіи древней русской письменности и церковной исторіи. Не перечисляя многочисленныхъ статей и замѣтокъ арх. Леонида, отмѣтимъ здѣсь наиболѣе крупныя: описаніе славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ); описаніе рукописей библіотеки Троицко-Сергіевой Лавры; о древней области Вятичей; о митроп. Кипріанѣ; объ аѳонскихъ книгохранилищахъ; о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ въ монастыряхъ и сельскихъ церквахъ Калужской епархіи; о Сильвестрѣ и его сочиненіяхъ (Домостроѣ и др. XVI в.); о греческихъ сказкахъ объ Армянской вѣрѣ; о паломникахъ-писателяхъ петровскаго и послѣ—петровскаго времени: о монастырскихъ столовыхъ обиходникахъ, — все это, труды

объемистые, въ 100 и болѣе страницъ. Кромѣ того, арх. Леонидъ представилъ описаніе нѣсколькихъ монастырей и издалъ много документовъ и писемъ петровскаго времени. Къ южнорусской исторіи относятся напечатанныя имъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“—Густынская лѣтопись, два поученія Леонтія Карповича и Пельгринація Ипполита Вишенскаго (1707—1709 г.), затѣмъ статьи о в. кн. Ольгѣ въ Русской Старинѣ и въ Кіевской Старинѣ (1889 г.). Покойный неустанно работалъ въ научной области до самой кончины. Такъ, въ 1891 г. онъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. „Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX и X в. и памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI--XVII в.“; въ изданіи Общ. любит. древ. письм.—„Свѣдѣнія о святыхъ русскихъ съ картой Россіи и планомъ Кіевскихъ пещеръ“; въ Сборникѣ 2-го отд. Акад. Наук.—цѣнное изслѣдованіе „о родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ“. Сочиненія арх. Леонида разбросаны, и надо ожидать, что будетъ составленъ указатель всѣхъ его статей и замѣтокъ и что люди, близко стоявшіе къ покойному, подѣлятся своими о немъ свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, научная дѣятельность арх. Леонида, во многихъ отношеніяхъ богатая и плодотворная, заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Н. Сумцовъ.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГАТЦУКЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

И еще одинъ некрологъ приходится занести въ лѣтописи послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго года: 23 октября скончался Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, довольно близко связанный съ нашей родиной, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и значительной долей своей дѣятельности. Родился онъ 2 октября 1832 года въ г. Одессѣ, но гдѣ получилъ первоначальное школьное воспитаніе—мы не знаемъ; знаемъ только, что среднюю школу онъ проходилъ въ Москвѣ, въ гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ московскій же университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 г. со званіемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ. Службу свою началъ онъ въ 1859 г. въ званіи адъюнкта въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ по каѳедрѣ русской словесности, и оставался тамъ до 1861 года, когда—какъ говорятъ—вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній съ однимъ изъ сослуживцевъ, онъ оставилъ мѣсто и переселился сначала въ Кіевъ, но не надолго, а затѣмъ—на постоянное жительство—въ Москву. Еще ранѣе переселенія въ Москву сталъ онъ обнаруживать склонность къ журнальной и газетной работѣ, сотрудничая, напримѣръ, въ періодъ пребыванія въ Одессѣ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“; но окончательно упрочился онъ на этой публицистической дорогѣ въ Москвѣ, работая въ разныхъ изданіяхъ. Одновременно съ этими публицистическими своими работами, не покидалъ онъ и задачъ научныхъ, обнаруживъ эту свою ученую дѣятельность между прочимъ тѣмъ,

что былъ однимъ изъ членовъ основателей моковскаго археологическаго общества и издалъ популярную книжку по археологіи, выдержавшую два изданія,—„Старина русской земли“; въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. россійск. и въ Трудахъ москов. археологич. общ. онъ помѣстилъ любопытныя статьи „О курганахъ, господствующихъ въ москов. губ.“ и „Изслѣдованіе кургановъ москов. губ. въ 1863 и 1864 гг.“ И въ то-же самое время, будучи сыномъ своей родины, удѣлялъ онъ время на разработку вопросовъ, касающихся Малороссіи, особенно тогда, когда сталъ онъ издавать въ Москвѣ „Газету Гатцука“ (съ 1875 г.), гдѣ постоянно можно было встрѣтить статьи, о произведеніяхъ разныхъ авторовъ на малорусскомъ нарѣчіи. Десятью годами ранѣе этого изданія газеты началъ онъ издательство одного изъ самыхъ распространенныхъ въ свое время календарей—„Крестнаго Календаря“. Но ни то, ни другое изданіе, не смотря на то, что расходились они въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, не составили матеріальнаго благополучія самому издателю. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что послѣдніе годы доживалъ А. А. Гатцукъ почти въ нуждѣ, что тоже можно причислить не къ отрицательнымъ сторонамъ его моральнаго облика.

В. Н—ко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Отзывъ графа А. К. Разумовскаго по поводу неурожая.

Въ то время, когда постигшій многія губерніи неурожай озабочиваетъ какъ правительство, такъ и общество, и вызываетъ во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ текущимъ интересамъ, обсужденіе разныхъ мѣръ къ предотвращенію печальныхъ послѣдствій этого бѣдствія,—больше чѣмъ когда нибудь умѣстно вспомнить, какъ относились къ неурожаямъ въ прошлое время. Помѣщаемый ниже документъ заключаетъ въ себѣ отзывъ на требованія губернскаго начальства, вызванныя неурожаемъ въ Малороссіи; онъ былъ писанъ сыномъ послѣдняго гетмана, графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, который съ 1810 по 1816 годъ служилъ въ должности министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ, вышедши въ отставку, поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній—мѣстечкѣ Почепѣ, мглинскаго уѣзда, гдѣ и умеръ въ 1822 году. Документъ этотъ представляетъ тотъ интересъ, что изъ него видно, какія мѣры принимались по поводу неурожаевъ въ старину и какъ къ этимъ мѣрамъ относился бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ качествѣ помѣщика черниговской губерніи, владѣвшаго 53.000 душъ крестьянъ и несмѣтнымъ количествомъ земель. Мы списали этотъ документъ съ старинной копіи, на которой годъ не обозначенъ, но которая писана на бумагѣ, имѣющей водяные знаки: «1818». Очевидно, этотъ отзывъ могъ быть писанъ въ промежутокъ времени между 1816 г., когда А. К. Разумовскій оставилъ должность министра, и 1822 годомъ, т. е. годомъ его смерти.

Н. Шугуровъ.

Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Разумовскаго.

На требованіе господина Новгородсѣверскаго маршала дворянства Объясненіе.

Неурожай, бывшій прошлаго года въ Черниговской губерніи, не токмо привелъ въ самое бѣдственное положеніе поселянъ, но имѣлъ естественнымъ послѣдствіемъ разстройство самихъ помѣщиковъ, которые, лишены будучи доходовъ, вмѣстѣ съ оными лишились и средствъ къ поддержанію крестьянъ своихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ должно было ожидать, что губернское начальство приметъ надежныя мѣры къ избавленію жителей здѣшняго края отъ угрожаемаго разоренія; но чѣмъ справедливѣе таковое ожиданіе, тѣмъ непонятнѣе предписаніе губернскаго начальства, въ требованіяхъ гг. повѣтовыхъ маршаловъ изложенное. Обязанность пещись о крестьянахъ своихъ — есть обязанность священная, и въ настоящемъ времени конечно никакой христіанинъ не откажется, по мѣрѣ возможности, подавать руку помощи нуждающимся въ хлѣбѣ поселянамъ. Но какой помѣщикъ можетъ отвѣчать за то, что онъ до будущаго урожая будетъ въ состояніи кормить крестьянъ своихъ? и можно ли требовать съ него подписки въ томъ, что онъ непремѣнно ихъ прокормитъ? Затруднительное положеніе, въ коемъ находятся, какъ помѣщики, такъ и крестьяне, увеличивается еще требованіемъ съ нихъ государственныхъ податей, которыя въ теперешнихъ обстоятельствахъ уплатить имъ невозможно. И для уплаты сей необходима помощь помѣщиковъ; но тѣ же причины, которыя отнимаютъ у дворянъ возможность кормить крестьянъ, препятствуютъ имъ также и платить за нихъ подати. Правительству не безъизвѣстно, что постигшее здѣшній край несчастіе превратило въ ничто всѣ доходы помѣщичьи, основанные на хлѣбопашествѣ и на винокуреніи. Откуда же возьмутъ помѣщики средства къ прокормленію крестьянъ и къ уплатѣ податей, когда они сами не получили никакихъ доходовъ? Принужденная подписка, требуемая отъ дворянъ, не избавитъ отъ голода ни одного крестьянина, и угрозы, въ требованіяхъ сихъ заключенныя, не придадутъ дворянству способовъ къ достиженію всѣми желаемой цѣли. Нужда, отягощающая народъ, безъ сомнѣнія совсѣмъ иныхъ требуетъ попеченій, и я ожидалъ, что начальство къ продовольствованію здѣшняго края откроетъ источники, которые будутъ дѣйствительнѣе упомянутыхъ подписокъ и угрозъ.

Что касается собственно до меня, то я, не ожидая требованій гг. маршаловъ, принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ возмож-

ному облегченію участи крестьянъ. Не получивъ никакихъ доходовъ, я принужденнымъ нашелся занять значительныя суммы для покупки дорогими цѣнами и въ отдаленныхъ мѣстахъ хлѣба; но при всемъ томъ я никакъ не могу отвѣчать за то, что средства сіи будутъ достаточны, если начальство губерніи, вмѣсто ожидаемаго отъ него вспомоществованія, довольствоваться будетъ взысканіемъ податей, требованіемъ подписокъ и угрозами. Г. Алексѣй Разумовскій.

Невольная ошибка. *(Письмо въ редакцію).* Въ августовской, сентябрьской и октябрьской книжкахъ Кіевской Старины за этотъ годъ была напечатана моя статья: «Илья Ѳедоровичъ Тимковскій», сопровождавшаяся приложеннымъ къ сентябрьской книжкѣ портретомъ, на которомъ, по ошибкѣ типографіи, не было сдѣлано подписи. Теперь обнаружилось, что типографія была права въ своей ошибкѣ (хотя и не сознавала этого) и что при изготовленія портрета произошла другая, очень прискорбная для меня ошибка, о которой я считаю своимъ долгомъ разсказать.

Желая приложить къ своей статьѣ портретъ И. Ѳ. Тимковскаго и помня, что въ Новгородсѣверской гимназіи сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея, т. е. И. И. Халанскаго и И. Ѳ Тимковскаго, я, не имѣя возможности быть лично въ Новгородсѣверскѣ, отнесся туда съ письменной просьбой снять для меня фотографическую копію съ имѣющагося въ гимназіи портрета И. Ѳ. Тимковскаго. Въ отвѣтъ на эту мою просьбу, я получилъ тотъ портретъ, снимокъ съ котораго приложенъ къ сентябрьской книжкѣ Кіевской Старины.

Теперь, когда статья моя появилась въ печати, я получилъ отъ внучки И. Ѳ. Тимковскаго, О. А. Постельниковой, которой я обязанъ возможностью ознакомиться съ сообщенными въ моей статьѣ рукописными матеріалами,—извѣстіе о томъ, что единственная изъ дочерей И. Ѳ. Тимковскаго, остающаяся нынѣ въ живыхъ, Елисавета Ильинишна Андреева, по разсмотрѣніи приложеннаго къ Кіевской Старинѣ портрета, нашла, что это—портретъ не отца ея И. Ѳ. Тимковскаго, а ея дѣда—Ив. Ив. Халанскаго.

Изъ этого видно, что при исполненіи моей просьбы, о которой я упомянулъ выше, въ Новгородсѣверскѣ перепутали одинъ портретъ съ другимъ и что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, который именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тим-

ковскаго и который—И. И. Халанскаго, благодаря чему я и впалъ въ невольную ошибку.

Желалъ бы, по мѣрѣ возможности, исправить эту ошибку и чувствую, что исправленіе должно быть двоякое: вмѣсто портрета, ошибочно приложеннаго къ моей статьѣ, надо дать дѣйствительный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго; а съ другой стороны, такъ какъ вслѣдствіе описанной ошибки Кіевская Старина дала своимъ читателямъ портретъ И. И. Халанскаго и такъ какъ это былъ тоже не безполезный дѣятель, то нужно познакомить читателей Кіевской Старины съ личностью этого человѣка. Постараюсь со временемъ исполнить это, если не встрѣтится къ тому какихъ нибудь препятствій.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Н. Шугуровъ.

Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ". (1749 г.). Любопытный документъ для характеристики существовавшихъ въ Кіевѣ отношеній къ пріѣзжавшимъ изъ-за Днѣпра малороссіянамъ представляетъ слѣдующее доношеніе войск. товарища Федора Михайловскаго въ Ген. Войск. Канц. отъ 28 генваря 1754 г.

«Минувшаго 1749 году в августѣ мѣсяцѣ, будучи я нижайшій при Г. Войск. Канц. во услуженіи, ѣздилъ въ г. Кіевъ по нѣкоторой моей нуждѣ, гдѣ без жадной моей причини сентября 4 тамошней кіевской столникъ капитанъ Максимовъ, спискавъ мене к себѣ, арестовалъ у мене шпагу (коей цена восемъ рублей), да того жъ сентября 4-го кіев. полиціи полицемейстеръ (кой ннѣ от той должности уже в отставке) Якимъ Кононовъ сынъ Литвиновъ, без жадного жъ резону наславъ до мене на квартеру солдатъ шесть человѣкъ и одобравъ от мене имѣючійся пашепортъ, взявъ под караулъ, держа под онимъ стращалъ боемъ, и не випуская никуда з полиціи приказивалъ писару полицемейстерскому Тимофей Астровитину, что ежели би я, сколко онъ полицемейстеръ требуетъ отъ мене, денегъ ему не далъ, то би держалъ за крепчайшимъ карауломъ в тюрмѣ з ворами и разбойниками; от якого его Литвинова нападка я не могучи спастися и что безвинно мучитъ подъ карауломъ, того жъ сентября 5 принужденъ билъ ему дать денегъ двадцять рублей, чарку серебранную позлочивану рублей въ шесть, а писару Астровитину денегъ рублей восемъ. И тако оние Литвиновъ з писаремъ мене ограбивши и паше-

портъ мой подписавъ для возвращенія моего обратно с Кіева и приложа къ оному печать первѣе било 10 сентября отпустилъ, а потомъ подъ карауломъ же отправилъ еще в кіево-губернатскую канцелярію, куди егда мене привели, и я, уповая что тамо получу себѣ защищеніе, егда сталъ секретару Фотѣеву вышепоказанную мою обиду представлять, то не точію въ защищеніе себѣ ничего не получилъ, но еще и оной секретаръ, хотячи мене ободрать, первѣе на мене сказивалъ: напрасно де тебе столникъ и полицемейстеръ не осекли батожемъ, ибо де *малороссіянамъ при шпагахъ ходить не подлежитъ*; а потомъ требовалъ и оной секретар отъ мене в прибитокъ себѣ троихъ лошадей, сказивая жъ, что ежели б я ему не далъ, то и тамо по вышеписанному жъ под карауломъ держать прикажетъ, от которого уже секретарева грабителства заледви я освободился. По той моей обидѣ за прибитіемъ в Глуховъ тогда жъ въ г. войск. канц. поданнимъ челобитьемъ я нижайшій протестовалъ. А нинѣ в. г. к. всенижайше прошу за вишепоказанную мою обиду з вишеозначеннихъ обидителей столника Максимова и бившого полицемейстера капитана Кононова, кои оба и ннѣ в Кіевѣ обрѣтаются, учинить по указамъ и малороссійскимъ правамъ милостивое опредѣленіе».

Съ прописаніемъ всего этого доношенія изъ в. г. к. писано было отъ имени гетмана къ Костюрину объ изслѣдованіи и учиненіи «обиженному достойной сатисфакціи» и о возвращеніи заграбленнаго, но какой результатъ это имѣло—неизвѣстно.

А. А.

Вздорожаніе хлѣба въ Кіевѣ въ 1765 году[1]. Осенью 1765 года въ Кіевѣ оказался значительный недостатокъ въ привозѣ хлѣба и дороговизна его, на что обратила вниманіе кіев. губ. канцелярія и постановленіемъ своимъ отъ 27 сентября рѣшила потребовать отъ кіевскаго магистрата, отъ духовной консисторіи и Кіево-Печерской Лавры (такъ какъ много ближайшихъ къ Кіеву селъ находилось во владѣніи монастырей) объясненія—«отчего бъ въ самое нынѣшнее удобное для продажи нового хлѣба время такая дороговизна быть могла».

---

[1]) 1765 г. Дѣло о оказавшейся въ Кіевѣ въ хлѣбѣ дороговизнѣ и недостаткѣ и что о томъ куда надлежало писано.

Архимандритъ Зосима отвѣчалъ, что де «въ лаврскихъ около Кіева состоящихъ маетностяхъ по справкамъ оказывается хлѣбъ ржаной отъ прошлогодного въ урожаи и въ вымолотѣ плохшой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и градомъ не мало выбитъ, съ которого и вовся сѣмени не вымолочивается; при продажи жъ оному здѣсь цена подвишена не инако уповать, какъ по причинѣ происходящихъ о недородѣ и въ другихъ мѣстахъ хлѣбномъ извѣстій, такъ и посему что оному хлѣбу чутъ ли есть теперь изъ заграничныхъ мѣстъ противъ прежнего свободній пропускъ, откуду такъ нескудной прежде бывалъ привозъ, что всѣ здѣшніе, а немало и сторонные жители покупкою довольствовались, ибо зъ малороссійскихъ сегобочныхъ мѣстъ осенню рѣдко кто къ продажи хлѣбъ привозить охотиться, зъ заднѣпрскихъ же мѣстъ, хотя бы и изобильной урожай былъ, вовся привозу теперь не бываетъ, а привозятъ по настоящей зимней дороги».

Духовная консисторія, на основаніи полученныхъ ею репортовъ, сообщала, что де «нынѣшного года урожай хлѣба въ вотчинахъ монастырей кіевскихъ былъ въ иныхъ мѣстахъ добръ, въ иныхъ средственъ, въ иныхъ же весьма плохъ, а въ нѣкіихъ градъ повыбывалъ, а дороговызна какъ отъ того жъ неурожая, такъ и что многіе разныхъ полковъ малороссійскихъ люди, въ коихъ послѣдовалъ неурожай хлѣба, покупаютъ оной въ Кіевѣ, бываетъ».

Магистратъ, послѣ учиненной среди пріѣзжихъ людей справки, 17-го октября донесъ, что «оному хлѣбу возвышается цена зъ нижеписанныхъ причинъ: 1) въ малороссійскихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ урожай хлѣба не токмо противъ давныхъ но и противъ прошлогодного худшій былъ, ибо оной хотя на зерно умолотной, но рожь была рѣдкая, а за границею въ польской области хотя и противъ прошлогодного рожь урожаемъ была, точію въ многихъ мѣстахъ градомъ выбито, 2) предъ симъ, ѣдучи съ хлѣбомъ на продажъ хотя изъ самихъ ближайшихъ заграничнихъ мѣстъ въ Кіевъ, выстоевали карантину по тры дни, а на четвертой уже день выпускаеми бывали, и то не малимъ препятствіемъ возкы оного хлѣба въ Кіевъ следовало; 3) пріѣзжаючіе зъ разныхъ заднѣпрскихъ мѣстъ многіе разного званія люде сухимъ и воднимъ путемъ, дубами, байдаками и возами, разнообразно тайнимъ и явнымъ образомъ, не точію въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ, но и не допуская къ городу на пути въ многихъ мѣстахъ покупаютъ хлѣбъ и тѣмъ оному цѣну возвышаютъ; 4) самимъ же главнимъ препятствіемъ возки оного хлѣба въ Кіевъ было и нынѣ состоитъ, что привезъ въ Кіевъ хлѣбъ продаютъ на мѣдние

деньги, кои повезъ за границу тамо оныхъ медныхъ денегъ ни за что употребыть не могутъ, а сребнихъ денегъ за рубежъ въ силу указовъ не пропускаютъ».

А. А.

Къ объясненію одной колядки. Въ янв. книжкѣ «Кіевской Старины» 1889-го года напечаталъ я колядку, записанную о. Михаиломъ Зубрицкимъ въ карпатскихъ горахъ, въ селѣ Мшанцѣ турчанскаго повѣта. На колядку эту обратилъ вниманіе и г. А. Веселовскій (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха XI — XVII стол.). Въ своей замѣткѣ къ тексту этой колядки я высказалъ предположеніе, что въ составъ ея вошли два мотива: 1) о чудесномъ построеніи церкви, причемъ совершенная днемъ постройка ночью проваливалась сквозь землю; параллельныя преданія у сербовъ—созданіе Скадра, у румынъ—созданіе монастыря въ Аргісъ, у поляковъ—преданіе о башнѣ семи вождей; 2) чудесное истребленіе полчищъ, покушающихся на святый храмъ. Для этого второго мотива я могу указать, м. б., непосредственный книжный источникъ. Въ львовскомъ изданіи извѣстнаго и въ Червоной Руси очень популярнаго сочиненія Іоанникія Голятовскаго «Ключъ разумѣнія» прибавлено при концѣ описаніе чудесъ Пресв. Богородицы. На листѣ ѓли (138) мы читаемъ: «Чудо пе҃. Року ҂ахл. Гды едного часу войско полское приступило подъ монастырь Печерскій и хотѣло его збурити, чуючи, же тамъ Шулга полковникъ з рицерствомъ запорозкимъ знайдуется, в той часъ Пресвятая Богородица манастырь свой отъ небезпеченьства оборонила, бо за еи предстательствомъ огнистый дожчъ спалъ з неба на войско польское и одогнал его от монастыря Печерского, що потымъ сами ляхове и нѣмцы которыи были зъ ними, повѣдали. Надъ тымъ войскомъ Бутлеръ и Жолтовскій были преложоными.

Предоставляю спеціалистамъ историкамъ провѣрку историчности этого разсказа, и только замѣчу, что, по моему мнѣнію, вторая половина колядки основана не на чемъ другомъ, какъ на этомъ разсказѣ. «Ключъ разумѣнія» былъ настольной книгой у священниковъ въ карпатскихъ горахъ, гдѣ до сихъ поръ нерѣдко попадаются его экземпляры.

Миронъ.

Стихи на Рождество Христово. Школьная поэзія прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, излюбленными сюжетами своими сдѣлала выдающіеся годовые праздники — Рождество Христово и Свѣтлое Воскресенье. Къ этимъ моментамъ пріурочиваются и серьезной формы духовныя вирши, и болѣе легкой, веселой формы стихи, и наконецъ — почти совсѣмъ уже шутливаго тона мелкія произведеньица семинарской музы, въ которыхъ такъ характерно перемѣшивается рѣчь русская съ латинскою. Не мало извѣстно самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ на тему объ этомъ смѣшеніи языковъ въ семинарскомъ быту, когда школяры должны были всякую разговорную рѣчь свою выражать, по возможности, на латинскомъ языкѣ, и когда, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго запаса словъ, они допускали самые курьезные пріемы словообразованія, въ родѣ «пустить мене domum meam, бо за мною *subaqua* (sub aqua — подъ вода) прыйихала». Конечно, отъ этой характерной черты бурсацкаго быта исходилъ и Котляревскій, когда онъ въ своей Энеидѣ, засадивъ предварительно героевъ за изученіе латинской грамоты, заставилъ ихъ потомъ сложить знаменитое посланіе *«Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ и храбрый Троянорумъ князь»*. Отсюда же несомнѣнно ведетъ свое начало и помѣщаемое ниже маленькое стихотвореньице на Рождество Христово, любезно сообщенное намъ г. Малинкою. Это стихотвореніе записано въ одномъ рукописномъ сборникѣ разнообразнаго содержанія, относящемся къ началу нынѣшняго столѣтія; тутъ находятся и оды, и комическія стихотворенія, и вирши, и баллады, и рѣчи на разнаго рода случаи, и стихотворенія Гулака-Артемовскаго.

Стихи на Рождество Христово.

O quantum gaudium имѣти должны nos
Hac die, qua сошелъ in terram къ намъ Христосъ,
Понеже gratiam онъ tantam сдѣлалъ съ нами,
Ut hoc exprimere non possimus словами.
Чертовскій genus весь онъ силою prostravit
Nobisque omnibus жизнь вѣчную donavit.
De hac laetitia пришелъ я вамъ сказать.
Извольте жъ mihi vos poltincam unam дать,
За что и Chrystus vos non desinet amare,
Permittet онъ васъ всѣхъ съ собою habitare.

В. Н—ко.

Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ.

Къ звѣздѣ.

Ты опять мнѣ засвѣтилась
Поднебесная звѣзда?
И съ тобой опять явилась
Благодатная мечта.

—

Ты мнѣ съ неба проглянула,
Озарила трудъ земной,
И душа опять дохнула
Лучшей жизни полнотой.

—

Но зачѣмъ блестишь такъ смутно,
Вѣковѣчная моя?
Иль возвратъ твой былъ минутной,
Иль дрожишь ты за меня?

—

О, помедли,—дай мнѣ свѣта
Наглядѣться моего!
Здѣсь такъ грустно безъ привѣта
И отвѣта твоего!

1835.

Кіевлянкѣ.

Въ альбомъ Н. П. С....тъ.

Какъ тополь стройный, возрастила васъ
Картинная краса природы здѣшней;
И ваша жизнь свѣтла, какъ утра часъ,
Цвѣтна, какъ садъ порою вешней.

—

И кажется, что никогда ее
Сіянье мирное не помрачалось,
Что чистое, какъ радость, бытіе
Лишь грустью легкой оттѣнялось.

—

Что если съ голубыхъ очей порой
Двѣ три слезы тихонько упадали,

То это небеса живой росой
Любимый цвѣтъ свой освѣжали.

—

О, пусть все та-жь, какъ въ утро, хороша
И въ полдень жизнь вамъ быть не перестанетъ;
Пусть юностью цвѣтетъ у васъ душа,
Когда и вечеръ ужъ настанетъ.

Кіевъ, 1838.

Весеннее чувство.

Какъ синее море—Днѣпровскія воды;
Какъ бархатъ зеленый—холмы и поля;
Свѣтлѣй засіяли небесные своды
И звонкая пѣснь раздалась соловья.
Все радостно, звучно, съ весною природы...
Зачѣмъ же душа унываетъ моя?
Въ душѣ воскресаютъ минувшіе годы
Весны же не будетъ уже для меня!

—

Иной она жизни давно ужъ желаетъ...
А здѣсь и природа весны не долга:
Отъ знойнаго лѣта она изнываетъ,
На свѣтлое небо найдутъ облака,
И осень природу опять развѣнчаетъ,
И землю, какъ саванъ, покроютъ снѣга...

Кіевъ.

Эти три піески нашли мы въ «Одескомъ Альманахѣ» на 1840 годъ; онѣ принадлежатъ *Михаилу Александровичу Максимовичу*, столь памятному еще многимъ. Вотъ какъ онъ пѣлъ *назадъ тому 50 лѣтъ и болѣе того!* Языкъ стихотвореній не устарѣлъ еще, но содержаніе ихъ отзывается романтизмомъ, какого въ наше время уже не встрѣтить. Въ Максимовичѣ издавна находили его современники *«хмелинку поэзіи»*,—играетъ она и въ этихъ пьесахъ, особенно во второй. Женщины вдохновляли его болѣе, чѣмъ природа, и онъ былъ любимцемъ женщинъ, по своей мягкой, говорливой, увлекательной натурѣ. *«Соловей рѣчи»* — отзывались о немъ, бывало, близкіе друзья, слушая его и зная его любящее сердце, которое никогда и никого не помянуло жесткимъ словомъ. Пусть эта черта его характера еще дольше свѣтится, чѣмъ его поэзія.

С. П.

Два рукописныхъ стихотворенія М. А. Максимовича. Въ только-что напечатанной замѣткѣ С. П. подъ заглавіемъ, «Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ» объ авторѣ ея сказано, что современники признавали въ немъ «хмелинку поэзіи». Безспорно, эта «хмелинка» была на самомъ дѣлѣ, и при томъ иногда проглядывала на свѣтъ въ довольно сильныхъ отраженіяхъ, какъ напр.: въ блистательно выполненномъ переводѣ Слова о Полку Игоревѣ на украинскую рѣчь. Хотя вообще можно замѣтить, что писатели первой половины текущаго столѣтія, ученые по призванію и по профессіи, считали себя обязанными являться время отъ времени и къ жертвеннику Аполлона, но о Максимовичѣ это приходится сказать въ особенности, т. к. проявленій его поэзіи было сравнительно очень много, какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ. Поэзія эта, частію въ свое время нашедши мѣсто въ печати, теперь почти совсѣмъ позабыта, а частію оставшись въ видѣ рукописныхъ набросковъ, сдѣланныхъ при случаѣ, мало кому была и раньше извѣстной. А между тѣмъ она почти всегда сопровождалась или проблесками серьезныхъ мыслей, или проявленіями игриваго ума, что такъ свойственно было этому талантливому дѣятелю нашей родины. Поговорить когда-нибудь поподробнѣе объ этихъ цвѣтахъ поэзіи Максимовича мы считаемъ вполнѣ умѣстной и благодарной темой; но пока что, въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ подѣлиться двумя стихотвореніями его, въ печати не бывшими, но сохранившимися въ подлинникѣ среди бумагъ, принадлежавшихъ покойному г. Щербаку, и любезно предоставленными теперь въ наше распоряженіе.

I.

26 лѣтъ тому назадъ Полтавская губернія, одновременно съ нѣсколькими другими, вступала въ новую фазу общественной жизни, благодаря вводившемуся тогда въ ней земскому строю. М. А. Максимовичъ, уже принадлежа тогда всецѣло старому поколѣнію (ему былъ 61 годъ) и живя въ отставкѣ въ своемъ хуторѣ *Михайловой Горѣ* (золотонош. у.), однако-же чуткой душой своей понялъ существо новой эры и въ хуторской тиши откликнулся стихотворнымъ привѣтомъ начинавшемуся земству. 10 Августа 1865 г. набросалъ онъ слѣдующую малорусскую пѣсню, сохранившуюся въ черновомъ видѣ, со всѣми помарками и поправками.

Пѣсня

1865 г. 10 августа. М. Г. (Михайлова Гора).

Се вже кличуть нашихъ *гласныхъ*
У Золотоношу,
Щобъ наставылы для земства
Управу хорошу.

—

У насъ гласныхъ звышъ пивсотни—
Громада стоока:
Може ясно розлычаты
Добро одъ порока.

—

Вона може разглядиты:
Хто мытець правдывый,
Хто дурысвитъ, хто пройдысвитъ,
И хто всимъ зычлывый.

Хто способный земську пользу
Свято соблюдаты,
И хто ласый людьски грошы
Соби загрибаты.

—

Дайже Боже сій громади
На земськее дило
Статы въ добрый часъ, розумно,
Праведно и смило.

—

Нехай буде въ насъ управа
Честна, не лукава;
Нехай буде нашимъ гласнымъ
И въ Полтави слава.

Передъ послѣднимъ куплетомъ былъ набросанъ еще одинъ, который почему то авторомъ перечеркнутъ; вотъ онъ:

Не дай, Боже, людей добрыхъ
Лыхимъ увъ обыду;
Не дай земство наше въ рукы
Цыгану и жыду!

II.

Живучи много лѣтъ на хуторѣ и получая очень скромную пенсію (около 750 р. въ годъ), Максимовичъ до 1872 года едва-едва сводилъ концы съ концами. Литературный заработокъ его былъ, можно сказать, ничтожный, такъ-что особенно замѣтной прибавки къ пенсіи составить не могъ. Имущества, кромѣ названнаго хуторка, совсѣмъ почти бездоходнаго, у него тогда еще не было никакого, т. к. дарованное ему на началахъ льготной покупки имѣніе въ подольской губерніи (около 400 десятинъ) стало его собственностью только послѣ празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности (1871 г.) Вотъ почему очень часто приходилось ему перебиваться кое-какъ отъ получки до получки ежемѣсячной пенсіонной порціи. Живо помню, какъ въ декабрѣ 1871 г. получилъ я отъ него письмо изъ хутора съ просьбой привезти ему на рождественскіе праздники его сына, тогда воспитанника 1-го класса гимназіи, а также захватить въ казначействѣ кіевскомъ его пенсію за два послѣдніе мѣсяца. И вотъ, когда я пріѣхалъ къ нему передъ самымъ праздникомъ, исполнивъ и то, и другое порученіе, то засталъ его далеко не въ удоб-

номъ положеніи: къ празднику приходится дѣлать усиленные расходы, а у него—какъ онъ сказалъ мнѣ—ломаннаго гроша въ домѣ не было. Вѣроятно, въ одинъ изъ такихъ моментовъ и было написано слѣдующее стихотворное письмо съ просьбой поскорѣе прислать ему разсчетную книжку для полученія пенсіи изъ казначейства.

Милостивый государь Θедоръ Θедоровичъ!

Въ градѣ Кіевѣ когда-то
Былъ, кажись, я вамъ знакомъ;
Жилъ тогда я не богато,
Нынѣ зажилъ бѣднякомъ.
Четверть вѣка пенсіономъ
На горѣ моей держусь;
Въ мартѣ я просилъ объ ономъ,
Въ маѣ жду и не дождусь.
Знать, Казенная палата
Чрезвычайно занята,
Что не шлетъ ни аттестата,
Ни разсчетнаго листа.
Красносизыя тетради
Могутъ голодомъ морить!
Повелите жъ Бога ради
Пенсіономъ ускорить!
И примите увѣренье
Въ моемъ истинномъ почтеньи,
Съ коимъ честь имѣю быть

Вашего Превосходительства покорнымъ слугою Михаилъ Максимовичъ

21 мая 1866 года
Хуторъ Михайлова Гора
Золотонош. уѣзда.

Письмо это, можетъ быть, въ чистомъ видѣ и не посланное по своему назначенію, писано было (не можемъ опредѣлить къ кому) въ минуты томительнаго ожиданья пенсіи, не получавшейся, какъ видно, нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣсто вполнѣ понятнаго въ такихъ случаяхъ тона раздраженія, у добродушнаго старика, привыкшаго уже къ своему житію съ лишеніями, явилось юмористическое посланіе, въ которомъ сквозь смѣхъ не трудно отыскать и слезы.

В. Науменко.

Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. Въ недавно изданномъ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Коципинскаго [1]), напечатано нѣсколько пѣсенъ съ присоединеніемъ замѣтки,— «изъ любимыхъ пѣсенъ князя Г. А. Потемкина; въ числѣ ихъ напечатана и извѣстная приписываемая Мазепѣ «думка»:

[1]) Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Кіевъ. 1885. 16. 148 стр.

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела дитокъ при бытій дорози...[1]),

причемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «по народному преданію (?), князь Потемкинъ страстно любилъ музыку и изящныя искусства. Онъ сочинилъ много пѣсней на южнорусскомъ языкѣ (?). Любопытно было бы имѣть ихъ собраніе и этого достигнуть, кажется, не очень трудно, потому что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ есть еще отстатки (?) съ этого времени (1778 г.), когда для принятія Императрицы и князя, лучшіе дома соревновали въ томъ, чтобъ великимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ край, доставить удовольствіе отборными оркестрами и хорами, а также—народными пѣснями и праздниками. Къ этому времени можно отнести начало хоровъ и оркестровъ у болѣе богатыхъ помѣщиковъ Малороссіи (?), что у нѣкоторыхъ и еще и доселѣ сохраняется».

Никакихъ указаній на источникъ этихъ свѣдѣній—о «любимыхъ пѣсняхъ» кн. Потемкина и о «сочиненіи» имъ пѣсенъ «на южнорусскомъ языкѣ» г. Коципинскій не дѣлаетъ и возбуждаетъ въ этомъ своемъ сообщеніи полнѣйшее сомнѣніе... Эти свѣдѣнія, заключающія въ себѣ зернышко правды, несомнѣнно преизукрашены вымысломъ людей мало знакомыхъ съ біографіей Потемкина. Зернышко правды тутъ заключается, повидимому, въ основательности преданія—о любви кн. Потемкина къ малорусскимъ пѣснямъ. Въ Морск. Сборникѣ 1861 г. (№ 9) были помѣщены замѣтки объ основаніи черноморскаго Николаева, написанныя мѣстнымъ сторожиломъ; въ числѣ этихъ замѣтокъ находится и слѣдующая: «Потемкину нравились малороссійскія пѣсни; изъ нихъ его любимая была:

На бережку у ставка
На дощици у млынка,
Купалася дивчина,
Плескалася рыбчина...“

---

[1]) Къ числу „любимыхъ пѣсень“ кн. Потемкина отнесено еще нѣсколько; между ними—и слѣдующія:

1. Болить моя головонька видъ самого чола,
Не бачыла мыленького ни теперъ, ни вчора....
2. Добре тіи ляхи чинять, що не кумаются,
Побравшися за рученьки та йдуть винчаются...
3. Ой израда, чорни брови, зрада,
Чомъ у тебе, милий, не щирая правда....

Въ богатой природѣ князя Таврическаго была и поэтическая складка; послѣдняя не могла не остановить вниманія Потемкина на музыкѣ и словахъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя приходилось ему, конечно, не рѣдко слушать во время своего пребыванія на югѣ Россіи...

А. Л.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Наука исторіи русскаго права.—Ея вспомогательныя знанія, источники и литература.—Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ. Казань. 1891. Стр. XXVIII+530. Цѣна 3 руб.

Проф. Загоскинъ далъ своей книгѣ чрезчуръ ужъ громкое названіе, которое можетъ вводить въ заблужденіе публику. Мы сами, прочитавъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его книги, думали, что будемъ имѣть *критическій* обзоръ источниковъ, литературы по исторіи русскаго права, но должны были разочароваться, увидѣвъ подъ громкимъ, многообѣщающимъ заглавіемъ только лишь библіографическій указатель, да притомъ еще, какъ оказалось, очень небрежно составленный.

Г. Загоскинъ хочетъ придти на помощь учащемуся люду. Онъ сознаетъ, что историческая литература за послѣдніе годы такъ разрослась, что масса ея начинаетъ давить спеціалиста, не говоря ужъ о людяхъ, только что начинающихъ, которые «являются, въ данномъ случаѣ, въ положительно безпомощномъ состояніи, не зная, за что взяться и гдѣ искать тѣ или другіе источники и литературныя пособія, очень часто разбросанные по спеціальнымъ изданіямъ, сборникамъ и журналамъ» (стр. IV). Поэтому-то профессоръ и хочетъ дать «*практическій*» указатель источниковъ и литературы исторіи русскаго права, а также литературы тѣхъ отраслей знанія, которыя соприкасаются съ этою наукою» (стр. III), указатель, который бы служилъ, такъ сказать, путеводителемъ для лицъ учащихся и приступающихъ къ изученію исторіи русскаго права.

Цѣль, безъ сомнѣнія, благая. Какъ же она выполнена?

Намъ кажется, что изъ того, что указатель долженъ быть *практическимъ*, само ужъ собой вытекаетъ требованіе, чтобы онъ былъ и

систематическимъ, т. е. чтобы пользующійся имъ сразу могъ бы отличить главное отъ второстепеннаго, менѣе важное отъ болѣе существеннаго; иначе, что жъ это будетъ за *практическій* указатель, гдѣ самому пользующемуся имъ предоставляется изъ массы разныхъ, по достоинству, сочиненій выбрать себѣ по вкусу, любое? Второе требованіе, которое бы мы предъявили къ *практическому* указателю— это, чтобы онъ содержалъ въ себѣ *только лишь наиболѣе цѣнные и важнѣе труды по извѣстнымъ вопросамъ* и исключалъ всѣ тѣ сочиненія, цѣнность которыхъ завѣдомо-сомнительна:—вѣдь *практическій* указатель нуженъ не для спеціалистовъ, а для учащихся и лицъ, только-что приступающихъ къ изученію.

Къ сожалѣнію, проф. Загоскинъ упустилъ изъ виду эти требованія, какъ намъ кажется, логически вытекающія изъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ, во-первыхъ, принялъ не систематическій, а *хронологическій* порядокъ въ своемъ указателѣ, и, во-вторыхъ, внесъ въ него много такого, чему совсѣмъ не мѣсто въ *практическомъ* указателѣ. На болѣе частные недостатки труда мы постараемся указать ниже и увидимъ, что они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ небрежно относился къ своей задачѣ авторъ.

«Въ предѣлахъ каждой изъ частныхъ рубрикъ своего труда я, говоритъ проф. Загоскинъ, остановился не на алфавитномъ, но на хронологическомъ порядкѣ размѣщенія ссылокъ на пособія, источники и литературу, (о систематическомъ порядкѣ размѣщенія авторъ, очевидно, и не думалъ), считая этотъ (хронологическій) порядокъ болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи; при такомъ порядкѣ размѣщенія матеріала, пользующійся книгою имѣетъ предъ глазами, такъ сказать, наглядную исторію литературной разработки каждаго даннаго вопроса и *имѣетъ возможность сразу остановиться на новѣйшихъ трудахъ въ области этого вопроса*» (стр. VIII).

Признаемся, мы не совсѣмъ ясно понимаемъ логическій ходъ мыслей автора, и хронологическій порядокъ намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ для одного лишь составителя, а ужъ никакъ не для пользующагося указателемъ: при такомъ порядкѣ человѣкъ все-таки предоставляется на произволъ самому себѣ. Для человѣка, начинающаго самостоятельно заниматься, важна прежде всего не исторія разработки извѣстнаго вопроса, а важно найти источникъ, черпая изъ котораго, онъ могъ бы получить болѣе точныя и ясныя свѣдѣнія о томъ или другомъ вопросѣ. Напечатанныя нами курсивомъ слова автора даютъ поводъ думать, что онъ раздѣляетъ пред-

разсудокъ, будто чѣмъ новѣе сочиненіе по извѣстному вопросу, тѣмъ оно лучше, а потому для автора ужъ достаточно, если человѣкъ начинающій прямо набросится на самыя новыя произведенія. Мы не раздѣляемъ такого мнѣнія и думаемъ, что для начинающаго изучать, напр., дворянство въ Россіи гораздо полезнѣе будетъ прямо взяться за трудъ проф. Романовича-Славатинскаго, появившійся въ 1870 году (№ 3028), чѣмъ наброситься сначала на новѣйшіе труды—компилятивный и довольно таки посредственный очеркъ г. Ш. въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 года (№ 3034) и труды Яблочкова (3030) и Порай—Кошица (3029), достоинства которыхъ, я думаю, хорошо извѣстны проф. Загоскину, какъ спеціалисту. Также, напр., и при выборѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права интересно, конечно, чтобы начинающій сразу остановился на курсахъ проф. Сергѣевича (71) и Владимирскаго Буданова (72), а не на курсахъ проф. Самоквасова (73) и Латкина (74), хотя они явились въ свѣтъ и позже.

Второе требованіе, которое мы предъявили къ подобнаго рода *практическимъ* указателямъ—это, какъ выше было сказано, чтобы они заключали въ себѣ *только* наиболѣе цѣнную литературу и изданіе памятниковъ, которые не сбивали бы съ толку людей начинающихъ. Въ такихъ указателяхъ, которые вовсе и не предназначаются для спеціалистовъ, нѣтъ надобности указывать, напр., произведенія прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, потерявшія всякую цѣну и всякое научное значеніе и имѣющія въ настоящее время чисто ужъ библіографическій интересъ, какъ напр., Русская исторія С. Глинки (347) или «Духъ россійскихъ государей Рюрикова дома» Я. Орлова и пр. (348).

Жаль также, что проф. Загоскинъ вноситъ въ свой *практическій* указатель изданія памятниковъ и литературу, непригодность которыхъ *именно для практическаго употребленія* давно ужъ признана спеціалистами. Такъ, напр., у него въ числѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права мы встрѣчаемъ курсъ М. М. Михайлова (67)[1]), лекціи по исторіи русскаго законодательства Бѣляева (70)[2]) или, наконецъ изданіе Русской Правды (975), Псковской и Новгородской судныхъ Грамотъ (1093) Гинцбурга, которое просто разсчитано на довѣрчивость учащейся публики съ цѣлью вы-

---

[1]) *М. Ф. Владимидскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права стр. 9.

[2]) *его-же* разборъ „Лекцій" Бѣляева въ Кіев. Унив. Изв. 1879 г.

годнаго гешефта [1]) и т. д. Мы не знаемъ, зачѣмъ понадобилось г. Загоскину указывать различныя изданія тѣхъ памятниковъ, которые есть въ Христоматіи проф. Владимирскаго Буданова. Достатоточно было указать на эту христоматію, которую вѣдь обязательно нужно имѣть всякому занимающемуся исторіей русскаго права, и учащійся зналъ бы самое научное изданіе памятниковъ, не сбивался бы съ толку разными гг. Гинцбургами и имѣлъ бы указаніе изданій памятниковъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе полное, чѣмъ мы это находимъ у проф. Загоскина.

Кромѣ указанныхъ, такъ сказать, общихъ недостатковъ, лежащихъ въ самой системѣ изданія, въ трудѣ г. Загоскина есть много и другихъ, зависящихъ ужъ отъ личныхъ свойствъ автора, его небрежнаго отношенія къ дѣлу и дѣлающихъ его указатель совсѣмъ непригоднымъ для *практическаго* употребленія.

Отъ составителя *практическаго* указателя мы склонны требовать, во первыхъ, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу съ солидной подготовкой *по всѣмъ* тѣмъ вопросамъ, по которымъ хочетъ руководить людей начинающихъ, а во вторыхъ, чтобы составитель, внося книги въ свой указатель, зналъ, что онъ вноситъ, а не судилъ бы о книгахъ по одному только заглавію.

На стр. 360—362 помѣщенъ, напр., отдѣлъ *козаки*, и подъ этимъ именемъ соединены самыя различныя категоріи ихъ,какъ будто бы нѣтъ никакого различія между козаками малорусскими, донскими, кубанскими, уральскими. Отдѣлъ напр., «Малороссія и среднее поднѣпровье (?)» носитъ также слѣды недостаточнаго знакомства съ предметомъ и составленъ, очевидно, такъ, по наитію свыше. Не приведена *ни одна* монографія Костомарова по исторіи южной Руси, за то названъ П. Кулишъ «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (№ 2423); названа сомнительнаго достоинства книга Токмакова о Мглинѣ (2420) [2]), и обойдены молчаніемъ очень многія монографіи проф. В. Б. Антоновича, статьи А. М. Лазаревскаго и пр.

Намъ, конечно, скажутъ, что наши требованія не по силамъ одному человѣку, Мы согласны съ этимъ; но тогда—зачѣмъ же браться за непосильный трудъ? Труды, подобные задуманному г. За-

---

[1]) Непригодность изданій г. Гинцбурга для практическаго употребленія была указана проф. *М. А. Дьяконовымъ* въ „Библіографѣ"; г. *П. Г.* въ „Кіевской Старинѣ" и затѣмъ въ рецензіи въ „Русской Мысли" 1888 года.

[2]) См. рецензію *А. Л.* въ „Кіевской Старинѣ" 1889 г.

госкинымъ, могутъ быть продуктомъ только коллективной работы, а потому мы и удивляемся смѣлости, съ какой нашъ авторъ взялся за разрѣшеніе трудной, широко и, нужно сказать, вѣрно имъ намѣченной задачи. Что она оказалась не по силамъ г-ну Загоскину—въ этомъ приходится убѣждаться на каждомъ шагу. Почти въ каждомъ отдѣлѣ можно найти сочиненія, которыхъ составитель указателя, очевидно, никогда и въ глаза не видалъ, а между тѣмъ *рекомендуетъ* лицамъ начинающимъ. Оказывается, напримѣръ, (horribile dictu!) что *три* Филарета писали у насъ Исторію Русской Церкви—рижскій, черниговскій и Гумилевскій (№ 4338—4340 и указатель именъ стр. 523), тогда какъ извѣстно, что это было одно лицо. Та же исторія повторяется и съ извѣстнымъ митр. Макаріемъ, этимъ Карамзинымъ исторіи русской церкви. Вмѣсто одного Макарія опять являются *три* Макарія—Литовскій, Булгаковъ и митрополитъ (стр. 512), и опять оказывается, что *два* Макарія писали Исторію Русской Церкви (4341 и 4343). Эти факты свидѣтельствуютъ, какъ легко и небрежно г. Загоскинъ относился къ своей симпатичной задачѣ [1]).

Общій характеръ труда г. Загоскина отразился и на группировкѣ литературы, такъ-какъ эта группировка во многихъ случаяхъ оказывается неудачной и показываетъ, какъ трудно группировать книги, руководствуясь одними только заглавіями ихъ. Въ указателѣ г. Загоскина есть особый отдѣлъ «библіографія» (стр. 82—97), а между тѣмъ почему то библіографическіе обзоры трудовъ Соловьева (36), Костомарова (42), К. Н. Бестужева-Рюмина (Козеко) (45) попали въ отдѣлъ «Обзоръ трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей» на ряду съ некрологами и такими статьями, какъ проф. Шпилевскаго о Карамзинѣ (35), «Памяти Кавелина, Градовскаго» (№ 44, 46) и др. Непонятно для насъ, почему въ тотъ же отдѣлъ попала статья Н. Ланге «Древнее русское право въ Исторіи г. Костомарова» (41)? [2]). Въ отдѣлѣ объ артеляхъ (стр. 220—221) вы не найдете, напр., сочиненія Исаева или нѣкоторыхъ статей Сазонова, а должно искать ихъ въ обязательственномъ правѣ (догадайтесь-ка!). Сочиненіе В. И. Семевскаго «Крестьянскій *вопросъ* въ Россіи» ужъ по самому заглавію, кажется, не при-

---

[1]) Тѣмъ же думаемъ объясняется и предположеніе г. Загоскина, будто бы Иванъ Энгельманъ писалъ о ливонской исторіи (607), а Августъ Энгельманъ „о пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву“ (3911).

[2]) Справедливость требовала бы привести здѣсь же и отвѣтъ Костомарова— Моя „Русская исторія“ предъ судомъ критика въ „Русск. Вѣстн.“—„Вѣст. Евр.“ 1876 г. сентябрь.

надлежитъ къ рубрикѣ «Крестьяне въ XVIII и первой половинѣ XIX ст.», и его нужно отнести къ слѣдующей рубрикѣ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи (стр. 351—352)» и т. д.

Къ числу недостатковъ труда г. Загоскина мы относимъ и часто совсѣмъ *случайное* упоминаніе источниковъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ, причемъ трудно бываетъ судить, чѣмъ руководствовался въ данномъ случаѣ составитель. Источники русской исторіи до XVIII вѣка выдѣлены въ отдѣльную группу, тогда какъ для XVIII в. почему-то это не сдѣлано; упоминанія о нихъ вообще очень скудны, и они приводятся на ряду съ изслѣдованіями. Здѣсь опять для насъ недоумѣніе—почему авторъ счелъ нужнымъ упомянуть письма леди Рондо (2827), дневникъ Храповицкаго (2840), сочиненіе Гельбига (2846), имѣющіе значеніе для характеристики придворной жизни, и обошелъ молчаніемъ такіе мемуары, какъ Болотова, Шаховскаго, Добрынина, Державина, Мертваго и др., характеризующіе русскую общественную а также и бюрократическую жизнь XVIII в. и часто имѣющіе прямое отношеніе къ *исторіи* права.

Есть и существенные пропуски въ трудѣ г. Загоскина. На нѣкоторые изъ нихъ мы указывали ужъ выше. Мы не нашли также соч. И. Е. Энгельмана—Die Leibeigenschaft in Russland и его же обзоръ русскаго государственнаго права (Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland); монографіи по исторіи Западной Руси В. Б. Антоновича, статьи проф. Н. П. Дашкевича о Литовско-русскомъ государствѣ (Кіев. Унив. Изв. 1882—1884). Въ отдѣлѣ о земскихъ соборахъ не названа статья проф. Владимирскаго-Буданова (Кіев. Унив. Изв. 1875 г. № 10), которая имѣла большое значеніе въ дѣлѣ установленія правильнаго взгляда на земскіе соборы. Г. Загоскинъ забылъ также упомянуть о трудахъ государственниковъ—С. М. Соловьева (Шлёцеръ и антиисторическое направленіе—въ Рус. Вѣст. 1857 г.) и Б. Н. Чичерина (о Народномъ представительствѣ). Если ужъ нужно было упоминать о статьяхъ профессора Павлова (2412), то нельзя пройти молчаніемъ такихъ статей покойнаго А. П. Щапова, какъ «Великорусскія области и смутное время» (Отеч. Зап. 1871 г.), «Земство и расколъ», «Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 года» (От. Зап. 1862 г.), «Соборъ 1642 г.» (Вѣкъ 1863 г.). Не смотря на свое увлеченіе «общинностью», Щаповъ часто очень вѣрно смотрѣлъ на древне-русскую жизнь и соборы, и его взгляды не безслѣдно прошли въ русской литературѣ.—Объ Екатерининской коммиссіи литература указана довольно подробно, хотя и здѣсь есть, правда,

очень незначительные пропуски, сравнительно, напр., съ литературой, указанной у М. Липинскаго (Жур. М-ва Народ. Просв. 1887 т. ч. 251).—Добавимъ брошюру Авсѣенка «Малоросія въ 1767 г.,—рядъ статей И. В. Теличенка въ Кіевской Старинѣ 1890 и 1891 г. и статьи г. Абрамова въ «Сѣверн. Вѣст.» 1886 года, представляющія очень хорошій обзоръ «сословныхъ нуждъ, желаній и стремленій въ эпоху Екатерининской коммиссіи». Не мѣшало бы также при сочиненіяхъ, вызвавшихъ обстоятельныя рецензіи, указывать эти послѣднія. Г. Загоскинъ иногда это и дѣлаетъ (напр. №№ 2874, 2875, 3911, 3915 и др.), но, къ сожалѣнію, далеко не всегда, а между тѣмъ такія рецензіи часто въ значительной степени дополняютъ изслѣдованія, а иногда служатъ и немаловажнымъ къ нимъ коррективомъ. Таковы напр. рецензіи проф. Владимирскаго-Буданова въ Кіев. Унив. Изв., Сборн. Государ. Знаній, Журн. М-ва Нар. Пр., проф. Иконникова въ Кіев. Унив. Изв. и Сборн. Госуд. Зн., Дитятина и Ковалевскаго въ «Критическомъ обозрѣніи и др.

Мы, конечно, не беремся указывать всѣхъ, хотя бы только и суественныхъ пропусковъ, которые можно встрѣтить въ трудѣ г. Защгоскина. Думаемъ, и указанныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что и въ этомъ отношеніи разбираемая работа не безъ грѣха. Со временемъ еще разъ придется внимательно провѣрять всю литературу, если только понадобится повторить изданіе г. Загоскина. Много тогда придется еще сдѣлать. Нужно будетъ провѣрить и дополнить указанія, чтобы не рекомендовалось читателю искать «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» Костомарова въ рѣдко встрѣчающемся теперь журналѣ «Основа» (2260), а было бы указано, что статью эту можно найти и въ I т. Монографій; надо будетъ указать также, что статьи А. Я. Ефименко не только разбросаны по разнымъ журналамъ, но что онѣ изданы и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Изслѣдованія народной жизни» и т. д. Нужно будетъ различные отдѣлы книгъ указать подъ различными рубриками (иногда это и дѣлаетъ г. Загоскинъ ср. 2355, 2378, 2826 и др.), а то кто изъ начинающихъ догадается, что въ «Юридическихъ древностяхъ» проф. Сергѣевича онъ найдетъ вопросы о холопствѣ, крестьянствѣ, о различныхъ классахъ населенія, объ образованіи территоріи и пр.? Вообще много кой-чего придется сдѣлать, чтобы указатель г. Загоскина сдѣлался *практическимъ*. Его нужно будетъ передѣлать *кореннымъ образомъ*, и такая работа вполнѣ удовлетворительно, повторяемъ, можетъ быть выполнена не однимъ человѣкомъ, а только лишь совокупными усиліями

спеціалистовъ. *Практическій* указатель по исторіи русскаго права намъ очень нуженъ. Желательно по этому, чтобы спеціалисты взялись за его составленіе и осуществили мысль г. Загоскина.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны г. Загоскину за постановку вопроса объ указателѣ. *Его трудъ, правда, мы не будемъ рекомендовать лицамъ начинающимъ,* — *для нихъ онъ вовсе непригоденъ,* —но, какъ справочная книга для спеціалиста, онъ далеко не безполезенъ, на ряду съ другими указателями гг. Межова, Ламбиныхъ или же каталогами Глазунова, Чичинадзе; цѣна только *три* рубля—очень высокая. W*.

Regestr złoczyńców Grodu Sanockiego 1554—1638. Wydał Oswald Balzer (Materyały historyczne, wyd. Towarzystwa historycznego we Lwowie, tom. I). Lwów, 1891. стр. 264.

Изданные до настоящаго времени памятники уголовнаго процесса въ русскихъ областяхъ былой Польши весьма немногочисленны и до крайности разбросаны; поэтому нельзя не признать удачною мысль г. Бальцера познакомить публику съ содержаніемъ т. наз. «реестра преступниковъ», сохранившагося случайно въ львовскомъ архивѣ гродскихъ и земскихъ актовъ (книги подъ № 447 и 448) и составленнаго въ свое время при гродскомъ Саноцкомъ судѣ. Въ реестрѣ всего 155 записей, представляющихъ собою краткій отчетъ о показаніяхъ, данныхъ подсудимыми на пыткѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ о всемъ ходѣ судебной процедуры, начиная съ жалобы истца и оканчивая казнью или освобожденіемъ подсудимаго. Первое указаніе на обязательное веденіе протокольныхъ записей этого рода въ гродскихъ судахъ относится къ началу XVI в.; это тѣ же «черныя книги» литовскаго статута по третьему изданію. Обычай веденія книгъ этого рода сохранился почти до конца Рѣчи Посполитой и вслѣдъ за гродскими былъ усвоенъ также и судами мѣщанскими или нѣмецкаго права. Такъ какъ акты «реестровъ» представляли интересъ временный и вслѣдъ за казнью преступника теряли большею частью всякій интересъ для прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, то книги «реестровъ» хранились небрежно или даже уничтожались, къ великому ущербу для разработки исторіи мѣстнаго уголовнаго процесса и права. Изданные нынѣ г. Бальцеромъ акты подтверждаютъ послѣднюю мысль до очевидности.

По содержанію своему записи настоящаго реестра представляютъ или изложеніе всего хода процесса, или протоколъ показаній подсудимаго на пыткѣ (testamentum), или то и другое разомъ. По происхожденію, акты «реестра» дѣлятся на двѣ группы: протоколы саноцкаго гродскаго суда и выписи изъ такихъ же реестровъ судовъ иногородныхъ или иноземныхъ, внесенныя въ мѣстныя книги по требованію заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Обычай внесенія въ саноцкія книги иноземныхъ, именно, венгерскихъ актовъ, объясняется тѣмъ, что вся организація воровскаго дѣла (и прежде всего похищенія скота) въ краѣ основана была на сбытѣ краденаго имущества въ Венгрію и обратной продажѣ его по низкимъ цѣнамъ въ Польшу. Потерпѣвшему приходилось большею частью искать управы въ судахъ обоихъ государствъ; иногда составлялись для этого и смѣшанные польско-венгерскіе суды (акты № 119 и 121, г. 1608). Но главный интересъ представляютъ внесенныя въ реестръ записи изъ книгъ сельскихъ судовъ, такъ какъ онѣ даютъ понятіе объ организаціи и кругѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ. Такихъ выписей имѣется въ реестрѣ 17, въ періодъ времени 1569—1618 г. Въ селахъ, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ, судитъ войтъ или солтысъ и присяжные или лавники. Такой судъ носитъ названіе «prawo gaine» или «zagajone», право «вѣрное», «полное», право и судъ «полные», «обычные». Иногда рядомъ съ войтомъ засѣдаютъ семь присяжныхъ представителей данного села; въ исключительныхъ случаяхъ, участвовали присяжные отъ двухъ селъ одновременно. Показанія преступника на пыткѣ отбирались либо въ присутствіи войта и двухъ присяжныхъ, либо одного или двухъ присяжныхъ безъ войта. Важная роль въ сельскомъ судѣ принадлежала «пану», т. е. владѣльцу или собственнику села. Всѣ приговоры суда скрѣпляются подписью и печатью пана и составляются какъ-бы отъ имени и по уполномочію послѣдняго; отсутствіе подписи «пана» опорочиваетъ подлинность акта. Судъ отправляется обыкновенно въ панскомъ дворѣ; захваченнаго преступника представляютъ туда-же. Панъ можетъ отмѣнить собственною властью приговоръ сельскаго суда или измѣнить мѣру наказанія, напр.—наложить денежную пеню вмѣсто назначенной судомъ смертной казни. Такимъ образомъ, судя по актамъ «реестра», средневѣковая форма автономнаго суда на нѣмецкомъ правѣ въ указанномъ періодѣ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, и сельскій судъ постепенно переходитъ въ патримоніальный, помѣщичій. Нерѣдко въ судѣ участвуютъ еще и особые ассесоры, нѣчто въ родѣ свидѣтелей,

безъ права рѣшающаго голоса, крестьяне или шляхта—безразлично. Иногда въ составѣ суда находятся представители старостинской или градской юрисдикціи (1569 г.), еще чаще—возные публичныхъ судовъ или поставленные тѣмъ же паномъ. Возные заносили по обычаю въ саноцкій «реестръ» акты сельскаго суда, въ которомъ принимали участіе. Компетенція сельскаго суда не ограничивалась крестьянами только своего села: каждый «крестьянинъ», владѣльческій или королевскій, могъ быть судимъ въ любомъ сельскомъ судѣ. Рѣшающее значеніе имѣло повидимому мѣсто совершенія преступленія или задержанія преступника. Впрочемъ, предѣлы юрисдикціи суда сельскаго и гродскаго, какъ видно изъ актовъ, не были строго разграничены.

Что касается предѣловъ юрисдикціи суда гродскаго или старостинскаго, то рѣшающимъ моментомъ служило мѣсто задержанія преступника: всѣ задержанные въ округѣ саноцкаго староства могли быть судимы саноцкимъ гродскимъ судомъ, также какъ и мѣстнымъ сельскимъ. Коллизія между двумя юрисдикціями не подлежитъ сомнѣнію и не могла быть разрѣшена по роду преступленій, такъ какъ компетенція обоихъ судовъ въ данное время была одинакова. Законодательство, пытавшееся въ XV в. точно опредѣлить границы старостинской юрисдикціи, въ XVI в. видимо стремится расширить ея предѣлы въ ущербъ мѣщанскихъ и сельскихъ судовъ нѣмецкаго права, стремится подчинить судъ патримоніальный суду старосты, какъ представителя общегосударственныхъ интересовъ, но попытка ограничить права въ этомъ отношеніи подольской шляхты (1567 г.) вызываетъ протестъ послѣдней и уступку въ ея пользу. Усвоенный законодательствомъ путь компромиса, конечно, не могъ устранить неизбѣжной при этомъ путаницы, и конкуренція двухъ юрисдикцій — градской и патримоніальной — продолжалась. Впрочемъ, судя по нашимъ актамъ, сами паны нерѣдко поступались своими правами въ пользу старосты; причиной былъ, по видимому, недостатокъ въ орудіяхъ пытки, игравшихъ первостепенную роль въ современномъ уголовномъ процессѣ, неимѣніе своего палача, трудность содержанія преступниковъ во время процесса и т. п. Самая система наказаній, заимствованная изъ *Каролины*, была до крайности несложна: отсѣченіе головы, повѣшеніе, четвертованіе—такова обычная градація наказаній. Въ рѣдкихъ случаяхъ допускалась, вмѣсто казни, денежная пеня, въ отмѣну приговора сельскихъ судовъ.

Въ составѣ гродскаго суда принимали участіе представители старосты, представители суда мѣщанскаго, «паны», т. е. владѣльцы

той мѣстности, гдѣ былъ задержанъ преступникъ, и случайные ассесоры, свидѣтели. Роль послѣднихъ двухъ категорій участниковъ гродскаго суда понятна. Отъ мѣщанства представителемъ явился войтъ или его замѣститель и семь лавниковъ или присяжныхъ г. Санока. Не лишено интереса, что на протяженіи почти всего XVI в. оба элемента—старостинскій и мѣщанскій—представлены въ гродскомъ Саноцкомъ судѣ бокъ о бокъ, затѣмъ съ 1597 по 1638 г. элементъ старостинской юрисдикціи какъ будто исчезаетъ безслѣдно, такъ что затруднительно даже рѣшить съ перваго взгляда, дѣйствительно-ли мы имѣемъ дѣло съ судомъ гродскимъ, а не обычнымъ магдебургскимъ, мѣщанскимъ. Тѣмъ не менѣе, форма и самое содержаніе актовъ показываютъ, что апелляція на приговоры суда лавниковъ, записанные въ реестръ, могла быть обращена только къ старостѣ, ему-же принадлежали уголовныя пени, и лавничій судъ являлся лишь въ роли замѣстителя суда старостинскаго. Техническія затрудненія въ дѣлѣ пытокъ и казни играли въ этомъ случаѣ по отношенію къ старостинской юрисдикціи ту-же роль, что и въ отношеніи суда патримоніальнаго. Кромѣ того, польское уголовное право было слабо развито и далеко уступало въ этомъ праву нѣмецкому, какъ оно выразилось хотя бы въ саксонскомъ зерцалѣ и Каролинѣ. Старостинскій урядъ силою вещей вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію суда мѣщанскаго, и отъ первоначальной полной независимости своей въ средніе вѣка перешелъ къ компромису, въ XVI в., а затѣмъ въ первой половинѣ XVII в. устранилъ себя отъ прямаго участія въ гродскомъ судѣ, поручивъ это дѣло юристамъ лавничьяго суда. Очевидно, что такой порядокъ не могъ содѣйствовать развитію своей самостоятельной уголовной практики и уголовнаго права, роль котораго заняло право чужое, но усвоенное мѣщанами издавна благодаря нѣмецкой колонизаціи и проникшее въ села, осаженныя на нѣмецкомъ правѣ. Любопытно, что послѣдній документъ нашего реестра, 1638 года, представляетъ лишь копію изъ книгъ лавничьяго Саноцкаго суда: гродскій урядъ передалъ преступника для пытки въ лавницкій судъ, который и записалъ у себя «Testamentum». По всей вѣроятности, съ этого времени и вовсе прекратилось веденіе особаго «реестра преступниковъ» при гродскомъ Саноцкомъ судѣ.

Обрисованные выше со стороны общаго содержанія своего акты «реестра» не лишены интереса также и въ другомъ отношеніи: самый характеръ преступленій, бытовая обстановка ихъ, частности уголовнаго процесса, напр. формы присяги, приносимой «громадою»

преступника за или противъ виновности послѣдняго, уровень правосознанія суда обрисовываются данными «реестра» въ наглядной и осязательной формѣ, почему изданные г. Бальцеромъ акты дадутъ историкамъ края важный матеріалъ въ ихъ изысканіяхъ. Въ частности, укажемъ здѣсь на приведенныя въ актахъ свидѣтельства о значеніи «магарыча» (литкупъ) при переходѣ имуществъ (№ 86), особомъ костюмѣ «гетмана» воровской шайки (64), обычаѣ носить при себѣ особые талисманы (чары) противъ дѣйствія пытки, наивной вѣрѣ судей въ дѣйствіе этихъ «чаръ», не будь которыхъ пытаемый навѣрное показалъ-бы гораздо болѣе (№ 82), и т. п.

По тщательности изданія актовъ, которымъ предпослано обстоятельное предисловіе автора, настоящій трудъ г. Бальцера не оставляетъ желать ничего лучшаго. Обстоятельный именной и предметный указатель значительно облегчаетъ справки и на половину сократитъ трудъ изслѣдователей, которымъ придется пользоваться «реестромъ» для внутренней исторіи галицкой окраины. **Н. М.**

Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ). К. 1891 г. XII табл. + III и 29 стр. текста.

Наши предыдущія замѣтки о двухъ первыхъ выпускахъ Сборника вызвали у издателей цѣлую бурю негодованія. Причиной послужило то, что мы, относясь вполнѣ сочувственно къ изданію памятниковъ старины, не могли не отмѣтить въ данномъ изданіи нѣкоторыхъ несообразностей и преувеличеній при опредѣленіи времени тѣхъ или другихъ изданныхъ предметовъ. Считая имѣющими значеніе въ данномъ изданіи лишь таблицы снимковъ, мы лишь слегка коснулись текста, такъ какъ онъ представляетъ, повидимому, больное мѣсто издателей. Въ виду этого мы не входили въ детальный разборъ каждаго даннаго вопроса, и обосновывали наши возраженія на фактахъ болѣе общаго характера.

Негодованіе издателей сводится главнымъ образомъ къ обвиненію въ голословности нашихъ замѣчаній. Между тѣмъ, такъ какъ ихъ собственныя объясненія, кромѣ голаго утвержденія, что такой то, напр., крестъ относится къ такому-то вѣку, а такой-то къ такому-то, ничего не даютъ, то въ оправданіе такого способа научныхъ опредѣленій издатели приводятъ въ «предувѣдомленіи» къ настоящему

выпуску слѣдующіе мотивы: «Мы, при описаніи отдѣльныхъ предметовъ, помѣщаемыхъ въ «Сборникѣ», излагали наши предположенія и выводы, а иногда одинъ только личный взглядъ на археологическое значеніе того или другого памятника на основаніи *данныхъ, имѣющихся у насъ въ рукахъ»*.... Это, конечно,—совершенно новый способъ научной разработки вопроса по даннымъ, которыя издатели держатъ въ рукахъ, но не показываютъ. Тутъ невольно является сомнѣніе въ самомъ существованіи этихъ таинственныхъ данныхъ. Затѣмъ издатели продолжаютъ: «Поступая такъ, мы, главнымъ образомъ, руководились мыслью—вызвать оживленный обмѣнъ мнѣній путемъ основательныхъ и фактически обоснованныхъ *опровержений* нашихъ взглядовъ и выводовъ». Выходитъ, что эти «взгляды и выводы» предаются тисненію съ специальной цѣлью вызвать только лишь одни опроверженія.—Это тоже новая и оригинальная манера. Теперь вернемся къ обвиненію насъ въ голословности. По этому поводу издатели говорятъ: «оказалось, что критическая часть рецензій состоитъ изъ одного набора фразъ, въ родѣ: «мы не можемъ раздѣлить», «мы не можемъ признать», «невозможно согласиться» и т. д., причемъ достопочтенный рецензентъ ни однимъ словомъ не проговорился о тѣхъ основаніяхъ и мотивахъ, которые имъ руководили при изреченіи своихъ non passumus, а эти то основанія и составляютъ всю суть дѣла». На это мы замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ достопочтенные издатели прибѣгаютъ совсѣмъ не къ почтенному способу полемики, именно—выхватываютъ изъ фразы нѣсколько словъ, о другой же части ея умалчиваютъ. Вездѣ, хотя и вкратцѣ, мы выставляли факты, служившіе основаніемъ нашихъ заключеній [1]). Помимо такого болѣе чѣмъ предосудительнаго полемическаго пріема, и весь тонъ этихъ «нѣсколькихъ словъ по поводу рецензій нашего «Сборника», которыми издатели заключили свое «предувѣдомленіе», неумѣстенъ въ серьезномъ научномъ изданіи, каковымъ долженъ бы быть «Сборникъ».

Содержаніе настоящаго III и IV выпуска довольно обильно и разнообразно. Первыя шесть таблицъ пополнены изображеніями крестовъ и образковъ; описаніе къ нимъ составлено г. Леопардовымъ. Здѣсь нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ крестовъ, или совершенно тождественные съ ними, были раньше изланы въ первыхъ двухъ выпускахъ Сборника. Такое повто-

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1891 г., Мартъ, стр. 538.

реніе было бы умѣстно, если бы вновь помѣщаемые кресты были лучшей сохранности, на самомъ же дѣлѣ мы этого не находимъ: изображенія крестовъ также неясны, какъ и прежнія; лучше было бы замѣнить ихъ типами новыми, а таковыхъ есть еще очень много.

Первая таблица занята крестами, принадлежащими В. Б. Антоновичу. Отмѣтимъ по рѣдкости и оригинальности крестъ подъ № 1, украшенный разноцвѣтной эмалью (а не мозаикой, какъ сказано въ «Описаніи» г. Леопардова); къ сожалѣнію, у этого креста—энколпіона сохранилась только одна сторона. Далѣе слѣдуетъ крестъ № 2, т. н. корсунскій; онъ каменный съ серебряными обложками на верхнемъ и нижнемъ концѣ. По отношенію къ кресту подъ № 8 напрасно г. Леопардовъ говоритъ, что «надписаніе» въ верхней части креста, «изъ неизвѣстныхъ буквъ». Даже на довольно неясномъ снимкѣ отчетливо видны буквы I С изъ надписи I С—Х С. Изображенія, совершенно аналогичныя кресту за № 11, уже были четыре раза помѣщены въ первыхъ выпускахъ «Сборника». Здѣсь интересно прослѣдить, съ какой легкостью г. Леопардовъ мѣняетъ свои прежнія заключенія въ опредѣленіи времени крестовъ, выведенныя «на основаніи данныхъ, имѣющихся въ рукахъ»; напр., крестъ за № 11 отнесенъ къ X—XI в., въ первомъ вып. совершенно такой же крестъ—къ XII в. (табл. 4, № 29), во второмъ вып.—къ XIII в. (таб. 3, № 10) и тамъ-же другой такой же къ XIII—XIѴ в. (таб. 1, № 3). Легкость въ переходахъ поразительная! Всѣхъ крестовъ, принадлежащихъ В. Б. Антоновичу, издано 12 и., кромѣ того, еще одинъ небольшой образокъ.

Вторая таблица не представляетъ ничего заслуживающаго вниманія; на ней помѣщено 8 крестовъ, изъ которыхъ 3 въ тождественныхъ изображеніяхъ были изданы раньше; такъ, крестъ № 15 воспроизводится уже второй разъ и съ прежнимъ успѣхомъ:—изображеній на крестѣ совсѣмъ не видно. Г. Леопардовъ обращаетъ особенное вниманіе на этотъ крестъ и относитъ его «къ раннему времени христіанства» (здѣсь г. Леопардовъ высказался гораздо осторожнѣе, чѣмъ во II выпускѣ; тамъ этотъ крестъ прямо отнесенъ къ IѴ—Ѵ в.). Главнымъ основаніемъ такого заключенія для г. Леопардова послужили пальмовыя вѣтви, изображенныя по концамъ средокрестія; а такъ какъ пальмовая вѣтвь есть катакомбный знакъ побѣды, то, по мнѣнію г. Леопардова, и крестъ этотъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но г. Леопардовъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, а именно—мѣсто находки креста. Крестъ найденъ на Княжей Горѣ, черкасск. у., гдѣ также найдена масса другихъ крестовъ, изъ которыхъ многіе по

типу близко подходятъ къ данному; кресты эти относятся къ XI—XII (съ этимъ согласенъ и г. Леопардовъ); почему же именно этотъ одинъ крестъ старше другихъ на цѣлыхъ 7 вѣковъ? Фактъ довольно загадочный, и сомнительно, чтобы его удовлетворительно могли объяснить «данныя, имѣющіяся въ рукахъ» у г. Леопардова. На этой же таблицѣ крестъ № 18, отнесенный г. Леопардовымъ къ XII, совершенно одинаковъ съ крестомъ изъ перваго выпуска, гдѣ онъ отнесенъ къ X—XI в. (таб. 4, № 25), и притомъ оба креста найдены въ одной мѣстности—въ Княжей Горѣ. Тоже самое нужно сказать и о крестѣ № 21. Онъ датированъ довольно неопредѣленно, какъ «произведеніе до XIII в.», во второмъ же выпускѣ (таб. 4, № 8) такой же крестъ отнесенъ къ IX—X в. Эти оба крестика также съ Княжей Горы. Въ описаніи крестовъ второй таблицы очень ясно обнаруживается, что г. Леопардовъ при опредѣленіи времени крестовъ положительно ни на чемъ не основывается. Это очевидно изъ того, что на одной и той же страницѣ (3-й) одни и тѣ же кресты пріурочены къ совершенно разнымъ эпохамъ; такъ, крестъ подъ № 18 отнесенъ къ XII в., крестъ за № 19—къ XI—XII в., крестъ № 21—«произведеніе до XIII в.», и тутъ же, въ примѣчаніи, всѣ эти кресты оказываются «несомнѣнно близкими къ первымъ временамъ христіанства». И нужно знать, что здѣсь дѣло идетъ не о первыхъ временахъ христіанства въ Россіи, а вообще. Мы положительно отказываемся чѣмъ-нибудь объяснить эту быструю перемѣну взглядовъ.

На *третьей* таблицѣ отмѣтимъ образъ, на которомъ Іисусъ Христосъ изображенъ прямо, высокимъ рельефомъ; на оборотной сторонѣ образа есть годъ—1693. Кресты подъ №№ 23 и 24, воспроизведенные на этой таблицѣ, отчасти напоминающіе энколпіоны, но не составные, а сплошные, мы относимъ къ типу переходному (какъ это высказали уже раньше), а потому не можемъ принять опредѣленія г. Леопардова, который крестъ за № 23 относитъ къ XII—XIII в. Изъ двухъ небольшихъ образковъ, помѣщенныхъ на этой таблицѣ, интересенъ, какъ болѣе древній, за № 29. Три креста (№№ 25, 26, 27), какъ сравнительно болѣе новые и обыкновенныхъ типовъ, не представляютъ ничего особеннаго.

Таблица *четвертая* заключаетъ 3 образка, тоже болѣе или менѣе новыхъ, и 6 оборотныхъ изображеній древнихъ крестовъ.

На *пятой* таблицѣ помѣщенъ большой медальонъ иностранной работы 1536 г. съ распятіемъ на одной сторонѣ и изображеніемъ Адама, Евы и дерева съ зміемъ на другой. Тутъ же воспроизведено

нѣсколько крестиковъ изъ Дрогичина и Херсонеса, причемъ между крестиками изъ Дрогичина помѣщена также пряжка или украшеніе отъ пояса, которую г. Леопардовъ считаетъ крестикомъ.

На таблицѣ *пятой а* находятся изображенія двухъ крестовъ, маленькаго крестика—тѣльника, двухъ болѣе новыхъ образковъ и образка съ изображеніемъ Божьей Матери, на оборотной сторонѣ котораго вылитъ т. н. змѣевикъ. Одинъ изъ крестовъ—№ 36, типъ котораго «ранній, предшествовавшій XII в.», совершенно сходенъ съ двумя воспроизведенными раньше, причемъ во второмъ вып. «Сборника» такой крестъ значится относящимся къ IX—X в. (таб. 4, № 9) а въ первомъ—«ко времени до XIII в.» Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же крестъ г. Леопардовъ считаетъ несомнѣнно близкимъ къ первымъ вѣкамъ христіанства (стр. 3, примѣчаніе). Такъ какъ здѣсь уже пальмовыхъ вѣтвей нѣтъ, то обстоятельствомъ, убѣждающимъ г. Леопардова въ такой замѣчательной древности креста, служитъ изображеніе Христа въ особаго рода одеждѣ; но насколько такой признакъ убѣдителенъ, объ этомъ легко заключить, сопоставивши этотъ крестъ съ другимъ крестомъ, помѣщеннымъ въ этомъ же выпускѣ на таблицѣ 2-й подъ № 16,—крестомъ, гораздо болѣе новымъ, который самъ г. Леопардовъ относитъ къ XVI—XVII в. Какъ на томъ, такъ и на другомъ одежда на Спасителѣ совершенно одинаковая.

Относительно «Описаній» и «Объясненій» г. Леопардова замѣтимъ, что было бы гораздо полезнѣе для «Сборника», если бы эти описанія и объясненія ограничивались однимъ указаніемъ мѣста, откуда происходитъ данный крестъ или образокъ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ объ обстоятельствахъ находки.

Слѣдующій и самый интересный отдѣлъ «Сборника» составляютъ двѣ фототипическія и одна литографическая таблицы древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ. Цѣнность этихъ таблицъ заключается въ томъ, что многія изъ монетъ издаются впервые, другія же хотя и были изданы раньше, но теперь воспроизводятся съ экземпляровъ лучшей сохранности. Таблицы снабжены обстоятельными и вполнѣ научными замѣтками г. Чернева, извѣстнаго своими прежними работами по этой отрасли русской нумизматики. На таблицахъ мы находимъ два т. н. «Владимірова злата», изъ которыхъ одинъ подлинный, другой поддѣльный. Затѣмъ встрѣчаемъ двадцать «сребренниковъ» изъ замѣчательнаго клада, найденнаго въ 1876 г. въ Кіевѣ на Подолѣ. Г. Черневъ на основаніи новыхъ свѣдѣній дополняетъ тутъ же и исторію этого един-

ственнаго въ своемъ родѣ клада. Кромѣ «сребренниковъ» изъ кіевскаго клада, помѣщены изображенія четырехъ «сребренниковъ» изъ клада близъ г. Нѣжина (1852 г.). Изданы также три рѣдкія монеты Петра I. На таблицѣ 8-й воспроизводятся и надписи на монетахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ монетъ вышли въ изданіи довольно неясно.

За этимъ отдѣломъ идутъ двѣ таблицы свинцовыхъ печатей и пломбъ съ объясненіями г. Леопардова. Но таблицы вышли такъ плохо, что, какъ ни всматриваешься, на большинствѣ снимковъ положительно ничего нельзя разобрать. Эти таблицы съ успѣхомъ можно было и не включать въ «Сборникъ».

Въ слѣдующей затѣмъ интересной статьѣ: «О происхожденіи и значеніи такъ называемыхъ змѣевиковъ» Н. Петровъ, сводя всѣ прежде высказанныя мнѣнія по поводу этихъ медальоновъ съ изображеніемъ змѣй, сближаетъ ихъ первоначальное возникновеніе, основываясь на греческомъ происхожденіи и цѣлебномъ значеніи ихъ, съ древне-греческимъ культомъ Асклепія или Эскулапа. Въ этой же статьѣ приведено описаніе трехъ новыхъ змѣевиковъ.

Въ статьѣ г. Чернева «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ «Петръ» приводятся вполнѣ убѣдительныя данныя иконографическаго характера, подтверждающія мнѣніе автора, высказанное раньше (въ «Замѣтка о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ» помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи» въ т. VI, гдѣ вопросъ разобранъ съ полеографической точки зрѣнія), что на одной группѣ монетъ изъ нѣжинскаго клада помѣщено изображеніе св. Апостола Петра, а не св. Георгія, какъ это полагалъ гр. И. Толстой въ своемъ трудѣ «Древнѣйшія монеты великаго княжества кіевскаго». Къ этой статьѣ приложена таблица съ византійскими эмалями и русскими монетами, временъ крестовыхъ походовъ съ изображенія св. Петра.

Заключаетъ этотъ выпускъ «Сборника» статья Н. Леопардова «О славянахъ, какъ основателяхъ г. Дрогичина на р. Бугѣ (гродн. губ.)». Уже въ первомъ вып. «Сборника» г. Леопардовъ «высказалъ, какъ весьма вѣроятную догадку», что *«Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры»* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ настоящей статьѣ въ примѣчаніи онъ говоритъ: «эта догадка по настоящее время никѣмъ не опротестована и не опровергнута», а потому, мы доканчиваемъ мысль г. Леопардова,—она превратилась въ незыблемую истину. Теперь, продолжаетъ г. Леопардовъ, мы имѣемъ основаніе идти далѣе, именно, что въ Дорогичинѣ

христіанская община того времени должна была состоять преимущественно изъ Славянъ». и т. д. «Основаніе» заключается въ сходствѣ изображеній на очень немногихъ свинцовыхъ торговыхъ пломбахъ, въ громадномъ количествѣ находимыхъ въ Дрогичинѣ, съ херсонесскими монетами. Замѣтимъ, что древность дрогичинскихъ пломбъ простирается, самое большее, къ XII—XIII в. Мы положительно недоумѣваемъ, куда дальше пойдетъ г. Леонардовъ въ своихъ догадкахъ, «никѣмъ не опротестованныхъ и не опровергнутыхъ», въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника»?

Въ заключеніе повторяемъ сказанное нами по поводу первыхъ двухъ выпусковъ. «Сборникъ» привнесетъ свою долю пользы въ цѣль разработки русской археологіи; жаль только, что среди научнаго матеріала, въ немъ попадаются статьи совершенно юмористическаго содержанія, какъ напр., послѣдняя статья г. Леонардова.

Н. Б.

«Český Lid» (Чешскій народъ. Прага. 1891 г.) 1891 г. (годъ I), кн. 1.

Къ изданіямъ, занимающимся собираніемъ всевозможныхъ данныхъ по народовѣдѣнію (folklore) и посильною разработкою ихъ, прибавился недавно еще одинъ собратъ по оружію: съ 15 сентября сего года (нов. стиля) начало выходить въ Прагѣ (чешской) повременное изданіе «Český Lid», посвященное народовѣдѣнію чешскаго племени, включая сюда, конечно, моравaнъ и словаковъ. Такимъ образомъ заполняется наконецъ значительный пробѣлъ въ чешской наукѣ, особенно дававшій себя знать при сравненіи ея въ отношеніи народныхъ изученій съ другими славянскими, напр., русской (Этнографическое Обозрѣніе, Живая Старина) и польской (Wisła), отъ которыхъ чешская оказывалась значительно отставшей. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе новаго собрата и желаемъ ему всяческаго преуспѣянія, чтó, конечно, не замедлитъ и послѣдовать, такъ какъ ручательствомъ этой надежды служатъ почтенныя имена распорядителей изданія: д-ра Ч. Зиберта [1]), взявшаго на себя веденіе культурноисторическаго и этнографическаго отдѣловъ и особенно д-ра Любора Нидерле, преподавателя антропологіи въ пражскомъ чешскомъ уни-

[1]) Изъ его ученыхъ работъ заслуживаютъ особеннаго вниманія „Dějny kraje v zemich českých“.

верситетѣ, завѣдывающаго отдѣлами антропологическимъ и археологическимъ. Особенностью новаго изданія является то, что при каждой книгѣ его прибавляется содержаніе ея на двухъ языкахъ: чешскомъ и французскомъ, какъ международномъ; на французскомъ же языкѣ печатается на обложкѣ книжекъ и объявленіе объ изданіи (Le peuple tchèque) и производятся сношенія редакціи съ иностранными учеными и редакціями повременныхъ изданій.

Болѣе подробный отчетъ о новомъ изданіи мы предполагаемъ дать позже, когда появится еще нѣсколько книгъ его, съ помощью которыхъ можно будетъ точнѣе опредѣлить его, такъ сказать, физіономію и достоинства. Теперь же мы только укажемъ на существенное содержаніе вышедшей первой книги, чтобы читатели наши имѣли хотя какое-нибудь предварительное понятіе о ней. Вотъ важнѣйшія работы: перу извѣстнаго чешскоморавскаго этнографа Ф. Бартоша принадлежитъ начало статьи «Pověry a zvyky lidu moravskieho při hospodařství», въ которомъ приведены повѣрья и обряды при паствѣ (pastva), касающіеся пастуха (pastýř), коровъ («aby se kravy ne trkaly», т. е. чтобы коровы не бодались, běhani, telení» и т. д.). Судя по этимъ повѣрьямъ, моравскіе селяне не особенно далеко ушли въ своемъ духовномъ развитіи отъ русскихъ....

Г-жа Тыршова помѣстила первую половину любопытной статьи о чешскихъ народныхъ вышивкахъ, представленныхъ на юбилейной земской выставкѣ чешскаго королевства, происходившей лѣтомъ сего года въ Прагѣ; статья снабжена нѣсколькими рисунками, свидѣтельствующими о довольно значительномъ уровнѣ, со стороны вкуса, художественнаго развитія чешскихъ селянъ. Особенно замѣчательнымъ кажется намъ прекрасный узоръ № 3 на пеленѣ (plena z okolí Králové hradeského), а также № 4 (Vyšívky z okolí Litomyšle a Vysokého Mýta). Далѣе укажемъ статьи: г. Кулы «O kroji lidu slovenského» (народный крой словаковъ), любопытную по всѣмъ извѣстной своеобразности и живописности словацкаго наряда; г. Выкукала «Ze selské kuchyně», г. Гостинскаго «O naší světské písni lidové» и слѣдующія замѣтки »Lidové podání české o škytavce» [1]) (народн. чешск. предан.

[1]) Вотъ образцы повѣрій объ икоткѣ у чеховъ: 1) Kdy koli někdo u nas škytne, říkáme: Někdo si na nás vzpomíná (т. е. если кто у насъ икнетъ, мы говоримъ: Кто-то вспоминаетъ о насъ). 2) „Drží mne, chytla mne škytavka“ naříka si někdo. Jiny radí: Napijse vody—ona tě pustí. (т. е „Держитъ меня, схватила меня икотка—жалуется кто нибудь; другой на это ему совѣтуетъ: напейся воды—она, (т. е. икотка) тебя пуститъ).

объ икотѣ). Изъ рисунковъ отмѣтимъ особенно тѣ, которые относятся къ статьѣ г. Кулы, напр. «Slovenka v rubaši», «Skupina lidi» (Собраніе людей) и др.

А. Степовичъ.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ: 80 стр. Цѣна 30 к. Вып. II. Домострой Сильвестровскаго извода. Изд. И. Глазунова. Спб. 1891 г. 132 стр. Ц. 45 коп.

Издатели задались прекрасною мыслію доставить учащимся возможность самостоятельнаго и притомъ толковаго и обстоятельнаго изученія важнѣйшихъ памятниковъ какъ русской, такъ и иностранной словесности, древней и новой, даже новѣйшей; издавая текстъ этихъ памятниковъ по лучшимъ изводамъ, они стараются при этомъ снабдить его необходимыми для полнаго пониманія объяснительными примѣчаніями, иногда (какъ при изданіи Домостроя) матеріалами для сравнительнаго изученія памятника, словаремъ, если по языку онъ оказывается неудобопонятнымъ для современнаго даже образованнаго читателя, своеобразными рисунками, взятыми изъ рукописей и т. п. Наиболѣе занимающій насъ выпускъ I состоитъ изъ подлиннаго текста «Слова о полку Игоревѣ», съ выдержаннымъ правописаніемъ, принятымъ у Буслаева и очень пригоднымъ въ педагогическомъ отношеніи. Кромѣ текста и буквальнаго прозаическаго переложенія его на современный книжный языкъ, принадлежащаго М. А. Максимовичу, приложены: наиболѣе характерныя стихотворныя переложенія «Слова», расположенныя такъ, что соотвѣтствуютъ всему содержанію памятника, изложеніе содержанія «Слова», сдѣланное Н. М. Карамзинымъ, отрывки изъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей о походѣ князя Игоря на половцевъ и о походѣ русскихъ князей на половцевъ, и исторія текста «Слова», двѣ статьи о «Словѣ» (Барсова и Стоюнина), стилистическія и грамматическія особенности «Слова» и, наконецъ, Словарь. Изъ этого перечня читатель можетъ видѣть, какъ заботливо сдѣлано изданіе и какъ умѣло оно вводитъ учащагося въ область болѣе или менѣе строгаго и научнаго, а не бѣглаго и поверхностнаго, изученія предмета... Вотъ почему нельзя отъ всей души не привѣтствовать этой симпатичной попытки и не пожелать ей успѣшнаго продолженія и окончанія.

Съ внѣшней стороны изданіе отличается замѣчательнымъ изяществомъ и чистотою; на обложкѣ помѣщено изображеніе графа А. И. Мусина-Пушкина, открывшаго, какъ извѣстно, «Слово о п. Иг.», а вообще къ книгѣ приложена отдѣльная картинка, изображающая горюющую Ярославну въ довольно вѣрной исторической обстановкѣ.

Издатели обѣщаютъ выпустить 50 книжекъ, въ которыхъ будутъ помѣщены, наприм., такія произведенія и писатели, какъ Нибелунги, Калевала, Дантъ, Раблэ, Вильгельмъ Мейстеръ Гете, Лессингъ, Байронъ, Мильтонъ, Сервантесъ, Гамлетъ Шекспира, Шиллеръ, Тургеневъ, Гончаровъ и пр. и пр.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—11. Сѣверный Вѣстникъ—11. Наблюдатель—11. Русское Обозрѣніе—11. Русская Мысль—11. Русскій Архивъ—11. Русскій Вѣстникъ—11. Историческій Вѣстникъ—11. Русская Старина—11.

Русская Мысль XI. Вс. Милеръ. Экскурсы въ область русскаго Эпоса продолженіе). Выясненіе типа Ильи Муромца и черты сходства его съ героями иранскаго эпоса; предположеніе о древнѣйшемъ происхожденіи былины изъ Черниговщины.—(Стр. 65—91).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: краткій отзывъ о книгѣ Улейхикова: «еврейскія земледѣльческія колоніи екатеринославской губерніи.

Русскій Архивъ XI. Походныя замѣтки Н. А. Обнинскаго. Авторъ,—ополченецъ Крымской компаніи 1855—56 г.,—прошелъ съ своей дружиной по дорогѣ въ Крымъ всю Малороссію туда и обратно, рисуетъ черты нравовъ малороссіанъ и ихъ радушное гостепріимство (стр. 337, 349—366, 383, 408—411).

Русскій Вѣстникъ XI. Липранди. «Чешская колонизація на Волыни». Хозяйство, бытъ и занятія чеховъ на Волыни и распространеніе между ними православія (стр. 136—144).

Въ отдѣлѣ: новости литературы—краткій отзывъ о «Подоліи» Батюшкова (стр. 328—329).

Историческій Вѣстникъ XI. Барановъ. Бѣлогорскій Панъ. Трагическій эпизодъ изъ жизни богатыхъ южно-русскихъ пановъ въ старое крѣпостное время (стр. 359—368).

Поповъ. Изъ воспоминаній стараго кавалериста. Время провожденія и (развлеченія офицеровъ въ захолустьи Малороссіи въ 40-хъ годахъ (стр. 369—387).

Эварницкій. Раскопки кургановъ въ бассейнѣ рѣкъ Орели и Самари. Результаты раскопокъ нѣсколькихъ кургановъ, произведенныхъ авторомъ въ области между лѣвыми притоками Днѣпра—Орелью и Самарью (стр. 440—449).

Въ отдѣлѣ критики: изложеніе книги: «Russes et Slaves. Louis Leger. въ которой авторъ въ двухъ первыхъ статьяхъ книги касается вопроса объ образованіи русской національности на основаніи между прочимъ Несторовой лѣтописи и разсматриваетъ нѣкоторые памятники первыхъ вѣковъ литературы, какъ лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ и др. (стр. 504--508).

Тамъ же краткій отзывъ о 5-й книгѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца съ указаніемъ на статьи Соболевскаго, Дашкевича, Левицкаго, Лазаревскаго и мн. др. (стр. 508—509).

Тамъ же отзывъ о 5-мъ выпускѣ литературно-научнаго приложенія къ «Харьковскому календарю», наполненнаго статьями (Багалѣя, Мезенцева, Краснова и др.), касающимися Слободской Украины (стр. 510—511).

Въ отдѣлѣ смѣси: Присужденіе наградъ графа Уварова. Между прочими почетнымъ отзывомъ награжденъ Каманинъ за свой извѣстный трудъ: статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (стр. 545—546).

Русская Старина XI. Дневникъ А. В. Никитенко. Подъ 25 ноября 1867 г. отмѣчено, что авторъ читалъ отрывки своихъ записокъ Костомарову, которому повидимому понравилось читанное (ст. 444—445).

Къ рисунку.

Въ № 2-мъ 1890 года „Кіевская Старина“ начала помѣщать рисунки изъ альбомовъ Т. Г. Шевченка, хранящихся въ богатомъ собраніи южно-русскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Помѣстивъ тогда 4 рисунка, редакція дала обѣщаніе постепенно отпечатать и всѣ остальные, благодаря любезности владѣльца, предоставившаго эти альбомы въ полное распоряженіе редакціи. До сихъ поръ помѣщено было 8 рисунковъ: 1) Видъ главнаго храма Густынскаго монастыря до обновленія его; 2) Брама съ церковью св. Варвары въ Густынскомъ монастырѣ; 3) Трапезная церковь въ Густынскомъ монастырѣ; 4) Чигиринъ съ Суботовскаго шляху (1890 г. № 2); 5) Село Андруши (1890 г. № 6); 6) Богданова церковь въ Суботовѣ (1890 г. № 9); 7) Церковь Архистратига Михаила въ Переяславѣ (1891 г. № 2); 8) Покровская церковь въ Переяславѣ (1891 г. № 3). Теперь прилагаемъ 9-ый рисунокъ, изображающій „Комору въ селѣ Потокахъ“. Это—старосвѣтская постройка въ полтора этажа, довольно оригинальной архитектуры. Такъ-какъ рисунокъ этотъ находится въ альбомѣ 1844 года, то нужно думать, онъ явился результатомъ впечатлѣній, полученныхъ Т. Г. Шевченкомъ при поѣздкѣ его въ этомъ году къ брату Никитѣ въ с. Кириловку, при чемъ могъ онъ по дорогѣ побывать и въ с. Потокахъ. Впрочемъ, это послѣднее предположеніе вѣрно только въ томъ случаѣ, если признать, что этотъ рисунокъ относится къ селу *Потокамъ* (оффиціальн.—*Потокъ*), находящемуся въ каневскомъ у. въ 30 верстахъ отъ города, и составляющему одно изъ крупныхъ владѣній Я. В. Тарновскаго. Кромѣ этого села даннаго имени,

есть у насъ въ Малороссіи, насколько намъ извѣстно, еще два села того-же названія, изъ которыхъ одно (собственно—мѣстечко) находится въ кременчугскомъ у. при р. Пслѣ, а другое—въ подольск. губ. въ винницк. у. Послѣднее безусловно, кажется, можно въ данномъ случаѣ исключить, а изъ двухъ остальныхъ большее вѣроятіе падаетъ на Потоки каневскаго уѣзда, хотя окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ лицамъ, ближе насъ знакомымъ съ темами рисунковъ изъ альбома Т. Г. Шевченка.

1892 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1892 г.

НА

„ВОЛЫНЬ",

газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ четырнадцатый съ будущаго 1892 года „ВОЛЫНЬ" будетъ выходить по прежнему ЕЖЕДНЕВНО, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣ праздничныхъ, дней по прежней программѣ.

1) Руководящія стать по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи, 2) Телеграммы. 3) Городская хроника, 4) Хроника Волыни и Западнаго Края; текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи, 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ, 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія, 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) фельетонъ.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ конторѣ редакціи, б.-Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

12 м. р. 11 м. 4 р. 75 к. 10 м. 4 р. 40 к 9 м. 4 р. 8 м. 3 р. 50 к. 7 м. 3 р 6 м. р. 60 к. 5 м. 2 р. 10 к. 4 м. 1 р. 80 к. 3 м. 1 р. 50 к. 2 м. 1 р. 1 м 75 к.

Издатель *И. И. Коровицкій.* Редакторъ *К. И. Коровицкій.*

—2—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ".

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, т. е. посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкой:

на годъ—9 руб., полгода—5 руб., три мѣсяца—3 руб., одинъ мѣсяцъ—1 рубль. Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

тету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Програмы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой ученой административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебновспомогательныхъ заведеній Университета.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя дисертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1892 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ извѣстій безъ пересылки шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета св. Владиміра платятъ за годовое изданіе „Университетскихъ Извѣстій“ 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета св. Владиміра.

— 2 — Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ, БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа изданія:

I. Библіографія. Памятники древней письменности и печатныя произведенія русской и иностранной литературы, представляющія матеріалъ для библіографіи.—Библіографическія монографіи по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.—Библіо-

---

и въ своемъ быстромъ теченіи осложняется все болѣе и болѣе; въ нее входятъ новые факторы, новыя силы, съ которыми уже приходится считаться. Въ настоящее время уже не любознательность, а необходимость требуетъ отъ каждаго гражданина оріентироваться въ томъ, что совершается въ его отечествѣ и въ мірѣ, и эта необходимость сознательнаго отношенія къ общимъ вопросамъ жизни становится все настоятельнѣе, все полнѣе, распространяется все далѣе и далѣе въ глубь народной массы.

Этими соображеніями выясняются задачи изданія, подобнаго газетѣ „ЗАРЯ". Выполненіе этихъ задачъ—трудъ тяжелый, въ особенности у насъ, гдѣ печать поставлена въ совершенно исключительныя условія, являясь единственной почти выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. И мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что „ЗАРЯ" всецѣло выполнитъ намѣченную нами программу Мы считаемъ достаточнымъ сказать, что „ЗАРЯ" будетъ всѣми силами и средствами стремиться къ тому, чтобы внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ. Говорить только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства, всецѣло и беззавѣтно служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—вотъ все, что мы можемъ обѣщать нашимъ читателямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ЗАРЯ" со всѣми приложеніями,

съ пересылкой во всѣ города Россіи и доставкой:

НА ГОДЪ **6** РУБ., НА ПОЛГОДА **3** РУБ., НА **3** МѢСЯЦА **1** РУБ. **50** КОП.

Газета можетъ быть выслана съ наложеннымъ платежомъ, съ прибавленіемъ 30 коп. на почтовые расходы.

Допускается разсрочка платежа на всякихъ условіяхъ, которыя подписывающійся признаетъ для себя возможными.

За границу: на годъ—10 руб., на полгода—5 руб.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСУЮТСЯ: въ Главную Контору газеты „Заря",—Москва, Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича. —2—

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ и разосланы подписчикамъ

31, 32, 33, 34 и 35 выпуски

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К° въ Москвѣ. Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер., домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ на букву Д окончено въ 35-мъ выпускѣ.
Наборомъ окончена и приготовлена къ печати буква Е.
Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска.
Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

наловъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1 91 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени", а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2— Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

Дозволено ценз. Кіевъ, 28-го ноября 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXV, 1891 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

Сварковѣ и чтобъ видалъ Романъ кухву ему горѣлки, писмо далемъ. Такъ же и стрелцеви Чорторискому. Плетюнцѣ, войту, указъ данъ о тогоручной осипщинѣ, жеби везли оную въ Тулиголови, а оттоль дерево рѣзанное брали би. Такъ же и сеголѣтную осенщину вибирать указъ данъ ему жъ именно: отъ имѣючихъ по одной и по двѣ сохи, по 3 четверти жита, а отъ имѣючихъ по три и по чотири сохи, по четверику брати, да жеби сами жъ тое жито отвезли въ Тулиголови, а оттоль дерева взяли. Ему жъ данъ указъ смотрѣть того, чтобъ всѣ до церкви въ святніе дни ходили. Забара зъ чотирма подводами посланъ по драмь, а нѣ по валъ. Скриню зъ платтемъ черезъ того жъ ямщика москаля послали въ Роменъ, а панѣ отъ себе объ оной писала въ Роменъ до господарки. Івана Криштопенка отослалемъ зъ Худолѣемъ до правителей, при моемъ доношеніи. Отехалемъ въ Гамалѣевку, где у ясневел. вечералемъ.

8. Праздникъ Рождества Пресвятой Богородици отправляли въ Гамалѣевцѣ, гдѣ били: брегадиръ, прокуроръ, Кошелеви и прочіе, и подпіяхомъ.

9. Стойчикъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, Занковского о амбарахъ и сараяхъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, ознаймуючимъ что оніе цѣли, а миргородскимъ полкомъ строившіеся худи, и что князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ билъ въ Чигириндубровѣ, а оттоль поехалъ въ Переяславль, Нѣжинъ и протчіе городи; 2, отъ Орановского, о домашнихъ поведеніяхъ. Козакъ сотенній роменскій отправленъ въ Роменъ зъ пятма писмами: 1, до правителей, о сочиненіи вѣденія господарей, до десятка овецъ имѣючихъ и о респектѣ Петрановскому должномъ; 2, до Орановского, отвѣтъ; 3, до Романа, о его тамъ пребиваніи, и злегчанню дрикгантовъ, на Засуллю стоячихъ и 4, о томъ же до господара и о трубницѣ до сухоносовской винницѣ; 5, до родителки привѣтъ. Въ трапезѣ обѣдали, где и подпіяхомъ; после у п. суддѣной.

10. Обѣдали тамъ же. По обѣдѣ отехали зъ Гамалѣевки въ Глуховъ; на дорозѣ стрѣлисмо сотника глуховского, ехавшого въ Гамалѣевку просити ясневелможной на веселле, мѣючое въ его дому бити дочерѣ его ужъ приговоренной Пѣроцкому, и пріехали въ

Глуховъ. Іванъ, машталѣръ, пріехалъ зъ лубенского полку и привезлъ писмо отъ Романа, въ которомъ объявляетъ, что горѣлки куфъ 2 роздалъ людямъ по 89 зол.; воловъ моихъ 20 въ Купупѣевщинѣ переписалъ. Пчолй на Плавиницахъ убито 15, а оставилъ 28 добрихъ. Медъ, бувшій въ муру, на шинкъ розситилъ. Леско сторожъ пріехалъ зъ писмами родителскими зъ Сулаку, 2 юля отпущенними. Въ Гамалѣевцѣ ясневел. дала карту архиерея чернѣговского, ко мнѣ писанную, и при оной образъ Распятія Христа Господа. Едучи въ Глуховъ, стрѣлисмо Войцеховичеву и п. Григоріеву, уже зъ Глухова поехавшихъ. Наихали на валъ, проваженній нашъ, подъ которимъ ось уломилась, для чего Дядко оставленъ.

11. Плетюнку, войта, упомянулъ я за его небреженіе. Отецъ протопопъ бувъ у мене. Черезъ Сухомузкого послалъ доношенія въ колегію: 1, о полученнихъ указахъ объ откупѣ индукти, преступленіяхъ партикулярнихъ и государственнихъ, о суддяхъ родственникахъ; 2, о магазейнѣ веремѣевскомъ, по вѣдомости Шимка и чигириндубровской старшини; 3, о Славѣнскомъ, ѣздившимъ въ Коровинцѣ зъ его доношенія, что онъ не запрѣщалъ овецъ на свои потреби употреблять тамошнимъ людямъ; 4, о Никифору веремѣевскому зъ приложеннимъ розискомъ, что онъ человѣкъ добрій и простій (?) противъ указу колежского, и оніе доношенія Сухомузкій Артѣлному отдалъ. Пожаръ за мѣстомъ бувъ.

12. Яхневецкій бувъ рано. Зъ Глинска сливъ привезено, которими обослалемъ здесь [1]). До заплатина послалъ 6 барановъ, 2 носатки горѣлки двойной и до протоколѣсти—меншъ. Черезъ глинского козака, сливи припровадившого, послалемъ казанъ винничной мѣдній зъ диркою въ сподѣ, до Романа, въ Роменъ, и написалемъ къ ему о томъ, чтобъ отсилалъ въ Сухоносовку албо Лубнѣ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, где тютюну казалъ тютюнникъ 2182 шнуровъ. Проса зняли зъ поля калюжновского 30 копъ.

---

[1]) Мѣст. Глинскъ, роменскаго уѣзда, донынѣ славится своими сливами; „глинскіе“ и „опошанскіе“ (изъ м. Опошни) сливы даютъ, по увѣренію знатоковъ, наилучшую наливку-сливянку.

Сторожъ лубенскій, ездивший до Каменя, повернулся зъ отвѣтомъ, что горѣлки з кухви моей и теперъ тамъ въ Каменѣ обрѣтается, а въ Роменъ не слано за небитіемъ подводъ; онъ же сторожъ зъ Туликоловъ горѣлки на образецъ привезлъ и сказалъ, что горѣлки въ імбарѣ толко 5 носатокъ тамъ,, затимъ что чорторійскому Стрелцю и сварковскому Шевцю по кухвѣ видалъ на вишинкъ. Дранѣ 500, зъ Протопоповки, паробки привезли до млина калюжновского.

13. Неделя. Веселле у сотника глуховского было, але молодіе, Пѣроцкій зъ дочерю его, поехали кончить въ Борзну, въ домъ Пѣроцкого. У сотника обѣдалисмо. Василя гос(подара) посилалемъ въ футоръ и въ Сварковъ за господарствомъ.

14. Шинкаръ уздицкій припроваженъ зосталъ. Романъ тулиголовскій бувъ тутъ и четверникъ озимой пшеницѣ посѣять въ Тулиголовахъ взялъ зъ собою. Сама моя занемогла на знакъ фебри. Савичъ Василій бувъ у насъ и п. асаулиная. Князя Трубецкого, Івана Юревича, дочери зъ Москви въ Глуховъ пріехали. Бувъ у склепу и вина осмотрувалъ, и насипавши въ бутилки, позапечатовалъ. Зъ Ромна стойчикъ, козакъ перекоповскій сотнѣ глинской, привезлъ писма: 1, отъ Билима зъ товарищи, о продажѣ меду, о переписѣ овецъ, о Петрановскомъ и переехавшомъ Роменъ князю Михайлу Михайловичу Голѣцину сего септ. 9; 2, пакетъ, а въ немъ репорти зъ сотенъ роменской, лохвицкой, сенецкой, городиской, чорнуской и пѣратинской, о продажѣ меду; 3, листъ отъ Шимка, о поправленномъ магазейнѣ; 4, отъ Савѣцкого писара, о колодникахъ и продажѣ меду.

15. У брегадира рано бувъ и у коллегіи, где зятеви войта Плетюнки приговорено платить 32 рублѣ, по промеморіи воинской колегіи. Осмотрувалемъ на горѣ (чердакѣ) шкла великихъ аркушовихъ шибъ и всѣхъ показалось 30. Такъ же и замковъ московской роботи нѣмецкихъ 4 до дверей, а нашихъ побиліованихъ, до дверей же, 5; особливе замковъ комнатнихъ 4, а дверецъ желѣзнихъ до печей 2. У говорили молотниковъ до футора молотить

зъ 15 коробки [1]). Сухомузкому казалемъ дать оковитой горѣлки квартъ 10, а простой 20.

16. Веремѣевскіе козаки явились зъ жалобою на старосту веремѣевского, передержуючого злодѣевъ. Отправилемъ сторожа лубенского Охрѣма въ Прилуку до пп. суддѣ и Федора зъ писмами и вина венкгерского фляшку и бутилку плетеную послалемъ. Козака сотнѣ роменской рѣпчанского Юска Трушенка послалемъ въ Роменъ зъ писмами до Билима, о сочиненіи единого вѣденія зъ репортовъ сотеннихъ о продажѣ меду, и присланню сюда, и о сочиненіи вѣденія о господарахъ, неимѣючихъ до десятка овецъ, и о Петрановскомъ. До родителки о ковалеви, когда вишлется, прося вѣдомости, и о Лукяну Свѣчцѣ. До Романа слуги о завѣскахъ и къ ему жъ послалемъ козлинъ пару на шори римареви Филипови. Брегадиру отослалемъ 150, а синови Никитѣ 30 папушъ тютюну. П. Антонова пріехала въ Глуховъ, а ясневел. зъ Гамалѣевки пріехала. Ездилемъ до Сваркова, где начали огорожувать садъ. Гончаръ печъ сталъ дѣлать. У п. Федора Савичи родилася дочъ.

17. Бувъ у колегіи, оттоль у п. Савича и у себе на Красной горцѣ; оттоль у ясневелможной, где и обѣдалъ. По обѣдѣ бувъ у секретара. Архипъ посланъ въ Савинки, до гути тамошней, за 50 аркушовими шибами и прочіимъ шкломъ, которому на тое дано грошей 5 рублей. Давидъ бувъ у брегадира, посидѣлъ и вечералъ.

18. Писалемъ до Романа въ Тулиголови, жеби дерево брали въ Сварковъ сварковцѣ, которіи жито осипное привозить будутъ до Тулиголовъ. Бувъ у колегіи и просидѣлъ зъ Галаганомъ, прилуцкимъ полковникомъ. У Кошелева бувъ Петра и о продаемой отъ его семѣ говорилось [2]). Василь господаръ поехалъ въ Ясманъ, оправить шинкъ. Ему жъ дерево перенести зъ Красной горки, а имбаръ тутъ устроили, казалемъ.

19. Ясневелможной писмо родителское и Нестеровичево отдалемъ. Брегадиръ у ясневел. билъ зъ зятемъ и водки по чарки

[1]) Т. е. изъ вымолоченной ржи хозяинъ получалъ 14-ть частей, а 15-я отдавалась молотнику за трудъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ понимать, что говорилось о продаваемой семьѣ крестьянъ.

випивши, отехалъ. Худолѣевскій донощикъ, у колегіи сидѣвшій, померъ. У Сухарева билемъ. Князь Александръ Лукичъ Долгорукій, черезъ Глуховъ едучи въ Москву, остоялся и квартеровалъ въ дому Александра Іванова. Билемъ у брегадира, где Петро повернувшись зъ Сумъ и привювши двохъ собакъ борзихъ, сказовалъ про брата п. Андрѣя, отехавшого въ Роменъ и запровадившого зъ собою половую собаку, брегадиру отъ полковника сумского дарованную. Яловицю, взявши зъ футора Калюжновского, зарѣзали. Микита судейскій, голивши (бривши) мене, сказалъ про вишнѣ безъ кустокъ: до пенка вишневого прищепить верхъ другой вишнѣ, и не отрѣзовать оной прищепленой отъ дерева вишнѣ поколь пріймется и станетъ кучеравіе листи изростувать, въ ту пору отрѣзать пропорціонално. Василь, господаръ, повернувшись зъ Ясманѣ, сказалъ, что тамъ зняли съ поля гречки 35 копъ, овса 37 копъ, а зъ жита 12 копъ вимолотили якоби толко 5 четвериковъ. Еще жъ тамъ не засѣяли жита на едной близъ села нивѣ, где становится 15 копъ. Князь Долгорукій Александръ Лукичъ проехалъ Глуховъ въ Москву.

20. Неделя. Воловики 6 возами привезли дубини зъ Каменя, до млина, на штуки. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ билъ въ дому; оттоль поехалъ къ брегадиру, которого стрѣтилемъ, ехавшого опроважать зятя своего Андрея Степановича Зѣновева, зъ дочерю его жъ Василиссею Степановною, отездившихъ отсюду въ Москву, и опроводивши я за мѣсто, вернулся и заехалъ до князя Четвертенского, зъ которимъ бувши у мене на Бѣлополовцѣ, заехали въ городъ до маіора Лаврентія Хрипунова, где посидѣвши мало, поехалиемо ко мнѣ и стрѣвшись на дорозѣ зъ ясневел., ехавшою отъ брегадирши и отъ нашего дому (где посидѣла мало), постояли мало и заехали въ домъ мой и напившись по шклянцѣ вина, князь отехалъ. Романъ, тулиголовскій дворникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сказалъ, что въ Тулиголовахъ 2 кухви горѣлки, другая досипалась. Козакъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, отъ родителки, о присланню писемъ моихъ до родителя, якіе черезъ коваля пошлются; 2, отъ сотника городиского и реестръ о козакахъ, на низъ

висланнихъ; 3, отъ Дракганевского, о коню претендуемомъ у его отъ конотопского человѣка и на Сухомузкого зъ жалобою. Овечій майстеръ, бувши у мене, сказалъ лѣкарства на товаръ рогатій, когда заболитъ а потечетъ зъ очей и ноздеръ флякгма, на тое: ацту, галуну 4 золотники, бузини ягодъ четверть фунта, подорожнику фунтъ, и щавля на болотѣ родячогося, и тое все въ горшку утушковавши, варить и тою водою, рано и вечоръ, ротъ и ноздрѣ вимивать, а вимивши, ячною мукою засипать. Также соли полфунта, полиню 4 лоти, посушивши, стовкти и дри... (?) 4 золотника, кварту діогтю и тое змѣшавъ, на язицѣ товаринѣ мазать и на хлѣбъ давать исти. Когда дворовое птаство занеможетъ, взять на тое крейди и въ коваля зужелицѣ, по полфунта, и потовкши, воду вложить, где они пютъ.

21. Роману, старостѣ тулиголовскому, отездившому, казалемъ двори шинковіе обложковскій и тулиголовскій оправити, а до чорторійского ліодницю зробить, въ пущѣ нанять теселъ и готовую отвезсти. У колегіи бувъ и переговоривъ зъ Сухаревимъ, отехалъ на службу до ст. Михаила. Брегадиръ затимъ же опровожалъ зятя, не билъ въ колегіи. Обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, где видѣлемъ близъ млина привезенную зъ Каменя дубину, 17 штукъ, и дерево на ступи. Оттоль ездилъ въ Сварковъ, где гончареви додѣловать печей бѣлими кахлями, такъ же и покоротить блакитной печи, казалемъ, а Плетюнцѣ насипать хати велѣлемъ. Пріехалемъ позно въ Глуховъ. Пріехалъ сторожъ лукомскій Грицко зъ писмами: 1, отъ сотника наказ. лукомского. зъ жалобою на Петра Іванова также и на Ященкового сина, которій за лѣсъ свой Лукомцями до магазейну порубаній, хочай и взялъ таляръ 20 однакъ болшъ правитъ и побралъ грабѣжъ, коней 2; 1, отъ атамана лубенского и Котляренка, о инквизиціи въ Лукомлѣ виведенной, о беззаконно прижитой и страченной дитинѣ; 3, отъ родителки, о присланню туда отъ мене листовъ до родителя; 4, отъ войта роменского, о присланню указу до сотника наказ. глинского, чтобъ за зборщиковъ отдалъ надлежащіе гроши, якіе зъ нихъ мѣли вибратись; 5, отъ брата зъ повѣншованнемъ, п. Андрѣя; 6, отъ

правителей полковнихъ, о господарахъ не имѣючихъ до десятка овецъ, о чомъ и вѣденіе о нихъ числомъ 9755 виписанное, зъ приложѐнною цедулою чигириндубровской старшини о кре...нихъ (?) тамъ проявившихся, готова и о реестрахъ зъ сотенъ сенецкой и лукомской козаковъ въ походъ низовій висланихъ, и вѣденіи проданного зборного меду зъ сотенъ всѣхъ, кромѣ чорнуской, лубенской и лукомской присланнихъ; 7, и саміе такіе реестра, также и вѣденія присланни. Лубенскій сторожъ повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтними писмами пп. суддѣ прилуцкого и п. Федора.

22. Рано въ колегіи билемъ и долго просидѣлемъ, поколь отдѣлалемся въ дѣлѣ віижджихъ. Обѣдалемъ дома, и зъ дому знову ездилемъ до секретара, до Кошелева и до брегадира, где посидѣвши, позно пріехалемъ въ домъ. Овецъ 29 пригнали зъ футора моего Криворудского, при листѣ Романа, въ якомъ обявляетъ, что горѣлку людямъ далъ ценою по 15 р. (?) до Рождества Христова. Зъ шкляремъ Семеномъ уговоръ: зробить ему оболони, а ему дать отъ всякой по полкопи, три мѣрки муки житной, а 2 гречаной, 10 квартъ горѣлки и возъ смолини. 1000 цегли взяли у цегелнѣ до Сваркова, а натомѣстъ дали 20 возовъ дровъ. Уласу, слюсареви, до квартири казалемъ зробить завѣски, защипки и наружники. Плетюнка войтъ, зъ зятемъ своимъ Федоромъ Івановимъ, просили, чтобъ его зятя оплатить въ колегіи 32 рублѣ, а ему бить моимъ вѣчно.

23. Плетюнка зъ зятемъ дали писмо на себе, что ему зятю за оплаченне тое бить моимъ вовся подданнимъ, а я указъ далемъ до селянъ, чтобъ они зобрали змежду себе 33 рублѣ на уплаченне его. Ему жъ Плетюнцѣ указъ далемъ и лѣкарство виписалемъ хоруючому статкови. Козакъ, стойчикъ, пріѣхалъ зъ писмами: 1, родителя и брата п. Семена, которій тое объявляетъ, что денегъ моихъ у сотника смѣловского 400 р.; 2, Билима, о полученномъ указѣ объ откупѣ порубежнихъ пошлинъ и указъ колежскій о томъ же писанній прислали; 3, родителки, о братахъ п. Марку и прочіихъ, чтобъ ихъ экзаминовать. Черезъ сторожа сенецкого писалемъ до родителки о собацѣ половой, брегадирской, братомъ п.

Андрѣемъ запроваженной въ Роменъ и дѣлѣ Сухомузкого зъ тованищи; о томъ же и до брата. Обѣдалемъ у ясневел., гдѣ были и п. Антонова зъ швакгровими. Сухомузкій зъ товарищи отдѣлались въ колегіи. Лѣкарство каплѣ и пѣкгулки бидловаго рецепту принялемъ. Билемъ у Сухарева и въ колегіи; у вечеру—у секретара.

24. Сухомузкого отправилемъ въ Роменъ и листъ писалемъ до родителки объ ономъ. Сварковцѣ були у мене, просячи, чтобъ денегъ уменшити имъ зъ 32 рублей, за плетюнчиного зятя опредѣленнихъ имъ зобрати; и по ихъ прошенію карту до Плетюнки далемъ, жебы они всѣ подданіе наши зобрали 23 р., а къ тимъ моихъ грошей шинковихъ взялъ би 8 р., да отъ себе положилъ би 2 р. Сухарева и Хрипунова обослалъ по 3 овци и горѣлки по барилцю. У ясневел. забавились долго, при подпиттю венкгерского.

25. Ясневелможная поехала въ Нѣжинъ зъ Глухова и виехала рано. Бувъ рано у брегадира и пожекгнавши его, пріехалемъ въ домъ. Ясневелможную неуспѣвши рано випроводить, писалемъ листовне черезъ лубенского сторожа, въ Тулиголови, прощенія просячи. Футра смотрѣли наши на горѣ, у ключника обрѣтаючіеся, якіе моль барзо попсовала, особливо футро сѣбирковое Орановского, якое ключникови прикинуто, а велено ему доброе купить. Барило горѣлки простой отъ Селецкого Леску Кухару данное, отобрано въ дворъ и дано ради перегнаття на оковитую горѣлку. Рибу вялую перелѣчили и здали ключникови, а риби тоей всей именно: щукъ 670, короповъ 750, сомовъ 76. Ясвевел. прислала швакгромъ овецъ десять и яловицю. Ячменю куплено 4 четверика, господаремъ, по 7 зол. безъ 3 шаг. Писалемъ писма: 1, до родителя; 2, брата п. Семена, 3, до людей моихъ, чтобъ невпорожнѣ сюда ишли, а ишлибъ зарання; 4, до Волинского, о бандуристѣ и купленнихъ на его потребу бикахъ й коровахъ; 5, до Орановского, о приблудахъ, 3, въ Лукомлю, въ футоръ; (?) 6, до родителки, о отездѣ моей жени въ Роменъ и моемъ въ Прилуку и листъ родителскій послалемъ, въ якимъ пишетъ нѣкого зъ каретокъ (?) не посилать въ Царицинъ; 7, до правителей въ Роменъ, отвѣтъ о указѣ, взглядомъ порубежнихъ пошлинъ, о видачѣ грошей зъ Глинска за зборщиковъ ромен-

скихъ, о росходахъ, якимъ бить неналежитъ. Получилемъ листъ отъ Орановского, черезъ Котлубая пяного, роспечатаний, о трубницяхъ, жеби написать объ нихъ до старости шабалиновского, чтобъ прислалъ въ Роменъ; а зъ Сухоносовки подводъ 3 со всякою дробиною пришлются сюда.

26. Жена моя отехала зъ Глухова зъ Роменъ и воскъ весь, на горѣ бившій, забрала зъ собою. Кошелевъ прислалъ копію купчой о крестянину своемъ, которого мнѣ продаетъ, Афанасія Яковлева сына Лохова. Билемъ у вечеру у секретара Заплатина, и зъ нимъ простился. Пп. Тернавскій, сотникъ срѣбранскій[1]), Панченко, Минѣцкій и Доброницкій були у мене и посидѣвши мало, отійшли. Бувшій полковій лубенскій комисаръ и прежніе зборщики пріехали въ Глуховъ и були у мене. Климъ ключникъ видалъ Мартину въ Роменъ воску: зъ гори грудъ 18, а въ нихъ каменей 4 и 18 фунтовъ и полфунта, а всего груд. 28, а каменей 15, 20 фунт. и полфунта.

27. Неделя. У Кошелева билъ и купчую отъ мене сложенную о крестьинину ему отдалъ. У сотника глуховского и п. судѣной, по службѣ, билъ. Солодовникъ Степанъ, бувши у мене, уговоръ учинилъ: взять у мене 30 зол., а мнѣ въ годъ дать 100 зол. и на мою потребу солоди робить. Посланъ Василь, господаръ, крестянина Кошелевого переписать. Били въ склепу зъ пп. Андрѣемъ и Яковомъ Милѣцкимъ, и подпіяхомъ.

28. Пиво при мнѣ зварили варъ 6 мѣрнихъ, зъ которихъ п. Андрѣеви 2 мѣрницѣ велѣлемъ отдать. У Клима, ключника, зол. 20 грошей отобралемъ. Виехалемъ зъ Глухова въ Сварковъ рано, где и обѣдалемъ. Передъ отездомъ, бувъ капралъ отъ капитана Хрипунова за солдатомъ Маркомъ, понявшимъ подданую мою въ Сварковѣ, жеби ей поля половину дать зъ братомъ еи жъ.

29. У Забари, шинкара, взялемъ на дорогу грошей 21 зол., якіе доплачовать за кухву ключникови отъ его подобало. У Шевця, шинкара, также на дорогу взялемъ 5 рублей. Зъ Андрѣемъ,

---

[1]) Троцина.

майстромъ, уговоръ учинилемъ на годъ дать ему грошей зол. 60, жита полтора четверика, гречки четверикъ, сала полтора пуда, соли два пуда, носатку горѣлки, пшона полчетверника и уже забралъ на будущій годъ рубль 1 грошей, а годъ лѣчити отъ октовр. 1, сего году до будущого 1725 году. Сварковцѣ подданніе приходили просити облегченія въ осипщинѣ, которимъ отъ сохи по четверти жита отставлено, а велено дать по четверти овса. Марка солдата женѣ казалемъ пашню братнюю взять, а до поля не интересоватися. Донесли мнѣ сварковцѣ, что писма розездніе зъ Заруцкимъ и Чорнусцями (?) есть у Федора Юрченка. Василь господаръ пріехалъ въ Сварковъ и привезлъ шуфляду зъ шкломъ, въ якой шибъ цѣлихъ великихъ 29, а една тридцятая мало розбита. Тіе шиби казалемъ оправлять въ рама деревяніе Андрѣеви. Садовнику казалемъ зробить цвѣтникъ другій передъ свѣтелками. Василеви казалемъ, жеби Матвѣй ганчаръ переробилъ печи. Спорадивши все, поехалемъ зъ Сваркова на ночъ въ футоръ Калюжновскій. Осмотрувалемъ млина калюжновского и велѣлемъ Василю, чтобъ Андрѣемъ, майстромъ, осмотрѣлъ строенія.

30. Рано у футорѣ Калюжновскомъ далемъ наказъ Василю у 43 пунктахъ, а Плетюнцѣ, войту, у 12 пунктахъ другій наказъ. Поехалемъ оттуду въ Тулиголови на обѣдъ, где винника за пьянство и что худую горѣлку даетъ, скаралемъ боемъ кіевимъ. Роману тулиголовскому наказъ далемъ у 11 пунктахъ. Листъ до брегадира отъ мене писанній, о брату Андрѣеви, взглядомъ собаки половой, будто имъ заведенной въ Роменъ зъ Сумъ. Такъ же и, въ дополненне до 50 пунктовъ, наказъ до Василя послалемъ въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ монастирецъ Мутинскій и довго по пущи блудивши, заледво позно уже въночѣ въ монастирецъ утрафили.

1. Октовр. Служби Божой въ монастирцѣ слухалемъ и по обѣдѣ поехалемъ въ Камень, где греблѣ каменской осмотрѣвши, билемъ у футорцѣ, где винниця, и осмотрѣвши тамъ горѣлки моей 3 куховъ, еще въ Роменъ не отосланной, отехалемъ въ Мутинъ, а Лозовского на дорозѣ завернулемъ. Пріехалемъ въ дворецъ му-

тинскій на ночъ и засталемъ жида шинкара мутинского, въ дворѣ прибираючогося зъ тютюномъ панскимъ въ дорогу, а староста мутинскій передомъ отехалемъ въ Гадячъ.

2. Послалемъ писма до Василя господара и Романа тулиголовского писанніе въ Камень къ Лазовскому, жеби переслалъ. До господара приложилемъ еще пунктовъ 3, и того всѣхъ 53; а до Романа о дичкахъ, жеби викопать у гаяхъ и о бересту на валъ, способномъ въ Каменѣ найдуючомся. Рибалкамъ велелемъ сѣтми ловить рибу у озерахъ. Віехалемъ рано зъ Мутина и у перевоза зехалемся зъ шишацкимъ сотникомъ. Приехалемъ на обѣдъ въ Конотопъ, а оттоль наночъ, черезъ Сосновку, въ Самборецъ Малій, отъ Конотопу отстоящій въ двохъ миляхъ.

3. Рано зъ Самборця Малого виехалемъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Гайворонъ, отстоящій отъ Самборця въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ виехалемъ къ Іваницѣ и недождаючи, заехалемъ въ село Кропивное, Андрѣя Лизогуба, и тамъ написавши писма: 1, до родителки, о моемъ поездѣ въ Прилуку; 2, до жени моей, о томъ же и о ея приездѣ въ Короваи; 3, до брата п. Андрѣя, о писмѣ моемъ, данимъ взглядомъ собаки половой, писанномъ до брегадира; 4, до глинского наказного, о его приездѣ въ Прилуку зъ Яковомъ судіевичемъ; и оніе писма кропивянскимъ козакомъ въ Бубни послалемъ. Пріехалемъ на ночъ въ Іваницю и ночовалемъ въ дворѣ попа отца Михайла.

4. Неделя. Вислухавши служби Божой въ Іваницѣ, пріехалемъ на обѣдъ въ Ольшаную, отстоящую оттуду въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ, пріехалемъ въ Прилуку передъ вечеромъ, где пана суддю, дядю моего, засталемъ въ тяжкой болѣзни, которая на немъ показалась ex obstructione hepatis. Пана Кондзеровского, зъ панею его, засталемъ тутже. Отецъ Лѣсаневичъ бувъ у пана суддѣ и диспоновалъ пана суддю на смерть, исповѣдовалъ и коммунѣковалъ. Ночовалемъ въ п. суддѣ, зъ паномъ Федоромъ дядкомъ.

5. Лѣкаръ, кгрекъ Николай, куруючій пана суддю, повернулся зъ аптеки зъ лѣкарствами. Отецъ ігуменъ Клеопа бувъ у п. суддѣ и отехалъ въ Кіевъ. Посѣщали квартиру мою протопопъ

прилуцкій Михаилъ Трифановскій, отецъ Лѣсаневичъ и обозній прилуцкій Михайло Григоріевичъ.

6. П. Василь глинскій пріехалъ въ Прилуку. Обѣдалемъ у отца протопопи, где Петрикъ брегадирскій бувши, въ ссоръ войшолъ зъ обознимъ. Подніяхомъ. Брати мои Марко, Лука, Іоаннъ пріихали въ Прилуку. Обѣдалисмо всѣ у пана Федора дядка; оттоль булисмо у п Голѣнковского, писара полкового прилуцкого. Панъ судя коня вороного подарилъ мнѣ и о Перервинцяхъ розговаривали.

8. Брати мои, поснѣдавши у пана суддѣ, отехали. Такъ же и я после ихъ отехалъ; а оставилъ тамъ своего человѣка, пѣшого, на фебру (якъ сказовалъ Николай лѣкаръ кгречинъ) захорувавшого. Виехавши я зъ Прилуки, пріехалъ позно въ Пѣратинъ и тамъ ночовалъ въ Мойсѣя Худолѣя.

9. Рано оттуда поехавши, приіехалемъ на службу Божую въ Коровинци (Короваи?) где именини мои роздрѣшивши, проили и пропили. Ездилисмо до футора Ангелювщины и тамъ заночовали. Писалемъ зъ Короваюв: 1, до родителки, чтобъ въ Луцѣ праздновали именини родителскіе; 2, до Орановского, о его въ футоръ Криворудскій прибитіи; 3, до Томари п., о его прибитіи завтрійшого дня сюда; 4 до александровского старости Славѣнского о присилцѣ у футоръ Криворудскій водки оковитой и простой, пива и булокъ,

10. П. Василь Томара пріехалъ въ Короваи и кушалъ со мною, а по обидѣ, просидѣлисмо и о футору его, продаемомъ, Чумгаку, розговорували, которій сказуетъ достался ему отъ Кохна, за 1000 зол. грошей и за кгрунтъ, стоячій 3000 зол. При вечору Томара отехалъ въ домъ свой, а я поехавши зъ Короваевъ зъ своею панею, пріехалемъ па ночъ въ Городище Свѣчки, отстоящое отъ Короваювъ въ милѣ едной. Іванъ Соколничій, припроводившій конѣ въ Короваи, отстался тамъ.

11. Неделя. Поехавши оттуду рано, пріехали до Савинецъ, отстоящихъ отъ Городища въ 3 миляхъ и тамъ служби Божой вислухавши и пообѣдавши, поехалисмо степомъ до перевозу Горошинского, въ трохъ миляхъ отстоящого оттоль, до Жостерского роди-

телского футора, где видѣлемъ на стайнѣ стоячихъ своихъ дриктантовъ 6: вороностокатого, сивого, тарана, вороного, шпаковатихъ двохъ; оттоль на ночъ пріехали въ свой футоръ Криворудскій.

12. Пересмотрували стадо конское и показалось лошатъ сеголѣтнихъ 42, а въ товару рогатомъ телятъ 49. Орановскому даровалемъ кобилу чалую зъ лошамъ и коня кологривого лукомского, а Алексѣйцеви далемъ коня вороного старого четверного. Проучували коней чтирохъ молодихъ, пятаковъ.

13. Шкапу приблудную, съ Лукомля пригнатую, даровали Лескови кухареви. Овецъ всѣхъ по рахубѣ панеи и п. Василя глинского показалось именно: овецъ старихъ и молодихъ 780, барановъ 144, цаповъ и козъ 71. Зъ того жъ числа п. Василеви даровалемъ овецъ 20 и барановъ 2, и корову зъ телямъ. Телятъ болшихъ, въ томъ же футорѣ, по той же рахубѣ — 42, а меншихъ 9, и того 51. Взялисмо молодихъ неижджалихъ коней до езди 4: 1, гнѣдій болшій, 2, гнѣдій менш́ій, 3, рижострокатій, 4, малій сивій, а 5, взяли рижого шинкара, 6, зѣкраху старого. Оставили у футорѣ коней иждӂалихъ молодихъ 3, вороного бѣлоногого, вороного и подпалого, а трое старихъ, пару рижихъ и за козла вимѣнятого. Сѣна показалось тамъ зробленного скиртъ—. Масла и сира по дѣжцѣ у футорѣ показалось. Поехали зъ футора передъ вечоромъ и на ночъ пріехалисмо въ Березняки.

14. Рано зъ Березняковъ поехавши, пріехали на обѣдъ въ Лубнѣ, гдѣ була у насъ старшина, и зъ дому билемъ въ Івана Івановича Ѳейтера аптекара. Комисарови дали цѣни полумисковъ ламанихъ фунтъ 26, а велѣли ему зробити фляшу цѣновую, круглую, у полтора gарца, голяничокъ двѣ, тацу на чай или кагве, и чайникъ, и зъ остатку—полумиски. Гончареви плютинскому Стецкови казалемъ зробить до печей сварковскихъ лазаревой: поясковъ нижнихъ зеленихъ 11, поясковъ середнѣхъ 16, кахоль 80, кзимсовъ 13, карунокъ 15, а до жовтой: поясковъ нижнихъ 13, кзимсу верхнего 8, карунковъ 13, середнѣхъ поясковъ 6, кахоль 10. Другому гончареви казалемъ sta .... (?) робити и полѣцилемъ

его котляреви; а котляреви Семенови, здѣлавшому теперъ мнѣ два казани, еще трубъ 6 до онихъ казалемъ здѣлать, а третій казанъ послѣ зробится. Казалемъ атаманови Пріймѣ да Семену Котляреви о сливахъ старатись. Романъ молодикъ казалъ, что въ шинкъ нашъ лубенскій розситилъ меду полъ 3 кухви, а пива—. Горѣлки зась мало есть. Виехалисмо зъ Лубенъ на ночъ до Александровки, где въ лазнѣ мились. Едучи, Павелъ Корнѣенко розговорувалъ со мною о Турковскомъ. Даломъ рецептъ Өейтеру лѣкарствъ потребнихъ мнѣ на хороби.

15. Обѣдалисмо въ Александровцѣ; старшина лубенская були знову въ Александровцѣ и привезли вина стоянецъ. У лукомского сторожа коня вороност螺окатого отобралисмо, а ему мѣетъ асаулъ Кузма дать вороного приблуду и другого коника. Булисмо у Сухомузкого виехавши, где бувши у винницѣ его, видѣлемъ носатку у полтретя вѣдерка зъ квартою, а на оную идетъ муки четвериковъ 2, мѣри роменской. Кашира сварковскій стрѣлся зъ нами на дорозѣ, едучи онъ на дворничество до футора нашего Криворудского. Пріехалисмо позно до Сухоносовки.

16. Въ Сухоносовку пріездили сотникъ городискій, отецъ намѣстникъ красногор(скій). Пчоли у Сухоносовцѣ теперъ показалось 85. Тютюну нового 400 шнуровъ, а старого папушъ 700. Сѣна старого и нового, на степку, 17 скиртъ, а една за селомъ. Масла въ Сухоносовцѣ показалось 10 дѣжокъ, а сира по болшъ; толко, же погнилъ, велѣли поперекладовать. Зъ Сухоносовки того жъ дня поехалисмо и на степку обѣдали, а на ночъ пріехали въ Луку где застали родителку и брата п. Андрѣя и братовую.

17. Именини родителскіе отправляли, принималемъ гостей собраніи (?) и подпияхомъ.

18. Неделя. Тіе жъ гости були допозна трактовани. Атаманови лубенскому Пріймѣ да Григорію Котляренку полѣцилемъ словесно зъехать въ сотню лукомскую для учинення розисковъ о убійствѣ отъ Петра Кривого и о протчемъ. Алексѣй Хелкидецкій и Циболскій у вечеру пріехали въ Луку. Явились дроновскіе подда-

ніе князя свѣтлѣйш. и отправлени въ Роменъ до правителей, ради рѣшенія дѣла ихъ.

19. Отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ въ примиреніе прійшли. Панъ судця прилуцкій Іванъ Марковичъ 4 годин дня преставился. У лазнѣ булисмо. П. Василь Романовичъ пріехалъ зъ Ромна.

20. Отца Савѣцкого виправили въ Кіевъ зъ пистами: инстанціялнимъ еднимъ о ему до архиерея, а до архиерея жъ, ректора и писара, о отцу Іоанну, взглядомъ церкви святой Николской, напрасно запечатанной. Поехалисмо въ Глинскъ на обѣдъ, где вѣсть принесена о умертвіи пана судіи. Позно у вечеру поехалемъ зъ Глинска въ Прилуку.

21. Пріехалемъ въ монастиръ Густинскій рано, где передъ двермн, лѣвими, боковими, положенъ панъ судія. Пообѣдавши у ігумена Клеопи, пріехалемъ въ Прилуку. Получилемъ писмо отъ обозного, въ которомъ обявляетъ, что прокуроръ колегіи малор., бувши переездомъ зъ Сорочинецъ, въ Лохвицѣ, и стоявши въ его дому квартерою, виговорувалъ будто нерѣшени чолобитніе на родителя поданніе господину Румянцову, о чомъ би мнѣ отвѣтствовать.

22. Получилемъ писма зъ Чорнухъ и вѣденій двѣ: одно, о проданномъ зборномъ меду, а другое, о принятихъ регляментахъ объ овцахъ мѣючихъ содержатись. Обѣдъ бувъ въ дому пана судіи; по обѣдѣ бувъ у п. Федора, где Синдаровского видѣлемъ и кагве пили. П. Федоръ мнѣ копію тестаменту п. суддѣ небожчика далъ.

23. Рано у мене п. Федоръ бувъ и розговорувалисмо о тестаментъ, когда говорилъ при Федору Засулному, что коня сивого турецкого суддѣ мѣютъ дать на мою персону. Послалемъ писма до родителя, самой родителки, и отъ еи до правителей въ Глуховъ о присилкѣ указу къ Волжину, взглядомъ козаковъ новоуписнихъ засулскихъ; до правителей лубенскихъ о томъ, чтобъ написали въ сотнѣ, даби дали всѣ господари мѣючіе свои овци доношеніе, что приняли они регляменти и готови по нихъ содержать свои овци и чтобъ старшина, кому печатнихъ нестанетъ регляментовъ, тимъ би

скопіевать давать. До ихъ же и зъ чорнуской сотнѣ присланіе двѣ вѣденія: одно о зборномъ, проданномъ меду, а другое, объ овцахъ и регламентахъ послалемъ; а все тое послалося черезъ Якима, сторожа лукомского. Бувши зъ п. Федоромъ въ п. судіиной, пожекгналемъ еи и п. Демянову, которой далемъ карту, жеби мѣрочникъ журавскій у млинѣ родителскомъ пашню п. Демяновой безъ продолженія моломъ. Зъ п. Федоромъ поехалисмо зъ Прилуки на Соричинцѣ, до его дому достроючогося, где порозглядѣвши, отехалемъ въ монастиръ Густинскій. Въ монастирѣ отца ігумена Клеопу просилемъ панахиду надъ п. суддею отправити, и отправлена передъ службою. Ему жъ далемъ руб. 2. По службѣ отехалемъ, а едучи до Срѣбного, стрѣтилемся, на половинѣ дороги, зъ п. сотникомъ срѣбранскимъ, которій въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что иноземецъ овечій надзиратель, бивши въ Срѣбномъ, сказалъ для ста овецъ здѣлать овчарню 7 сажень и аршинъ долготою, а шириною 3 сажень. Пріехалемъ позно въ Срѣбное и въ городѣ ночовалемъ, въ шапочника Дацка.

24. Поехавши рано зъ Срѣбного, переехалемъ села: Харитоновку до ратуша срѣбранского тагучую, и Хоминцѣ Билимови, и пріехалемъ на обѣдъ въ Глинскъ, до Василя. Зъ Глинска послалемъ сторожа лохвицкого зъ писмомъ до маіора Кологривого о баранахъ до бранокъ овецъ способнихъ, жеби продажею или обмѣною намъ уступилъ и о томъ би отъ его передомъ мнѣ увѣдомить. Виехавши по обѣдѣ зъ Глинска, заехалемъ до Федора Зарудного и тамъ посидѣвши мало, поехалемъ зъ старимъ Заруднимъ до Луки и позно пріехалемъ. Засталемъ у Луцѣ брата п. Андрѣя зъ братовою, которій вернулся зъ Короваювъ, а моя сожителница передомъ сего жъ дня отехала въ Роменъ. Также и Алексѣй Хелкидоцкій.

25. Неделя. Полку Інгермоланского офѣцери зъ ротами ехали черезъ село на квартери зимніе и тутъ 9 роти капитанъ ночовалъ. Писмо отъ старшини роменской получилемъ о прибувшемъ капралу 9 роти Інгермоланского полку въ Роменъ для занятя квартери капитану въ Засуллю, которому приговорили старшини оную отвести въ городѣ, або (*) въ иншихъ селахъ. якъ согласуючи и я отпи-

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.